

Вторая часть.
ЧЕРНАЯ ОРХИДЕЯ ПЕСНИ
(перевод с французского языка Ирины Лиминг)

«Констелласьон»

Канун Рождества Иоланда провела с семьей. Атмосферу нельзя было назвать праздничной. Париж был самым прекрасным подарком для нее, но она уже думала о цене. Для остальных это была разлука. Ее успехи как будто впустили свежий воздух в этот душный дом; ее отъезд оставит огромную пустоту.

Вся семья провожала в аэропорту свою блудную и гениальную дочь. Никто из них ни разу не летал на самолете.

«Хорошо ли они держатся в воздухе, эти птицы?», спрашивала себя Джузеппина. Она отчаянно прижимала к себе дочь, такую элегантную в пастельном пальто с воротником из шали.

- Одевайся как следует; там, кажется, очень холодно, - умоляла она.

В последний раз Иоланда поцеловала свою мать. Она направилась по пассажирскому проходу к самолету «Констелласьон» компании Эр-Франс, одно название которого казалось ей целой программой. Она не оборачивалась, она слишком боялась, что не выдержит. Вдруг она задрожала. Она собиралась совершить головокружительный прыжок в неизвестность. Все воспоминания, все привязанности тянули ее назад, но нечто еще более властное толкало вперед: рука судьбы...

Когда она села в самолет, ее паника возросла еще больше, хотя Марк де Гастен отечески погладил ее по руке. Она собрала всю свою волю, чтобы смотреть прямо перед собой и не бросать даже взгляда в иллюминатор. Ей было бы невыносимо видеть, как исчезают охровые громады пирамид и золотые волны пустыни. У нее на коленях была сумочка, которую она сжимала в руках. Там было все ее богатство: две сотни франков! А в багажном отделении лежал ее чемодан, пустой и полный мечтаний.

Ей был двадцать один год, рост – 168 см, но из-за величественной осанки она казалась выше. 95 см - обхват груди и бедер, 52 см – талия: в самом деле, красивая девушка. Под шерстяным пальто на ней был белый пуловер с круглым воротником и тигровый костюм, сшитый матерью. Она нервно теребила золотой медальон с Мадонной, который носила на шее.

- Всегда носи её, она тебя защитит, - сказала Джузеппина.

Она повторяла про себя новый девиз, который сохранит навсегда: «Если ты чего-то на самом деле хочешь, то в конце концов добьешься своего».

Но сейчас надо было не заканчивать, а начинать. Ей нужно было быстро добиться успеха. Конечно, мать повторяла ей:

- Если ты будешь там несчастна, если тебе будет плохо, возвращайся.

Она дотронулась в сумочке до своего талисмана: обратного билета. Это немного успокоило ее, но все же она была уверена, что не вернется. Не раньше, чем победит. Она не собиралась возвратиться с опущенной головой, разочаровывать родных. Матери и братьям она обещала, что как только сможет, заберет их к себе. Семья Джильотти, сплоченная неприкаянностью, трудностями и трауром, не могла бы надолго разлучиться.

И потом, дело было еще в другом. Несмотря на облегчение от мирного времени, глухая тревога не покидала египетских европейцев в начале 50-х годов. Тысячи рабочих, нанятых британской армией, потеряли работу. Инфляция, рост цен, безработица: начались забастовки. Движение «Мусульманских братьев» набирало обороты. Оно проповедовало ненависть к англичанам, любовь к родине, возвращение ислама как фундамента арабской идентичности.

Короля Фарука упрекали в разврате, жадности, любви к роскоши. Ему не прощали и поражения в войне с Израилем. В 1945 году под покровительством Египта была образована Лига арабских государств. Государство Израиль появилось 14 мая 1948 года. А на следующий день египетская армия вторглась в Палестину. Началась война: солдаты, которые уходили гордыми и уверенными, перебежали через границу истощенными, оборванными, побежденными. Позорное перемирие было подписано 24 февраля 1949 года. Закупки оружия разрушили страну. Отсюда яростные бунты 26 января 1952 года, когда в Каире был пожар. Король ушел 26 июля. Вскоре провозгласили республику. Гамаль Абдель Нассер был новым правителем в Египте. Гениальный демагог, это был человек с квадратным подбородком и взглядом, исполненным бездонной печали.

Он превозносил национализм и арабское единство. Его голос был завораживающим, неутомимым, и его речи разжигали массы.

1954 стал для каирских европейцев годом предупреждения. До тех пор они мирились с бедами, которые потрясали страну. Их статуса они не затрагивали. Приверженность монархии к западной роскоши была для них некоей защитой. Некоторые продолжали жить в Египте, как в романах Лоуренса Даррелла (Lawrence Durrell). Но Нассер внушал гораздо большую тревогу. Он подталкивал к мятежу угнетенные массы и стремился стать их глашатаем. Господствующий и богатый европеец казался им козлом отпущения за их нищету. «Однажды им придется уйти...»

И вот Иоланда обратила внимание на политику. Благодаря своей бабушке она обо всем знала.

- Здесь для нас больше нет будущего, - сказала она родным, прежде чем уехать.

Несмотря на любовь к этой стране, она вырвалась отсюда. Так было нужно. Ужасно еще раз отрываться от корней. Но первым всегда уезжает самый честолюбивый в общине... Она знала, что на нее возлагают надежды все родственники. Она уехала на разведку. Вот почему она не могла позволить себе ошибиться. Вот почему в аэропорту она сказала матери:

- Мама, я тебя не забуду. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Скоро, в Париже, я устрою тебе жизнь королевы...

Ее дяди уже мечтали вернуться в Италию и размышляли о возможных способах. Италию Иоланда тоже любила, но ее родные там слишком много страдали. Возвращение назад было бы для нее поражением. Место нищеты, боли и измены, это была еще и родная страна ее отца, с которым она пока что не примирилась.

Она не оставила свою семью в нужде. Джузеппина получала в итальянском консульстве скромную пенсию вдовы. Старший брат, все такой же серьезный и ответственный, преуспевал в своей профессии инженера. Бруно, самый юный, продолжал учиться в колледже на техника. Но он проявлял еще меньше энтузиазма, чем Иоланда перед своей пишущей машинкой. Это старший брат решал за него. Мечтая о кино, он учился очень плохо, но умел выкручиваться в последний момент, словно чудом. Благодаря отличной памяти он сдавал экзамены, не участь, повторяя уроки за полчаса до контрольных работ. Он закусил удила. В его воображении тоже загорелось слово «Париж».

Рождество в Париже

Самолет взлетел в десять часов утра и приземлился в Бурже после полудня в день Рождества.

- Дамы и господа, мы прибыли в Париж, - объявил приятный голос стюардессы. Иоланда убрала свою ручку. Во время полета она тренировалась по-новому подписываться: «Далида», с огромным «Д», большим, как надежда. В иллюминатор она впервые увидела Париж: множество миниатюрных домиков, тонувших в зимнем тумане.

Выйдя из самолета, она задрожала от холода и приподняла воротник пальто озябшей рукой. За окном такси проплывал пригород. Все было тусклым и серым. К счастью, недолго: пошел снег, создавая феерию белого Рождества. Она видела такое только в кино.

Гастены жили в удобной квартире на тихой улице недалеко от Елисейских Полей. Иоланда только-только распаковала чемодан и сразу бросилась увидеть «самую красивую улицу в мире». В то время года темнело рано. Рождественские огни и украшения ослепляли ее. Все казалось огромным. А магазины – какие роскошные, просторные, с такими высокими потолками! Все было закрыто по поводу праздника – но в любом случае, у нее не было денег. И она наслаждалась разглядыванием витрин. Удовольствие для глаз... Потом она наблюдала за гуляющими прохожими, восхищалась легкой элегантностью женщин и классической непринужденностью мужчин. Оживленность кафе, кинотеатров...

«Здесь я дома. Я никуда отсюда не уеду», сказала она себе.

Она подумала о своих близких в Шубре, в их маленьком доме, об огнях Каира, на которые она смотрела с террасы.

Всего за полчаса, пока она шла от Триумфальной арки до площади Согласия, она как будто проделала огромный путь. Она рассмеялась в одиночестве: она больше не чувствовала холода.

Полковник

Полковник Видаль был настоящим джентльменом, очень старой школы. Пожалуй, даже немного чересчур, но она еще этого не знала. Полковник любил девушек, певиц, актрис. Лошадей на скачках и райских птиц. Он заглядывался на нее, но делал это незаметно. Марк де Гастен объяснил ему, что мисс Египет – юная и хорошо воспитанная девушка, к тому же католичка. Он с ностальгией смотрел, как на груди его протеже покачивался медальон Святой девы. Порой она быстро дотрагивалась от него, как будто желая отвести беду.

Она не могла долго задерживаться у Гастенов. К тому же ей хотелось взлететь на собственных крыльях. У полковника был дом, №67 на улице Понтье (rue Ponthieu). Через месяц после приезда Иоланды он поселил ее на восьмом этаже, в маленькой комнатке под крышей. В мансарде, где зимой было холодно, а летом душно. Тем хуже: через слуховое окно она видела небо Парижа. Ее друзья-голуби прилетали поздороваться с ней. Наконец, она получила ту независимость, о которой всегда мечтала. Настоящая революция!

И вот она независима! Но в Париже, несмотря на ее надежды, никто ее не ждал. Обещания Гастена не исполнились. Что касается полковника, он много суетился, но без особенных результатов. Иоланда быстро поняла, что ей придется выбирать самой. Что ж, она привыкла. Сейчас, по крайней мере, полковник оплачивал ее расходы. Он попросил ее подписать контракт: когда она начнет работать, он получит назад все, что дал авансом.

Время крутых яиц

Она училась одиночеству: впервые в жизни вокруг нее никого не было. Не было Джузеппины, чтобы шить ей платья, не было брата, чтобы вместе мечтать о будущем, не было Розы, чтобы причесывать ей волосы. К тому же будущее уже наступило, и оно казалось ей очень пустым.

В память о церкви, куда они вместе ходили, мать прислала ей изображение святой Терезы из Лизье. Сверху она написала: *Ti bacio forte forte, Mamma* («Целую тебя крепко-крепко, мама»). Иоланда поставила изображение на комод. Когда она смотрела на него, это ее утешало. Она тоже писала домой каждую неделю:

«Я живу рядом с Елисейскими Полями, самой красивой улицей в мире, в элегантном квартале, где много витрин...»

Судя по ее письмам, все шло хорошо. На самом деле было по-другому. Рекомендательные письма из Египта оказались бесполезными. Если в Каире она подавала надежды, здесь она не существовала. Просто еще одна Мисс. Она сама шла стучаться в двери продюсеров, но оказывалась в целой толпе безработных актрис. Париж изобиловал красивыми девушками. Красивая девушка может дать только то, что у нее есть, а этого Иоланда, что бы ни случилось, не сделает. Она хранила себя для любви. Настоящей. Для мужчины, который будет стоить этих страданий.

Джузеппина, со своей стороны, сомневалась, такая ли уж розовая жизнь в Париже. Члены семьи Джильотти были соединены некой телепатической связью. Каждый день она незаметно отправлялась в маленькую церковь Святой Терезы. Она вставала на колени и снова видела Иоланду во время крещения, а потом в платье для первого причастия. Счастливые воспоминания. В маленькой часовне, перед статуей святой, она часто молилась раньше. Она молила эти глаза, отлитые из золота, о милости: вернуть зрение её дочери. Теперь она просила Терезу защитить Иоланду от дурных знакомств.

Щедрость полковника Видаля таяла на глазах. Она переехала с улицы Понтье в еще более маленькую комнатку на улице Жан-Мермоз (rue Jean-Mermoz). Здесь у нее хотя бы появился первый друг. Он жил в комнате напротив, он был темноволосым, очень красивым, немного диким. Иногда улыбка озаряла его робкое лицо.

- Я вернулся из Индокитая, - сказал он ей в редком порыве откровенности.

Он тоже хотел стать актером, но никогда еще не снимался. Они здоровались и прощались друг с другом, обменивались сведениями, делились при случае крутыми яйцами. Он был красив, она была красива, но они были так озабочены карьерой, что у них завязалась только дружба. Она станет нерушимой.

Его звали Аллен Делон. Позже он скажет:

- Она очень нравилась мне, так как была исключительной женщиной. Как певица, она не вызывала единодушия, потому что в искусстве единодушия не существует, но я мог бы сказать, что как Женщина, женщина с большой буквы, она вызывала единодушие.

Уроки пения

Она часто питалась воздухом. Она радовалась, что теряет свои округлости: они выглядели чересчур восточными. Джузеппина писала:

«Хорошо ли ты ешь?»

Ее дочь нравилась ей пухленькой.

Иоланда была разочарована, но никогда не теряла веру в себя. Она думала:

«Это на шесть месяцев. Столько надо продержаться»

Каждый прожитый день был битвой, в которой она проигрывала и побеждала. Она плохо говорила по-французски, плохо знала Париж, ей случалось заблудиться, когда она шла на пробы.

Покидая Каир, она была уверена, абсолютно уверена, что судьба ждет ее в Париже. Она верила в судьбу. Она всегда будет в нее верить. Бывает, что выпадает шанс. Он выпадает один раз, изредка два, и надо суметь поймать его на лету. Она задаст себе этот вопрос лишь гораздо позже: а что случилось бы, если бы она прислушалась к страхам своей матери и осталась в Каире? Но она не прислушалась: судьба назначила ей свидание, она пришла, но теперь выходило, что судьба ее подвела...

А там все получилось так просто! Неужели она присоединится к когорте экс-звездочек, быстро забытых надежд одного сезона, которые цепляются за прошлое?

«Шесть месяцев», повторяла она про себя, «шесть месяцев». По вечерам она плакала в своей кровати. Днем она ела все меньше и меньше, экономила на всем. Кофе с круассаном на террасе стал роскошью. К унижениям она привыкала не так легко. «Вам напишут» - но, разумеется, ни разу не написали. Усталость от странствий по Парижу. Единственное платье – а ведь надо было казаться шикарной, чтобы тебя заметили в модных кабаре. Улыбаться так, что болели скулы, и скрывать своё разочарование, потому что просители не имеют права на состояние души. И самое худшее из всего: возвращаться по вечерам в свою пустую и холодную комнату.

И все-таки она не теряла времени даром. Она слушала, она наблюдала. Ее французский становился лучше. Она частично избавилась от своего акцента, но продолжала перекачивать звук «р». Это было сильнее её, и тем лучше: у каждой звезды должен быть узнаваемый изъян, который становится символом ее образа. Она привыкала к французскому обществу. Для тех, у кого нет ничего, Париж был огромным спектаклем.

Полковник Видаль сделал для нее по крайней мере одно. Марк де Гастен рассказал ему о голосе Иоланды. Полковник признал, что это верно, и посоветовал ей работать над ним. Он устроил ей встречу с двумя или тремя профессорами вокала. Она охотно отправлялась на уроки, потому что долгие дни трудно было заполнять. Одной красоты было недостаточно, она нуждалась в других козырях. Ее учили петь вокализы и работали над ее дикцией, она видела, что ее техника улучшается, но страдала от неловкости. Ей указали на другого профессора, Ролана Берже (Roland Berger). Гениальный безумец, нелюдим с трудным характером, который работал только с теми артистами, в которых верил. Его репутация не красила его. Тем хуже. Его интересовало только одно: выявлять талант.

Разумеется, он не верил во вновь прибывшую. Ему представили её так:

- Она из Египта, это очень красивая девушка. Едва ли талантлива, но может делать деньги.

Однако когда она вошла, он был потрясен. Его поразила её энергия, её энтузиазм.

- Она была великолепно сложена - скажет он. – И светлая, как луч солнца в ателье.

Ее волосы, похожие на ночные волны, ее цыганские серьги, ее платье, алое, как страсть, которую она олицетворяла... Он сел за пианино, а она напевала. Он подумал, что она не умеет петь. И все-таки, этот тембр...

Она не умела ставить голос, но ее естественность была преимуществом. Что-то подсказало Ролану Берже не выпроваживать за дверь вновь пришедшую. Он сказал себе, что ему в руки попал необработанный алмаз.

Кабаре

Ролан Берже привязался к Иоланде. Так как у нее не было денег, чтобы оплачивать уроки, он **сделал ей скидку**. Взамен он требовал повинования и покорности. Он был властным, яростным, нервным. У него был тяжелый характер, и у неё тоже. Его метод заключался в том, чтобы подталкивать людей и заставлять их вылезать из своей скорлупы. Освободить то, что в них глубоко скрыто, ту чувствительность, ту внутреннюю рану, которую они защищают, но которая и есть источник искусства.

Когда он кричал, в Иоланде воскресал Пьетро. Она уже некоторое время думала об отце. С тех пор, как занималась музыкой. Музыкой, чувством в чистом виде. Она начинала понимать, как он мог страдать. Она поклялась доказать ему, Пьетро, что она стала кем-то.

«Там, где ты есть, ты меня услышишь...»

Она еще не простила отца. Она хотела взять реванш за все унижения. Быть любимой вопреки всему, вопреки смерти. Она пела. Её голос развивался. Ее изумляла эта птица, которая вырывалась у неё из груди.

Как и её отец, Роланд Берже никогда не был доволен. Он называл ее всеми бранными словами. Она отвечала ему. Хлопали двери. Его раздражало, что она давала отпор, но в то же время и нравилось. Он узнавал себя, он любил темпераментных людей. Он научил ее ставить голос ниже, в грудной клетке, чтобы сделать его серьезнее, глубже, заставлял ее петь на уровне диафрагмы. Он учил ее отталкиваться от своей индивидуальности, искать саму себя, не пытаясь никому подражать. Надо понимать, что поешь, уделять внимание тексту.

Она ходила к нему несколько месяцев. Роковой срок миновал. Однажды они поспорили особенно яростно. Он упрекал ее, что она интересуется лишь шансонетками. Она хлопнула дверью громче, чем обычно.

Ссора была настоящей, но не окончательной. Изредка она будет возвращаться. Она скажет потом, что он был единственным, кто чему-то научил её. Она будет хвалить его доброту, терпение, щедрость.

Роланд Берже оказал ей последнюю услугу: отправил её попытать удачи в «Золотом сукне» («*Drap d'Or*»). В шикарном клубе на Елисейских Полях, который позже будет называться «Распутин» («*Raspoutine*»), и где будут выступать звезды песни. Джина Гардель (*Gina Gardel*) пела там танго. Хозяин задумывался о будущем и давал шанс молодым талантам. В Париже тогда была великая эпоха кабаре. Там шли самые разные представления. Жонглеры, клоуны и куплетисты выступали перед певцами в первом отделении.

Хозяин «Золотого сукна» мыслил здраво. У этой скованной дебютантки не было ни своего репертуара, ни даже сценического костюма. И все же у нее был козырь, которое заранее давал ей преимущество: ее внешность иностранки. Новая звезда царила тогда в Париже: Глория Лассо (*Gloria Lasso*). Эта испанка с наигранным видом изгнанницы из пампы произвела фурор, мурлыкая модный шлягер: «*Чужестранка в раю*» («*Etrangere au paradis*»). Прекрасная ностальгическая мелодия. Таким образом, Глория сместила Рину Кетти (*Rina Ketty*), почти забытую со времен войны, но в 1938 году она добилась большого успеха с песней «*Я буду ждать*» («*J'attendrai*»). Иоланда обратит внимание на Рину позже, а сначала позаимствует у Глории ее «Чужестранку». Ничего особенного: в то время один исполнял песню, а другие подхватывали её.

Иоланда сделала попытку перед хозяином «Золотого сукна». Он оживился, слушая волшебные рулады этого солнечного голоса. До тех пор, однако, это играло против неё. Ей говорили, что Глория Лассо уже здесь, что она напоминает Рину Кетти, не будучи ею.

«И это красивая девушка!», подумал хозяин. Еще одно качество, которым Глория, надо признать, не обладала. Как и другие, ни Пиаф, ни Жаклин Франсуа. Мода все еще была на простых девушек в черном повседневном платье, неподвижно стоящих за объемным микрофоном, и только их руки шевелились. Но эта сводила с ума: один ее вид поднимал настроение.

На узкой сцене «Золотого сукна» не было никаких декораций – только она и пианист. И там, совсем рядом, была публика. Нелегко было петь в кабаре, если ты не звезда. Но публика для Иоланды не состояла из вечерних незнакомцев. Она и публика немедленно узнали друг друга, как в песне «*Strangers in the night*». Иоланда почувствовала её с самого первого момента, но однажды она споёт ей:

Браво, подарите мне браво

*Для сердца, для утешения это мое единственное слово любви,
Подарите мне браво, чтобы я могла уйти, чтобы я могла уснуть.*

Да, ей аплодировали. Небрежно.

- Кто это такая? Неплохо... Передай мне зажигалку...

Неважно. Она была довольна. Аплодисменты были бальзамом на ее печаль, такую глубокую.

Она не задержалась. Как только она сошла со сцены, те самые люди, которые только что были так близко к ней, стали её пугать. Она могла усмирить их только своим голосом. Она убегала по темным улицам.

- Эй, мадемуазель!

Она не оборачивалась. Не слушать мужчин. Думать о маме.

Её комната оставалась такой же пустой. На почтовой открытке улыбалась маленькая Тереза. Иоланда поблагодарила её. В тот вечер она заснула без слез. Потому что ей аплодировали. Публика, её единственная любовь.

Далида

Когда она проснулась на следующий день, все изменилось. Она перестала ждать. Теперь уже публика ждала её. Она порылась в сумочке и нашла свой вчерашний гонорар. Пятьдесят франков. Из них она должна была заплатить пианисту. Она посчитала и подумала, что эпоха крутых яиц еще не кончилась.

И ей была очень нужна сценическая одежда. Во время долгих ожиданий перед пробами, в передних у продюсеров, вы, чтобы убить время, могли делиться секретами выживания с сидящей рядом незнакомкой, которая, возможно, получит роль вместо вас. Так Иоланда узнала имя одной портнихи. Еще не наступило царство прет-а-порте. «Маленькая портниха» с руками волшебницы шила по моделям из журналов. Иоланда купила два куска ткани, белый и черный. Она заказала два платья «для коктейля», короткие и очень простые. Она добавит к ним только серьги. Этот стиль она сохранит надолго.

Судьба никогда не стучится к нам только однажды, и она дала о себе знать в лице Жака Паоли, хозяина другого элегантного клуба на Елисейских Полях, Виллы д'Эсте (Villa d'Este). В то время певцы, чтобы выжить, появлялись в двух или трех кабаре. Она будет выступать в двух клубах. В Вилле д'Эсте была принята формула «ужин-представление».

Это был клуб более высокого уровня. Греко, Азнавур выступали здесь в качестве звезд.

Сначала она выходила в начале представления. Она пела перед рядами столиков, красиво украшенных, но пустых. И она представляла себе зрителей. А когда все кончалось, она уходила в свою комнатку и плакала, сжимая пальцы. Она спрашивала себя, страдал ли так же ее отец. И клялась петь завтра так хорошо, чтобы люди почувствовали это и пришли, как по волшебству.

Это правда, что ей нужно было многому учиться. Её голос еще дрожал от страха, ее жесты были напряженными. Но песни она быстро переставала играть, они становились ее собственными. Она всегда будет проживать свои песни и петь свою жизнь, с такой искренностью чувств, которая возвышает самые избитые клише, озаряет самую простую песенку.

В Вилле д'Эсте она встретила модного писателя и сценариста, Альбера Машара. Он написал сценарий к одному из фильмов де Сики, «Завтра будет слишком поздно» («*Demain il sera trop tard*»), который прославил молодую актрису Пьер Анджели (Pier Angeli). Во время ужина они с удовольствием разговаривали. Машар подшучивал над ее библейским псевдонимом.

- Такое имя трудно носить! Если ты прославишься, тебе всегда будут напоминать о Самсоне.

- Если все мужчины, которые придут на мой концерт, останутся в шапках, это будет неудобно!
– признала она.

Он посоветовал ей изменить последний звук. Вместо двух «л» пусть будет два «д».

- «Д», как “*Dieu le pere*” (Отче наш), - добавил он, рассмеявшись.

Он не знал, насколько верно попал. Перемена совершилась. Иоланда попробовала свое новое имя на вкус.

«Оно создано для меня! Только для меня!»

Она, которая хотела стать исключительной, нашла себе уникальное имя.

Неоновые огни

И вскоре, придя однажды вечером в Виллу д'Эсте, она впервые увидела, как её новое имя светится неоновыми огнями на вывеске клуба: «Далида, откровение песни». Полковник Видаль устроил для нее хотя бы это.

Это немедленно вызвало зависть ее коллег.

- Почему она, а не я? – бормотали они сквозь зубы.

Но это она уже проделала этот путь, эта малышка. Прекрасный бизнесмен, Жак Паоли заметил, что публика приходит ради нее. Для неизвестного артиста формула «ужин-представление» труднее, чем кабаре. «Трюк» с Далидой удался, зал был полон, но люди обращали больше внимания на свою тарелку, чем на сцену, и откладывали вилку лишь при выходе звезды. Нужно было петь, невзирая на позвякивание приборов и гул разговоров. Каждый раз, когда входили новые клиенты, передвигались стулья. Но Иоланда не позволяла себе сбиться. Став Далидой, она оказалась в другом мире, мире музыки. Сила ее воображения влияла на зал. Паоли почувствовал звезду и занял ее в четырех следующих программах.

Один из двух братьев, хозяев «Золотого сукна», был без ума от нее. Далида даже не замечала этого. В тот период на нее не действовали мужские взгляды. Одна мысль захватила ее: добиться успеха. И вот другая певица стала любовницей хозяина, который теперь смотрел только на нее.

Как-то вечером, прежде чем выйти на сцену, Далида пошла за платьем, которое оставила в гардеробе. Но надеть его было нельзя: певица, которая считала себя ее соперницей, разрежала платье сверху донизу, чтобы помешать ей петь.

Некоторое время спустя Далида, выйдя на сцену в юбке и свитере, выступила с триумфом. В Сен-Жермен-де-Пре царил тогда экзистенциализм, и его последователи презирали условности в одежде. Они танцевали в кабаре в одних воротниках и узких панталонах.

Но Далида не была ангажированной певицей. Вернее, ее единственным ангажементам, ради которого она будет петь и бороться всю жизнь, была любовь.

То, что публика принимала ее, приходила к ней на свидание, уже было для нее чудом.

Однажды вечером в Виллу д'Эсте пришел король Фарук. Узнав, что Далида родом из Египта, он спросил, не хочет ли она посидеть с ним после представления. Обычно, во избежание таких ситуаций, она уходила очень быстро, сразу после того, как спела. Но в тот вечер ее захватила ностальгия по родной стране, и она согласилась, в восторге, что встретила с королем. Они обменялись несколькими словами. Далида, однако, оставалась настороже, потому что у короля была репутация ловеласа и дебошира. И вдруг, без всякого предупреждения, он позволил себе положить руку на бедро своей дорогой соотечественницы. Импульсивная Далида мгновенно поднялась, дала монарху пощечину и покинула столик. К счастью, он принял это с улыбкой, и сказал встревоженному хозяину:

- Вот такие наши девушки! У них есть характер!

Паоли успокоился: ведь его клуб считался серьезным. Они с Далидой сохраняют хорошие отношения: через два или три года, когда она прославится и не будет уже выступать в кабаре, он попросит ее спеть у него один раз, в память об эпохе крутых яиц. Она дружески согласится.

Далида всем нравилась в этом клубе, здесь у нее не было соперниц. Она завязала дружбу со своей юной коллегой, Жизель Колин (Gisèle Colline). Жизель, зная о ее одиночестве, приглашала ее на выходные к своим родителям. Ах, какое счастье поесть домашние блюда, после того, как питалась одними бутербродами! Они надолго останутся подругами, даже когда Жизель прекратит петь.

Именно в Вилле д'Эсте она познакомилась с великим египетским певцом Фаридом аль Атраше: Зарпанелли когда-то хотел, чтобы они составили вместе поющий дуэт... Эта встреча тоже стала началом большой дружбы. Он будет приходить на ее выступления всякий раз, когда приедет в Париж, будет звонить ей и присылать цветы. На открытке он писал по-арабски непристойные глупости, которые могла понять только она. Она смеялась:

- Он ненормальный!

Вокруг нее люди спрашивали себя, что ее так рассмешило.

Ее завистливая коллега, сама того не желая, оказала ей услугу, когда разрежала платье «для коктейля». Она заказала другое, решившись на этот раз выбрать платье белое, длинное, драпированное в античном духе, с обнаженным плечом – в память о наряде женщины-вамп из её

первого фильма. Она нашла свой стиль. Она любила греко-романские туники, как в «пеплумах», где снималась, и таинственную игру восточных вуалей.

Хотя ее имя сверкало на фасаде, она не была еще звездой. Ее гонорар вырос, он составлял теперь сто пятьдесят франков и два сантима. Эта сумма казалась ей огромной, но полковник Видаль решил, что теперь она сама должна оплачивать свои расходы. Когда она внесла квартирную плату и отдала гонорар пианисту, ей осталось немного. Крутые яйца продолжали занимать важное место в её жизни...

Ожидание по вечерам

Встреча с публикой спасала ее от одиночества. Она обратится позже к смерти в песне «Умереть на сцене» («Mourir sur scene»):

«Приходи, но не тогда, когда я буду одинока...»

В ее заброшенности только толпа могла успокоить ее. В толпе, если не отзывается одно лицо, всегда найдутся другие, которых можно соблазнить, другие, готовые «любить ее безумно»...

Ее дни не состояли больше из одного лишь ожидания по вечерам. Еженедельное письмо родным перестало быть трудным моментом.

Появилась первая критика. Она с торжеством отправила этот отрывок:

«Три самые эффектные на сегодняшний день артистки ночного Парижа приехали, соответственно, из Нью-Йорка, Бразилии и Италии – блондинка, рыжая и брюнетка. Далида, итальянка, поет в Вилле д'Эсте».

Мужчины стали интересоваться ею. Сначала лишь её красотой, но она оставалась все такой же гордой и замкнутой. Ее личность и талант отделяли ее от других. Эта сиротка вызывала желание защищать.

Она познакомилась с удивительным человеком. Он держал игровой зал рядом с улицей Бальзака, Авиационный клуб. Он заметил эту вулканическую брюнетку в маленьком баре, по дороге из Лидо. Первый бар направо, где встречались артисты и делили кофе с молоком, сосиски и русские корншоны. Он заметил ее волчий аппетит и понял, что она никогда не наедается досыта. И вот он пригласил ее в свой клуб. Женщинам туда было нельзя, но он был слишком влюблен. Он провел ее через кухню и накормил. Он обращался с ней, как с дочерью, и всегда ее защищал. Они останутся друзьями до самого конца, он будет рядом в тяжелые минуты. Когда Далида привезет во Францию старшего брата, он даст ему работу.

У нее был теперь небольшой кружок поклонников. Никто из них не представлял себе, какая карьера ее ждет. Но она, она это знала. Настороженно принимая знаки их восхищения, она брала лишь то, что ей причиталось... Она могла бы быть у кого-нибудь на содержании, ей нужно было только выбрать. Но она не хотела подобного успеха.

«О моем замужестве и речи быть не может, я хочу сначала преуспеть в карьере», писала она матери. Она отделяла себя от тех звездочек, для которых появление на сцене или на экране – лишь средство в погоне за богатым мужем. Это, кстати, была одна из причин, по которой она оставила кино и обратилась к пению. Снимаясь в фильмах, она обратила внимание, что карьера здесь часто делается на канapé.

У нее перед глазами был наглядный пример того, что ждет слишком наивных девушек. Каждый день в один и тот же час, возвращаясь домой, она проходила мимо двух проституток, которые сначала принимали ее за свою. Как-то вечером одна из них резко заговорила с ней на улице Понтье. Но другая увидела ее фотографию в витрине кабаре.

- Нет, посмотри, это же певичка!

После этого они всегда говорили ей «доброй вечер». Они поняли, что Далида не была их конкуренткой. Это забавляло ее, но в то же время у нее на сердце был холодок из-за этих девушек, и она вспоминала о страхах Джузеппины.

«Я не опущусь...»

Нужда будет продолжаться полтора года. Ободренная своими первыми успехами, она ходила на прослушивания в звукозаписывающие компании. Она уже собиралась подписать контракт с «Вегай». Но дело затянулось, и скоро она поздравит себя с этим.

Однажды вечером Жак Паоли сказал Бруно Кокатриксу:

- У меня есть интересная молодая певица, ты должен ее послушать.

Кокатрикс, этот человечек, круглый, как яйцо, с манерами спокойного отца, но с материнским взглядом, был без ума от сцены. Песня была его жизнью. Это был один из лучших композиторов того времени: «Клопен-Клопан» («Clopin-Clorant»), «Волосы на ветру» («*Les Cheveux dans le vent*»). Он чувствовал в себе дух первооткрывателя: именно он прославил Беко. Он купил старый кинотеатр, «Олимпию», и твердо намеревался сделать из него самый знаменитый концертный зал в мире... Он искал новые таланты и создал для этого передачу на новой радиостанции «Европа 1», которая называлась «Номер один завтрашнего дня».

Кокатрикс и его художественный директор Рене Валери предложили Далиде спеть песню в этой передаче. Они записали ее на апрель. Она готовилась с трепетом: она знала, что слушать ее будут в зале. В ожидании она начала дополнительно выступать в клубе «Кэролс», который потом превратится в «Сен-Илэр» (le Saint-Hilaire). Она везде получала небольшие гонорары, но, отказывая себе во всем, она сэкономила достаточно, чтобы купить билет в Каир сразу после праздников. Она провела Рождество в одиночестве, это было грустно, но ей очень хотелось увидеть мать, которая все время переживала за нее.

Каирские газеты торжествовали:

«Новая звезда, мисс Египет, добилась успеха в Париже как певица».

«В знаменитом заведении Вилла д'Эсте, где ее имя сверкает тысячью огней, Королева Пустыни завоевала огромный успех».

Да, младшая сестренка выросла. Она привезла в чемодане, в подарок братьям, одеколон «Vetiver de Guerlain». Очарованные, они вдыхали пьянящий запах настоящей французской туалетной воды. Не сравнить с теми тяжелыми «ароматами Парижа», которыми душатся здесь...

Им было еще трудно называть ее Далида. Они увидели другую Иоланду, парижанку с более длинными и гладкими волосами, с более скромным макияжем, с маленькими сережками. Вилла д'Эсте научила ее быть утонченной. Выступая по вечерам, она надевала шиньон, который, как думали Бруно и Розы, придавал ей большой шик.

Ей удалось даже сберечь немного денег, чтобы привезти их Джузеппине, которая нисколько не сомневалась в жертвах своей дочери. Она развлекалась, ее приглашали повсюду: восхищенные подруги спешили увидеть ее. За медовыми и миндальными пирожными, за кофе с кардамоном она неутомимо рассказывала о своей жизни, которую приукрашивала: Париж и его изменчивое небо, круассаны на террасах кафе, витрины Диора и этот молодой актер, о котором все говорят, Жерар Филип...

Для этих девушек она уже принадлежала другому миру. И, правда, все казалось ей сейчас таким маленьким, таким бедным, тогда как в ее воспоминаниях все было таким большим! Улица Солиман-Паша, знаменитые «Елисейские Поля Каира» - какой узкой и темной она казалась Далиде с ее пыльными лавками, мавританскими кафе, где люди как будто не сдвинулись с места с тех пор, как она уехала...

Она изображала радостную улыбку, но ее сердце сжималось. У нее были только смутные надежды. Она не пошла на ёвестить могилу отца: она знала, что на самом деле пока не добилась успеха.

Время приятелей

Настал судьбоносный день «Номера один завтрашнего дня». За кулисами она ждала своей очереди, одетая в длинную атласную тунику из Виллы д'Эсте. Ее лицо было почти таким же белым, как платье. Она должна была спеть одну песню. Она пошла на риск, выбрав «Чужестранку в раю» («*Etrangère au paradis*»). Она знала, что ее будут сравнивать с Глорией Лассо, но хотела воспользоваться модой на латинских певцов «с акцентом», чья экзотика волновала публику, немного уставшую от бесконечной простоты артистов французского кабаре. Страна строилась заново, серый пейзаж послевоенного времени уступил место эйфории экономического бума, Нормандия вышла из моды, ее сместил Лазурный Берег, и, как спел Шарль Трене в «*Nationale 7*»:

*Париж стал всего лишь предместьем Валенсии,
И пригородом Сен-Поль-де-Ванс.*

Чтобы восстановить здоровье, французы нуждались в солнечных ваннах, и Далида была тем, что нужно: солнечная ванна. И она покажет это.

Возьми меня за руку...

И конечно, в тот вечер здесь, в зале, был человек, который возьмет ее за руку, эту чужестранку, чтобы отвести в рай.

Она чувствовала, что ее будущее решится сегодня вечером, но не знала, что оно разыгрывается в игре «421». Ведь пока она дрожала, двое мужчин сидели за столом в Романском баре рядом с Олимпией, на улице Комартен.

Эдди Барклай был скорее южанином с виду, у него было круглое лицо с тонкими чертами, победоносный взгляд и элегантные усы, а лоб еще не начал лысеть. Спортивная подтянутость на американский манер, медленные жесты – еще не говорили слова cool – глядя на этого плэйбоя, кто мог представить себе опасного коммерсанта?

Другой, Люсьен Морисс, был нескладным блондином с неправильным носом, с прической эстрадного певца, с застенчивым и нежным видом. Глаза, еще более синие, чем у его приятеля, говорили о живом уме, а тягучий голос выдавал парижанина, несмотря на англо-саксонскую небрежность в одежде. И все-таки в этом худом, почти безобразном лице, было что-то от славянского очарования...

Двое мужчин любили музыку и игру. Они были друзьями, что вовсе не мешало делам, скорее наоборот. Тем более их таланты дополняли друг друга. Эдди сначала играл по ночам в клубах на пианино, а потом решил производить пластинки. Он начал с пятидесяти тысяч франков. Они с женой делали все сами в своей студии на улице Перголез. Они наклеивали этикетки, упаковывали и хранили пластинки в ванной, и доставляли их на трехколесном грузовом мотороллере.

Николь Барклай тоже была личностью. Находчивая и энергичная, она понимала, как и Эдди, что будущее принадлежит долгоиграющим пластинкам. Они были без ума от джаза, а Николь любила путешествия. Она вывезла из Америки сто килограммов бронзовых матриц: Диззи Джиллеспай, Чарли Паркер... Французские производители пластинок отказывались верить этому. Пате Маркони согласился, в конце концов, сотрудничать с Барклаем, но все-таки не одобрял его методы. Инженеры ничего не знали об этом, а матрицы вошли в моду. Именно так Эдди вскоре станет «королем пластинок»...

Жизнь Люсьена Морисса была более сложной. Он родился в 1929 году, единственный сын скорняка польского происхождения. Война нанесла мальчику неизлечимую травму. Его родителей забрали в направлении «Ночи и тумана», и отец больше не вернулся. В тринадцать лет Люсьену пришлось зарабатывать на жизнь. Кое-как получив свидетельство об образовании, он устроился в спортивный магазин шить футбольные мячи. После Освобождения он стал работать с коллекцией пластинок на радио. Его наняли за красивый почерк, и он занимался сортировкой, этикетками... Тщедушный сирота, который навсегда сохранит тоскующий взгляд при своей широкой улыбке, хотел – как и Далида – взять реванш. Он обладал упорством тех, кого жизнь не сумела сломать. На радио он за всем наблюдал и понимал все. В семнадцать лет он стал самым молодым продюсером во Франции. Он был приверженцем новой идеи, которая произвела сенсацию: классическая музыка в современной обработке. Пьер Сабба заметил Люсьена и привлек его на «Европу 1», только что появившуюся радиостанцию Луи Мерлина. Он станет там художественным директором. «Европа 1» располагалась в богатом квартале, на улице Франциска I. На самом деле она могла похвастаться только длиной волны: 1847 м. Скоро все будут знать эту цифру наизусть... Но сейчас в «Европу 1» почти никто не верил. В журналистской среде насмехались:

«Этот Мерлин, он ненормальный! Через два месяца он разобьет себе лицо...»

«Европа 1» существовала за счет рекламы, что казалось невероятным. На ней передавали информацию и песни – много песен. У Люсьена Морисса было чутье. Он продвинул на своих волнах Глорию Лассо, испанку с горячей кровью, а потом Мари-Хосе Невилль (Marie-José Neuville), юную мечтательную девушку с косами и гитарой – не говоря уже о Саше Дистеле (Sasha Distel) и его «скубиду»... У него были некоторые проблемы с Глорией, чей стиль казался ему немного старомодным, и он искал новое имя, чтобы прославить радиостанцию. Он хотел, чтобы можно было сказать: «ее создала «Европа 1»...

Барклай верил в новые пластинки на 45 оборотов с четырьмя песнями. Морисс верил в новое радио и его технику назойливой рекламы. Кокатрикс же верил в новых певцов. Началась культура

имиджа. Кино царило над человеческим воображением, потом его сменит телевидение. Наступала эпоха трансляций. Певцы должны были иметь голос, но также играть на эмоциях, красоте, движении, ритме...

Эти люди нового поколения нуждались в новых артистах, чтобы воплотить в жизнь свои мечты. Но в то время, когда все казалось возможным, они верили еще и в дружбу, в красивую жизнь. Время приятелей... Преуспеть, развлекаясь... Каким далеким все это кажется сегодня...

421

Кто же в Романском баре решил прогуляться к Кокатриксу – Эдди или Люсьен? Эдди Барклай вспоминает:

«Великой страстью моей жизни было отыскивать певцов – и песни – в самых неожиданных местах, при самых внезапных обстоятельствах, когда я меньше всего на это надеялся. Далида – плод одного *lazy afternoon*, одного из тех весенних дней, когда вы ленитесь. Еда и вина были хороши, на улице сияло солнце, и нам не хотелось уже работать. Мы сыграли в 421, чтобы решить, чем займемся после полудня».

Ведь если Эдди склонялся к кино – вестерн или фильм Бинга Кросби – Люсьен, неутомимый работяга, который трудился даже развлекаясь, и развлекался только во время работы, хотел пойти в Олимпию и послушать дебютантов. Он постоянно искал конкурентку для Глории Лассо. Кости упали, и Люсьен выиграл.

И вот они все трое были в зале. Они прослушали два выступления без всякого интереса. Люсьен зевал и подумывал уйти: ведь есть еще кино... И вдруг он приподнялся на стуле: на сцену вышло скульптурное создание.

«Взволнованная брюнетка с черными волосами, падающими на плечи, испуганно вышла выступать», рассказывал Эдди.

Далида действительно чувствовала себя очень неловко. В тот день она узнала, что такое настоящий страх. Страх станет ее верным спутником жизни, тайный враг, от которого никогда не избавиться, и о котором она скажет, что это символ ее глубокого желания выступать. Она процитирует Сару Бернар. Одна начинающая актриса похвасталась: «Мне не страшно», и Сара ответила: «Ничего, это придет вместе с талантом».

Она поймет потом, что страх бывает положительным, но сейчас он отнял у нее половину возможностей. Ее ноги дрожали, будто желая убежать, она хотела ускользнуть, спрашивала себя, что она здесь делает, сомневалась во всем. Горло сжималось, голос не звучал... К концу первой песни стало лучше. Но вежливые аплодисменты убедили ее, что ждать нечего. Вернувшись за кулисы и сжав в руке медальон, подарок матери, она ждала приговора. Снова она почувствовала себя одинокой. Закулисы театра, неприглядное и душное, показалось ей теперь привлекательным: ведь она думала, что ее отвергли. Снова «чужестранка в раю»...

Именно тогда к ней подошли два улыбающихся молодых человека. Эдди и Люсьен, конечно... Сначала она подумала, что они хотят автограф.

«Но этого не может быть, мне кажется...»

Они ее разглядывали, сомневались, явно оценивали. Однако у них был приличный вид. Она нашла, что у них открытые и симпатичные лица, у каждого по-своему: брюнет напоминал лето на пляже, блондин – слегка облачное небо.

В конце концов решился Люсьен.

- Мадемуазель Далида?

Тон был очень учтивым. Они робко протянули ей визитные карточки. Она не верила своим глазам. Не может быть, чтобы она произвела впечатление на продюсера и на художественного директора «Европы 1»...

- Я хотел бы снова послушать вас у меня в конторе...

Казалось, он все еще сомневался. Она задумается об этом позже, а сейчас ее глаза внезапно погрузились в глаза Люсьена. Прямо в синеву. И она вдруг протянула руку, взяла карточки.

Той ночью она не могла сомкнуть глаз. Она ворочалась в своей кровати пансионерки. А если это все несерьезно? А если завтра этот важный человек, которого одолевают своими просьбами столько неизвестных певиц, забудет о встрече?

Все-таки она встала пораньше и собиралась более тщательно, чем обычно. Она причесала волосы – они были символом ее жизненности, ее чувственности, она хотела, чтобы они были одновременно свободными и собранными. Они должны были сказать то, что она не решалась – разве что снова спев:

*Возьми меня за руку, ведь я чужестранка здесь,
Я заблудилась в синей стране...*

И вдруг, словно он был рядом с ней, она увидела этот синий взгляд вечернего незнакомца, как носталгическое небо, где можно заблудиться...

И вот, с этой неистовой уверенностью в своих смутных предчувствиях, которые влияли на ее поведение, она поняла, что ее судьба – в этих синих глазах. Сегодня она ей поверит.

Любовь, судьба

От волнения или потому, что так оно и было, но коридор, который вел к конторе Люсьена, показался ей бесконечным. Комната, напротив, удивила ее теснотой. Сидя за бюро, он смотрел, как она вошла. Он сказал эту символическую фразу:

- Я вас ждал.

И она ответила, не отдавая себе отчета в том, что говорит:

- Я тоже вас ждала!

Она опять погрузилась в его синие глаза... Скоро она скажет: «Брюно Кокатрикс – это мой успех. Эдди Барклай – это мои деньги. Люсьен Морисс – это мое сердце».

Снова ее поразила его робость. Он уже опустил глаза, он смотрел на свое бюро. Он скажет позже, что в тот момент он был шокирован ее манерой одеваться: слишком много украшений, слишком много красок... Знаменитые цыганские серьги вызвали его неодобрение. Люсьен Морисс был скромным человеком, почти суровым, и в вопросе одежды они с Далидой так и не придут к согласию. Он хотел сделать ее настоящей парижанкой. Потом он будет выбирать ей репертуар. Он сказал себе, что с ней будет много работы...

У этого работяги, который трудился как безумный, ни о чем больше не думая, как будто наказывал себя за то, что избежал войны и лагерей, Далида пробудила инстинкт Пигмалиона. Желание сформировать свое собственное создание, чтобы владеть им, было логичным у этого властного и беспокойного человека...

В то же время за этой жизнерадостностью, этой веселостью он видел другое, угадывал сиротку, обиженную девочку... Найти в другом человеке то, чего тебе самому не хватает, и одновременно обнаружить в нем свою же самую скрытую, самую ранимую тайну – это и вызывает страсть.

Люсьен еще не знал об этом. Нерешительность, которую он чувствовал, была вызвана страхом оказаться связанным, потерять контроль. Что касается её, она тоже боялась, но у нее были весомые причины, и этот страх скрывал другой.

Он протянул ей партитуру, но так и не поглядел на нее. Она знала песню: это была «Черная лодка» («*Barco Negro*»). Очень красивая *fado*, где выражалась вся португальская печаль. Она спела ее а капелла, стоя перед сидящим Люсьеном. Трудно было выдержать сравнение с великой Амалией Родригес. Она помогала себе, выстукивая ритм пальцами на крышке стола.

Она закончила. Он так и не поднял глаза. Он за ёставил себя говорить безразличным тоном:

- Работайте над этим. Когда будете готовы, я отправлю вас петь к Эдди Барклаю.

Она была без ума от радости. Он даст ей шанс! Она опять посмотрела на него, но напрасно. Уткнувшись в свои бумаги, он пробормотал почти недружелюбно:

- До свидания, мадемуазель.

Она ушла. Коридор на сей раз показался ей слишком коротким. Что-то произошло между нею и этим человеком. Страсть с первого взгляда? Она не верила в это. И к тому же... Мужчины только расставляют ловушки. Она хотела быть сильной, защищать свои душевные переживания. Она хранила их для сцены, она хотела любить лишь свою публику. Публика возвращает вам все, и потом уходит. Она прикасается к вам, но всегда на расстоянии.

Все-таки у нее мелькнула идея. Она задумалась. Она сказала себе:

«Это профессиональная страсть с первого взгляда. Это сработает».

Инстинкт соблазнения

Среда, в которой вращался Люсьен, не мешала ему вести степенное существование. Он всегда любил женщин, но он был женат, у него была маленькая дочь. Он был на семь лет старше Далиды, а в двадцать лет кажется, что это много... Его серьезность бросалась в глаза. Невозмутимость Люсьена не была просчитана, но если бы он хотел понравиться Далиде, то не мог найти ничего лучшего, чем удивить ее своей сдержанностью – как она его избытком своей энергии.

«Как, ему нет до меня дела, он едва смотрит на меня, он думает только о работе?»

Так начались любовные игры...

Она работала над песней, следуя советам Люсьена. Они снова разговаривали. Он убеждал ее в серьезности Эдди. И вот она позвонила ему. Будущий «король пластинок» назначил ей встречу, и там они подписали контракт на год, по которому она получала четыре процента без вычета налогов. Это было очень мало, но для дебютантов годилось. Полковник Видаль слегка отстал от событий. Люсьен и Эдди, работавшие в совершенном согласии, искали песни для своей протезе. Люсьен взял на себя карьеру Далиды, Эдди доверял ему. Они не скрывали своего энтузиазма: они верили, что нашли звезду, которая прославит их.

Кокатрикс был хозяином казино в Кабурге (Cabourg). Нормандский курорт, дорогой Прусту, собирал летом взыскательную публику. Здесь привыкли к артистам высшего класса. В ту эпоху певец должен был зарекомендовать себя на сцене, прежде чем записать пластинку. В этом был секрет долгой карьеры: кумиров нельзя было внезапно сокрушить, так как публика хотела видеть их на сцене. Кокатрикс подписал с Далидой контракт, чтобы она шлифовала свое мастерство в более значительном зале, чем кабаре.

Сначала она выступила в дополнение к программе. Она спела две песни. Две тысячи зрителей устроили ей триумф. Когда Пиаф была там в качестве звезды, это кое-что значило.

Она привыкла к маленьким гонорарам. А в антракте к ней подошел организатор концертов из парижского пригорода. Он предложил ей выступить.

- У меня не так много денег, - сказал он с извиняющимся видом. - Я могу вам дать только сто тысяч франков.

Кокатрикс же платил ей три тысячи. Она сначала растерялась: не шутит ли этот человек?

«Это ведь была женщина», расскажет потом Кокатрикс. «К концу дня она уже привыкла к ста тысячам франков».

Хороший коммерсант, он мог только оценивать. Постепенно он стал ценить ее, потом уважать. Она умела слушать советы тех, кого скоро станет называть «моя победная тройка». Но она умела еще и бороться за свои идеи. Кокатрикс видел, как она упорно защищала одну песню, которая не удавалась. Никто не верил в эту песню, кроме нее. И вот, через год неудач, вдруг пришел успех...

Сейчас она должна была срочно записать пластинку. Люсьену надо было проверить рекламную технику, которую он только что изобрел: назойливая реклама по радио. Эдди нужна была звезда, чтобы выпустить, наконец, «сорокапятку» и вызвать у молодежи достаточный интерес, чтобы они покупали новый проигрыватель «Терраз». Ведь без «Терраз», этого забавного музыкального ящичка, покрытого пластмассой чемоданчика, который скоро станет непременной принадлежностью комнаты каждого подростка, молодежь не станет покупать «сорокапятки»...

У Эдди была еще одна гениальная идея. Телевидение еще только начиналось, усилиями нескольких вдохновенных безумцев – Люсьен участвовал в этом вместе с Пьером Сабба – а билеты на концерт стоили дорого. Молодежь не знала в лицо певцов, о которых писала только специальная пресса. Далида уже начала позировать для нее. Эдди вспомнил, как выход на сцену бывшей мисс Египет вывел Люсьена из оцепенения, заставил его подняться с места. И Кокатрикс не переставал повторять, что новая певица будет сексуальной, или же ее не будет вообще...

До тех пор обложки пластинок делались из белой бумаги. Не слишком привлекательно. Эврика: Эдди поместил на обложку фотографию!

- У нее такая головка, - одобрил Люсьен, - что они будут драться у прилавков!

Такая головка...

Эту головку Люсьен узнавал все лучше и лучше. Очень скоро они стали видеться каждый день. Ведь у них было столько работы...

Николь Барклай занималась «парижской» стороной Далиды. Она водила ее к портным, в модные магазины. Она учила ее выражать себя, вести себя в обществе. Она была великолепна, она останется для Далиды внимательной старшей сестрой. Приемы Николь были к тому же одними из самых шикарных в столице: репутация Эдди как отличного хозяина уже создавалась...

Люсьен же занимался собственно ее профессией. Он представил Далиду журналистам и тем, кто в шоу-бизнесе считались важными людьми. Наконец, под его руководством она записала песню «Мадонна» («*Madona*»), которую обожала, под аккомпанемент гитарного фламенко. На той же пластинке выделялась песня «*Мое сердце будет*» («*Mon coeur va*»), которая нравилась ей, и которую написал неизвестный автор, Шарль Дюмон (Charles Dumont). Таким образом, она спела его песню до Пиаф... С самого начала она следовала политике, которую сохранит навсегда: она включала в каждую «сорокапятку» из четырех песен одно произведение великого автора. Она знала, что еще не готова делать карьеру на таком уровне. Она вспоминала, как Ролан Берже обвинял ее в любви к шансонеткам. Но ее вкус был более утонченным, чем можно было подумать. Она поняла ценность настоящих песен-стихов, даже если они не были шлягерами.

С огромным волнением она в первый раз потрогала «свою пластинку» и увидела свое фото на обложке. Она переживала:

- Я хорошо получилась?

Она все время сомневалась в себе. Люсьен оставил свое ворчание Пигмалиона, который критиковал ее макияж, ее платье, ее манеру говорить, одержимый идеей сотворить совершенное создание.

- С первого взгляда он смог увидеть бабочку в этой куколке. Как ему это удалось? – будет удивляться Франсуа Шале. Черт побери, да он просто влюбился в нее...

Он взывал к ее глубокому инстинкту:

- Будь собой!

Она не заставила его повторять дважды. Она ввела в моду короткое платье, верх которого обнажал плечи, подтянутую талию, широкую юбку, так называемый «абажур». Она отпустила свои волосы, бывшие раньше собранными, сделала себе немыслимую прическу, уже напоминающую «кислую капусту». Она снова стала накладывать тушь на веки. Она решилась на это против воли шокированного Люсьена, хотя потом ему это понравилось. «Дурной стиль», который в США представляли Элвис Пресли и Джеймс Дин, во Франции – Бардо, сместившая Мартин Кароль, можно было узнать по невинным локонам на лбу и лакированной завивке. Этот «дурной стиль» постепенно становился просто-напросто «стилем».

Первые журналисты, бравшие у нее интервью, отметили любезность той, кого уже называли «Черной орхидеей». Она объясняла детским голосом:

- Меня упрекают в том, что я наношу слишком много туши на глаза, и это безвкусно. Может быть, это ужасно, но это так. Я такая, какая есть. Если вам это не нравится, я в отчаянии. Потому что это и есть я.

Однажды утром Люсьен разбудил ее телефонным звонком:

- Через пятнадцать минут тебя передают по радио!

Она лихорадочно включила свой приемник и услышала властный, низкий голос, который «брал за душу». Она не узнала его. Это был ее голос.

Люсьен еще не внедрил в практику технику назойливой рекламы. Согласно этой системе, несколько раз в день, но в разные часы передавали одну и ту же пластинку, чтобы убедиться, что самая разная публика – домохозяйки, подростки, семейные люди, рабочие – слышали ее по крайней мере один раз в день. Конечно, он был доволен «*Мадонной*»; пластинка получилась хорошей. Но он знал, что у Далиды еще не было «своей» песни. Такой, которую напевала бы вся Франция, говоря: «Это песня Далиды!», даже если другие артисты тоже ее исполняют...

На следующий же день после записи ее первой пластинки Эдди подтвердил догадку Люсьена. В самом деле, песни пока нет – но Далида уже появилась на свет. Он продлил контракт на четыре года. Знал ли он, что заработает благодаря ей столько денег, что сможет сотрудничать со всеми великими артистами, какими захочет: Азнавуром, Ферра...?

Как только Далида поняла, что слышит свой собственный голос, ее поразил его низкий резонанс. Люди уже начали звонить на радиостанцию: «Кто это?» Часто они спрашивали еще, мужчина это или женщина. Эта двусмысленность отделила ее от других. В дальнейшем она будет и у других звезд песни: Пресли, Мика Джаггера, Принса, Майкла Джексона. Даже Мадонна или Барбра Стрейзанд будут играть, каждая на свой лад, с той андрогинией, которая прославилась в кино Дитрих или Гарбо. Это типично для песни, потому что здесь господствует звук, а не образ. Звук позволяет мечтать. Обращаясь к тайному желанию мужчины у женщин, и женщины – у мужчин, он вызывал образ всеобщей сексуальности, которая не знает ни преград, ни терзаний выбора, ни тоски расставания. Две половинки яблока в одном... Этот голос представлял все, чем был человек.

Каждый раз, когда звонили по телефону, конферансье пользовался этим, чтобы сказать:

- Как, у вас нет ее фотографии? Но она же так красива!

Люсьен не хотел, чтобы поднимающийся интерес публики остыл. Через два месяца после первой пластинки два приятеля поручили ей записать вторую: «Поток» («Le Torrent»). Итальянская музыка для меланхолической гитары. Таким образом, она останется на виду. Но и ради этой пластинки не будут «сносить прилавки». Нужно было найти «её» песню. Они искали...

«Терраз»

Транзистор еще не успел вытеснить большой приемник TSF с тяжелой деревянной обивкой. Его циферблат светился по ночам. Для Далиды это был друг. Звуковое зеркало. Несколько раз в день оно посылало ей свое эхо. Она не могла опомниться. В одно и то же время во всей стране люди садились в кресло, повернувшись к приемнику, и смотрят на него – ведь, пока не появилось телевидение, люди смотрели на радиоприемник – и конечно, слушают его. Далида писала в Каир:

«Мама, я добилась успеха! Меня слушают по радио!»

Она послала им две своих пластинки в одной посылке. Бруно побежал отнести их на станцию, которая передавала популярную передачу: «Напевы, которые вы любите». Эти напевы Бруно и Иоланда так часто слушали вместе... а теперь она будет принимать там участие!

Египет оказался преданным и сделал Далиду звездой раньше, чем Франция. Бруно торжествовал: его сестру слушали от Каира до Бейрута. Ему было этого недостаточно, он хотел слушать ее целый день. В семье был только старый проигрыватель на 78 оборотов. Он бросился покупать «Терраз» - Эдди Барклай был прав! Что касается денег, Бруно нашел их сам. Это было нелегко, но приемник был куплен. Техника назойливой рекламы началась с дома Джильотти. Пластинку ставили пятьдесят раз в день. Родственники и друзья сменяли друг друга. Все плакали.

В Париже Люсьен и Далида беспрестанно виделись. Скоро их связь оказалась большей, чем профессиональная. Однажды вечером Далиду заметили в Кабурге. Они шли вдвоем по дамбе. Пляж был огромным и почти пустынным в этот вечерний час.

Вдруг тон Люсьена изменился. Он стал говорить о ней. Этому робкому человеку нелегко было открывать свои чувства, и она это знала. Она тоже начала говорить о себе, но по-другому, без маски, не пытаясь произвести впечатление. Он просил ее быть самой собой, и в эту минуту она смогла, наконец, быть такой перед ним. В тот момент она подумала, что никогда еще не могла исповедоваться мужчине таким образом. Она чувствовала, что ее понимают. С этого дня барьер рухнул.

Лицо Люсьена стало близким и знакомым. Загнанная тоска его взгляда, темные запавшие глаза, волнистые волосы, уши как у Гинсбурга. Худой, не слишком высокий, светловолосый, нервный. В сущности, не ее тип. Она всегда представляла себя рядом с высоким атлетичным брюнетом. Но реальность постепенно вытеснила мечту.

После профессиональных встреч, прогулок, им было все труднее и труднее разлучаться друг с другом. Они вели бесконечные разговоры по телефону. Люсьен не сделал ни признания, ни жеста, и все-таки его внимание, его поведение было в духе влюбленного мужчины. Но его семейное положение и даже сама глубина его чувств не давали ему сделать шаг. Они подолгу смотрели друг на друга, как могут только влюбленные. Она все чаще и чаще терялась в его взгляде. Она не торопила события. Она тоже не решалась сделать шаг.

И вот он сделал для нее нечто незабываемое, подарил ей такой большой подарок, что их роман вспыхнет. Но сначала вспыхнула бомба. Бомба под названием «*Bambino*».

«Bambino»

Далида только что выпустила свою вторую пластинку, когда в Неаполе проходил фестиваль местной песни. Музыкальный издатель Баркляя, Филипп Буте (Philippe Boutet), присутствовал там. В ту эпоху фестивали были очень важны: именно они продвигали песни. Филиппа Буте поразил один шлягер, «Guaglione». Марино Марини (Marino Marini) спел его на музыку Фанчиулли (Fanciulli). «Guaglione» по-неаполитански означает «мальчишка». Филипп Буте привез песню, чтобы выпустить ее во Франции. Новую франкоязычную версию поручили написать известному поэту-песеннику Жаку Ларю (Jacques Larue), автору «Розовой вишни и белой яблони» («*Cerisier rose et pommier blanc*»). Он нашел итальянское название, понятное французам: «*Bambino*».

Буте предполагал сначала доверить эту песню признанной звезде. Почему бы не Глории Лассо? Знаменитой Глории, с которой Далиде, если она хочет преуспеть, придется померяться силами. Но Люсьен захотел послушать песню, которую привез Буте. Едва он услышал первые ноты на мандолине, как подпрыгнул. Вот она, «её» песня!

Буте заставил себя упрашивать. Песня казалась ему слишком хорошей для дебютантки. Услышав ее в свою очередь, Эдди, как обычно, разделил мнение Люсьена. И Буте неохотно уступил песню.

Далиду тоже пригласили, чтобы она послушала это чудо. Ее реакция была немедленной. Этот *Bambino*, это же ее песня! Она ужасно полюбила ее! В тот раз, как и всегда, когда она впервые слушала песню, она реагировала сразу, как это сделала бы публика. Как будто она услышала песню по радио. Если от песни у нее билось сердце, она брала ее.

Люсьен посоветовал ей репетировать «*Bambino*» с ее учителем пения. Когда она отдала Ролану Берже партитуру, он остановился после первых же тактов:

- Что это еще за дерьмо? Тебе не стыдно?

Ему нравились только великие песни. Эта мелодия действовала ему на нервы. Далида, в свою очередь, выругалась:

- Сразу видно, что ты ничего не понимаешь!

Дверь захлопнулась за ней в последний раз. Другого урока уже не будет. Она ушла в ярости, но не колебалась.

В то время одну и ту же песню могли петь шестьдесят артистов. Так почему не позаимствовать на этот раз? Запись проходила по вечерам под большим секретом. Все шло наилучшим образом. Эдди улыбался под своими усами, Люсьен потирал руки, а Далида плакала от радости. Это ее третья «сорокапятка» за три месяца! И все-таки она не сомневалась в том, что должно случиться.

Как только «*Bambino*» записали, песню сразу передали на «Европе 1». Люсьен использовал технику назойливой рекламы, и она имела успех. Публика отреагировала сразу же. Песня попала в точку. Де Голль упрекал французов за то, что в стране рождается недостаточно детей. Семейные пособия побуждали молодые пары производить потомство. Начался экономический рост. Мрачность, безнадежность 30-х и 40-х годов уступили место оптимизму, который покоился на идее прогресса. Общество потребления заявило о себе. Оно будет производить все больше и все лучше товаров, чтобы жизнь становилась все легче, как верили люди. Поэтому нужно было много клиентов. Вся Франция принялась делать *bambino*. Сколько же ангелочков было зачато под звуки проигрывателя – знаменитого «Терраз», который уже был нарасхват – на крышке которого лежала обложка с изображением Черной орхидеи песни?

Идея Эдди с обложкой имела большой успех. Подростки, у которых еще не было проигрывателей, всё же покупали пластинку из-за фотографии. Они осаждали своих родителей, и те разрешали купить необходимый аппарат, если школьные оценки будут хорошими.

Производство пластинок оказалось революционным. Эдди Барклай добился огромного успеха благодаря «сентиментальному» Эдди Константину (Eddie Constantine) («*Мужчина и ребенок*») («*L'Homme et l'Enfant*»), и «Платтерс» (Platters) с их поволокой в глазах. Но именно Далида стала «мисс 45 оборотов».

За несколько недель она сместила Жаклин Франсуа, которая раньше считалась первой, добившись успеха с песней «*Что будет, то будет*» («*Que sera, sera*»). «*Bambino*» останется в двадцатке первых мест хит-парада целый год, а Далида будет первой женщиной, получившей «Золотой диск»: он был создан для нее. Пресса теперь называла ее «Бардо песни», охотно противопоставляя брюнетку и блондинку. Обе покачивали бедрами в своих широких цветных юбках, щеголяли бюстом в декольте с английской вышивкой, и ходили танцующей походкой в

балетных тапочках. Их прически становились все выше и выше, а на них помещались пряди дикарки и шиньоны в стиле «кислой капусты».

Девушки подражали одной или другой, ведь если фундамент был почти одним и тем же, их женский стиль очень различался. Бардо была женщиной-ребенком, Далида - женщиной-женщиной. Но в отличие от Бардо, которой пришлось сняться в нескольких фильмах, прежде чем прославиться в «*И Бог создал женщину*» («*Et Dieu crea la femme*»), Далида сразу сделала головокружительную карьеру.

Кокатрикс тоже был на седьмом небе. Угасающая песня снова возродилась к жизни с приходом первого секс-символа французского мюзик-холла. Далида была еще и первой певицей, у которой был свой фан-клуб. Эта привилегия прежде сохранялась за мужчинами – Жильбером Беко («*Месье 100 000 вольт*»), Луи Мариано с его «*Красавицей из Кади*» («*Belle de Cadix*»), не говоря уже о Тино Росси, бессмертном «*Маленьком дедо-Морозе*» («*Petit Papa Noel*») с Корсики.

Торнадо из Каира

В статье о пластинках 50-х годов Патрис Дельбург вспомнит об этой «высокой чувственной девушке, которая умела двигаться на сцене»: «Торнадо из Каира сметает все на своем пути».

Словно желая проверить свою новую уверенность в себе, Далида добавила еще больше туши: она придумала «макияж фараонов»! Линия брови продолжалась до виска, преувеличенно удлиняя взгляд, как на фресках Древнего Египта. Блестящий реванш «четыреглазой» девочки из Шубры. Как будто этого было недостаточно, бровь еще и четко оттенялась, окаймляя глаз.

Теперь на улицах Парижа можно было видеть «египетских принцесс». Преподаватели в колледжах отправляли девочек умываться в раздевалке. Никогда еще не продавали столько туши.

Далида, которая начала с песни «*Мадонна*», стала Мадонной 50-х годов. Американская Мадонна очень заинтересуется ею, будучи неизвестной хористкой у Патрика Эрнандеса в Париже. Она попросит о встрече с Далидой, а, достигнув известности, будет по-прежнему повторять, что очень любит ее... Ведь Мадонна, как и другие, последует путем, открытым Далидой. До нее большая пресса почти не интересовалась певицами, только манекенщицами, принцессами и актрисами. Но журналы «*Jours de France*», «*Cinemonde*» заставляют мечтать молодых швеек. Почему не воспользоваться случаем и не извлечь как можно больше из внешности Далиды, думал Эдди Барклай?

В 1955 году Далида появилась на обложке «*Cinemonde*» в томной позе Мэрилин на красном бархате, с полузакрытыми глазами под густыми ресницами, с подведенными бровями и ярко-красным ртом, в объятиях «молодого многообещающего актера», Жиля Видаля – всегда с ним. Снимок сделал Сэм Левин, фотограф звезд, который прославился работой с Бардо. В 1956 году Далиду так охарактеризовали в «*Barclay Actualites*»: «Таинственная, чувственная, очаровательная, странная, загадочная, волнующая, взыскательная, соблазнительная». Хватит об этом! Как будто это было слишком, она начала делать недовольную гримаску. Брижит Бардо тоже, это был характерный символ. Гримаса была признаком «дурного стиля», а улыбка – манерности. Женщина так утверждала себя. Гримаса Бардо была скорее пассивной – «оставьте меня в покое» - а у Далиды более активной – «никто мне не указывает, я делаю, что хочу».

Благодаря неаполитанскому стилю «*Bambino*» она часто позировала в неореалистических декорациях и сюжетах. В «*Cine-Regard*» она была изображена разговаривающей с художником на набережной Сены, который нашел в ней «большие глаза созданий Бодлера».

Обложка пластинки была маленьким шедевром жанра. Прислонившись к обветшалой стене, она положила руку на плечо восхищенного мальчишки. Красавица с рассеянным видом. Фото и сегодня кажется очень актуальным. Двенадцатилетний мальчик, небрежно одетый и причесанный, будто носит старые панталоны старшего брата. Она, чьи непокорные пряди падают на плечи, одета в простую белую блузку, цветную юбку, туфли на каблуках. Любая хорошо сложенная девочка могла скопировать этот стиль. Она была «Мадемуазель все-девушки» в лучшем виде. Молоденькие швеи говорили себе: «я тоже». Мужчины отождествляли себя с мальчишкой. Далида была не только недоступной женщиной-вамп, но и шикарной сестрой, которая понимает вас. Этот коктейль волновал.

Мальчик в песне по уши влюблен, но не может ничего сделать. Он жалуется другой женщине – тоже Далиде – на равнодушную красавицу. Она по-матерински утешает его:

*Усталые глаза, грустное лицо и бледные щеки,
Ты больше спишь, от тебя осталась лишь тень,
Один, ты неприкаянно бродишь по улице,
И каждый вечер тебя видят под ее окном...*

Та, кого он обожает, ласково заключает его в объятия, глядя при этом вдаль. Та, кто отказывает и та, кто утешает, потому что ему отказали – эта мать, эта сестра, она и есть запретный объект желания, на которое наложено табу кровосмешения. Оба они опечалены этим запретом. Разве она не начала с песни «Мадонна», став неприкосновенной? И Далиду, вечную изгнанницу, тоже можно было назвать «*guaglione*», ребенком, о котором она скажет, что он всегда плачет в глубине ее души. Для своего первого шлягера она, которая всегда будет петь на вечно популярные темы любви и смерти, соединения и разлуки, экстаза и печали, выбрала самую вечную из них: Эдипов комплекс.

В 1956 году Бардо шокировала всех в фильме «*И Бог создал женщину*», а Грейс Келли сыграла свою главную роль: роль принцессы Монако. Но нам трудно представить себе, что такое был «*Bambino*». Песню слушали везде. Когда вы поднимались по лестнице дома, «*Bambino*» слышался из-за всех дверей. Во дворах он доносился из открытых окон. Продавщицы зелени напевали его на рынках, а на улицах маляры насвистывали его, взбираясь на свои леса. «*Bambino*» был, как сказали бы сегодня, обречен на успех. Он вышел из народной культуры.

Эта вездесущность, однако, не всем пришлась по вкусу. Слишком большой успех раздражает. Некоторые критики привередничали. Журнал «*Music-Hall*» разродился неплохим юмором:

«Ее имя вызывает в памяти коварную соблазнительницу из Библии и марку ветчины. Все это одинаково хорошо для образа, потому что Далида одновременно освежает и опьяняет. Она явно опасна (для мужчины, само собой), у нее черные глаза, волосы цвета воронова крыла и родинка на левой щеке, приглашающая к угощению».

А Пьер Джанноли решительно сжимал зубы:

«Первая агрессия Нассера против Франции – это не Суэцкий канал, это Далида!»

Но публика требовала ее снова и снова. Мужчинам нравилась смесь женщины-вамп и приличной девушки – разве не об этом они все мечтали? В отличие от Бардо, Далида нравилась и женщинам, не вызывая у них ревности. Ее неприкосновенный вид делал ее безопасной для них. И она так пела о печали, что должна хорошо ее знать. Срабатывала женская солидарность в несчастье.

Она не разделяла и поколения: если ее привлекательность нравилась взрослым мужчинам, то молодежь оценила ее вид «шикарной девчонки». Девочки и матери семейств видели в ней подругу, добрую, щедрую и простую. Она обладала качеством, необходимым для звезд конца двадцатого века, которые хотят стать всемирными: универсальностью.

Даже другие певцы не могли недолюбливать Далиду, когда встречались с ней. Они понимали, что она была естественной, что эта милая труженица сама поражена своим успехом. В то благодатное для французской песни время недостатка в талантах не было, от Пиаф до Бреля. К тому же она вскоре будет петь те же самые песни.

Оставалась, однако, соперница, которая, что понятно, не торопилась прижать ее к сердцу. Между Далидой и Глорией Лассо отношения не ладились. Далида клялась, что не хотела этого, что она любит Глорию и что на эстраде есть место для двоих. Ей это ничего не стоило, ведь первой была она... Глория защищалась и лезла на рожон. Пресса обожала подливать масло в огонь. Это «начесывание шиньона» развлекало. Глория не возражала, потому что надеялась так взять верх. Она верила, что соперница не продержится долго.

Но у Далиды, помимо привлекательности, был еще и более широкий регистр. Ее голос сформировался и стал «голосом любви».

«Люби меня»

На той же пластинке была другая песня, «Люби меня» («*Aime-moi*»). Это Люсьен выбрал ее. Так он разговаривал с Далидой при помощи музыки.

Он все задерживался на краю признания, как на краю пропасти. Без сомнения, он боялся, прыгнув, быть унесенным «Потоком» («*Le Torrent*») (еще одна песня). Потоком любви к этой страстной женщине, в которой он предчувствовал водовороты и вихри, хотя она сама их еще не видела. Куда все это увлечет его? Должен ли он перевернуть свою жизнь, причинить боль двум существам, которые его любят? Чем больше преград он ставил, тем выше поднимались воды любви.

И вот карты упали по-другому. Раньше эта одинокая и обездоленная девушка была игрушкой в его руках. Теперь же, как в сказке Гофмана, кукла Далида ожила, обрела собственную жизнь и готова была ускользнуть от своего создателя. Когда пришел успех, появились бесчисленные поклонники. И она легко могла устать ждать...

Однажды он отвез ее к друзьям в окрестностях Парижа. В автомобиле он сказал ей:

- Ты знаешь, мужчина очень стеснен в некоторых обстоятельствах...

- Но не ты, ты же всегда так уверен в себе, - ответила она.

- Правда? – сказал Люсьен.

И все на этом остановилось...

Они ужинали, играли в бильярд в радостной обстановке. Люсьен провожал ее домой на машине. В тот вечер шел дождь, но у Далиды на сердце был праздник. Она чувствовала, что с ней что-то случится. Что-то удивительное. Она не знала, что. Она напевала. Он это обожал. Он улыбался.

Автомобиль остановился перед ее домом. Она жила в двух меблированных комнатках на улице Бальзака (rue Balzac). Перед дверью они не пожали друг другу руки, как обычно. Они остались стоять лицом к лицу. Они смотрели друг на друга, не находя слов. Те, что приходили на ум, казались слишком тяжелыми, слишком серьезными.

Поняв, что он не заговорит, Далида поднялась к себе. Она заперлась и разрыдалась. Она легла спать. В дверь позвонили. Она открыла, это был Люсьен, ужасно смущенный. Он протянул ей сборник кроссвордов, он знал, что она их очень любит.

- Разгадаем один?

- Ты знаешь, который час?

Они снова смотрели друг на друга.

- Итак? – спросила Далида.

Она потянулась к нему. Наконец, он ее обнял. Потом признался ей в любви.

- Знаешь, - нежно сказала она, - я давно поняла...

Но понять было недостаточно. Необходимы были слова, те слова, которых она долго ждала. Она нашла убежище, защиту. Она подумала, что ей больше никогда не будет холодно. Руки Люсьена окутывали ее нежностью. Его руки были на ее волосах, его губы на ее губах. Он дрожал от страсти. Она не сопротивлялась, она была готова. Разве к ней не пришло желание? Она не задавала себе вопросов. Люсьен был Мужчиной. Чудом. Он все ей дал, всему научил. Когда он пришел в ее жизнь, она боялась упустить трофей. Все становилось слишком трудным. Он вернул ей вкус к борьбе, позволил ей рисковать ради успеха, развернуть веер обольщения. Он научил ее еще властвовать над своими недостатками, контролировать свой вспыльчивый характер. Но, прежде всего, он дал ей славу. Она ждала теперь, что он научит ее стать женщиной. Кто еще мог это сделать?

Нетвердыми шагами они двинулись к комнате, и ночь опустилась на них.

Год сплошных успехов

1956 стал для Далиды годом сплошных успехов. Но это был еще и опасный год. В Египте разразился Суэцкий кризис. Последние английские солдаты ушли 18 июня. 26 июля в Александрии, перед восхищенной толпой, Нассер объявил о национализации канала. Это был конец колонизации. Страны, которые еще не называли «третьим миром», бросили вызов Западу. Израиль атаковал 29 октября. А 5 ноября английские и французские солдаты высадились в Порт-Саиде. Канал, необходимый для прохода нефтяных танкеров, перестал использоваться. Нассер призывал арабские страны к союзу. Начиналась новая эра.

Далида подумала, что во Франции она сможет, наконец, обосноваться без страха. Роман с Люсьеном укрепил ее в этой мысли: изгнанники любят свою страну так, как могут только те, кто

знает цену родине. Египет был землей детства, которую не забудешь никогда. Но на сей раз время европейцев кончилось. Арабская идентичность, поставленная под вопрос колонизацией, искала новых путей; все западное казалось помехой при попытке нахождения утраченного. Некоторые уже уехали из Египта, другие готовились к отъезду.

Далида вспоминала об обещании, данном матери. Успех – не только слава, но и деньги. С помощью этих денег она привезет её сюда. Думая об этом, она работала еще упорнее.

Она не задавала себе вопросов о своей любви. Люсьен сделал ей новый подарок: он дал ей душевный покой. Чувство безопасности, которого ей не хватало со смерти Пьетро. Она смотрела на его добрую улыбку, его грустные глаза. Он был немного похож на побитую собаку. Как и она, он возмещал мрачную сторону своего характера бесконечной энергией. С одной стороны, они были очень разными: ее вспышки гнева наталкивались на его молчание, на спокойствие, которое казалось ей обманчивым. С другой стороны, они были похожи. Желание прожить одновременно несколько жизней, страсть к успеху, как к алкоголю.

Далида поселилась в меблированной квартире на авеню Поль-Думе (avenue Paul-Doumer). Снова ее соседом стал Ален Делон. Люсьен и она искали забвения, часто выходили – это была профессиональная необходимость. Иногда вместе, но, все чаще и чаще, каждый сам по себе. В оставшееся время они работали. Она раньше воображала, что они всегда будут вместе, но на самом деле времени не хватает как раз тогда, когда всё остальное в изобилии. Люсьен не соглашался. Он повторял:

- У нас много времени. Вся жизнь впереди.

Она была молодой и наивной. Она никогда не видела в людях плохое. Люсьен защищал ее от злословия, от соперничества. Она нравилась ему невинной. К тому же так она всегда нуждалась в нем.

Но он думал еще, что история любви не будет длиться вечно, если есть критика и публика. В любой карьере есть взлеты и падения, и когда взлеты повторяются, это исключение. Большинство певцов не имеют права на второй акт. Мюзик-холл любит свежую плоть.

Он говорил:

- Позже, когда все немного успокоится, мы уедем в отпуск... Ты забудешься на время...

Она думала, что он обуздывает их любовь. А время было им нужно сейчас. Всегда эти профессиональные расчеты... Но он был Люсьен Морисс. Он все знал. Он говорил еще:

- Позже ты поймешь, что я прав.

И это была правда. Но именно тогда началось нечто ужасное. Смертельное раздвоение Далиды и Иоланды, в котором первая постепенно уничтожит вторую...

Олимпия

Люсьен продолжал:

- Нужно знать, чего ты хочешь. Приносить жертвы.

Жертвы, они были ей знакомы. К тому же, в самом деле, было не время расслабляться. Кокатрикс хотел, чтобы она выступила в Олимпии. Он пригласил ее в дополнение к программе, после увертюры, перед «английской звездой». Еще раз она будет «открытием». В первом отделении выступали визуальные номера, акробаты и шансонье. Во втором отделении, после антракта, выходила звезда, Джордж Гетари (Georges Guétary). В ту эпоху талант не вспыхивал мгновенно. Нужно было готовиться и учиться профессии.

Как и многие другие, Гетари исполнял «*Bambino*». Он не собирался уступать его и позволить «открытию» спеть главный шлягер сезона. Когда случилась эта неожиданность, к которым не сразу привыкаешь, Далида отказалась выступить.

- Если у меня заберут «*Bambino*», что останется?

Кокатрикс был одновременно поражен и восхищен. Впервые дебютантка решилась на такую дерзость. От Олимпии не отказываются. А она – да.

Через месяц он пригласил ее в следующую программу, с Азнавуром. Певцом, который ей нравился. Она выступала в первом отделении вместе с «Хопперсами, танцорами и прыгунами на ходулях», «клоунами Томом и Джерри», и Сестрами Питер, которых пресса называла «толстыми певицами в сиреневых платьях»...

Публика устроила ей триумф. В ее репертуаре было только четыре песни: «Мигель, Мигель» («Miguel Miguel»), «Мадонна», «Пути вечности» («Les chemins de l'éternité»), которую ей написал Азнавур в стиле негритянских духовных гимнов, и последняя, «Bambino». Ей пришлось спеть ее три раза, потому что в программе больше ничего не было... Это было неважно, публика хотела «Bambino» и еще раз «Bambino». В вечер премьеры восхищенный Кокатрикс подписал с ней контракт «американской звезды» для сентябрьской программы Жильбера Беко, и еще один, по которому она через год должна была выступить в качестве основной звезды.

Пресса разделилась. «Le Figaro», едва узнав, что она заняла место Глории Лассо, объявил ее нелепой пародией на Амалию Родригес. Но критик Анри Жак признавал:

«Далида из тех, кого достаточно послушать один раз и пожелать, чтобы она составила вам невидимую компанию днем и вечером».

Люсьен не будет возражать. Он смотрел, как она стояла на этой знаменитой сцене, в своем платье из турецкого муслина. Смотрел на ее красные губы, ослепительно белые зубы, черные волосы и брови. Одни контрасты. Ее жесты были сдержанными, она еще не научилась двигаться. Она держала руки на бедрах, потом раскрывала их в умоляющем жесте, и ее ладони прижимались к сердцу. Она как никто обладала чувством патетики и придавала искренность самым банальным словам.

«La Discographie française» писала:

«Ее голос ласкает и заставляет мечтать. Она создает мир, может быть, искусственный, но необходимый. Мир в виде воздушных замков, прекрасной и вечной любви, и волшебной сказки, разыгранной за три минуты, пока длится песня».

Но, как сказал Люсьен, «еще было много работы». Перед ее возвращением в Олимпию Кокатрикс решил, что она выступит в «Бобино» как «американская звезда». Таков был обычай. «Бобино» был мюзик-холл на левом берегу, очаровательная бонбоньерка на тысячу двести мест. Потом, в августе, было турне с Анни Корди.

И вот настал сентябрь. Она должна была снова выступить в Олимпии, на этот раз «по-американски». У нее не было времени подготовиться. Люсьену казалось, что она не готова закрывать первое отделение. По ступеням мюзик-холла поднимались постепенно, а в Олимпии было очень трудно завоевать достойное место.

Люсьен спрашивал себя, не движется ли все это слишком быстро. Конечно, она приобрела ловкость и уверенность, она нашла свои песни. «Когда она поет «La Violetera», писал один журналист, «вы чувствуете запах фиалок». Она разыгрывала каждую песню как маленькую драму, используя свой короткий сценический опыт.

- Она всех сделает старомодными! – веселился Люсьен.

Но успех «Bambino» нужно было подтвердить. Сколько мгновенно вспыхнувших звезд взлетали к славе благодаря единственному шлягеру, а потом так же быстро падали в темноту?

Но не Далида: в 1957 году песни «Ранчо Марии» («Le ranch de Maria») и «У тебя не слишком хороший характер» («Tu n'as pas très bon caractère») держались в первой десятке.

Когда она выступала в Олимпии в сентябре, у нее еще не было второго шлягера, в котором она нуждалась. На входе в зал происходила давка, граничащая с дракой. «Le Monde» был впечатлен:

«Весь бомонд с билетами в кулаке: министр, секретарь правительства, два префекта, три танцора из Оперы, четыре актера из Комеди-Франсэз в сопровождении большей части труппы, целые батальоны звезд кино».

И снова сюрприз: журналисты ждали вызывающую женщину-вамп в облегающем черном бархате, а увидели «инженю в белом платье с первого бала».

Не очевидно: «Месяц 100 000 вольт» был на пике славы. На его концертах ломали кресла. К тому же в вечер премьеры Беко упал в обморок на сцене, что ослабило эффект от выступления Далиды. Кресел никто не ломал, она сохранила мебель. Ее слегка хриплый голос, как говорили, пробуждал первозданные инстинкты: например, шагать босиком на солнце...

Но Люсьен упрекал себя в неосмотрительности. В самом деле, солнце светило еще ярче, потому что Пеппина была в зале. Далида оплатила ей путешествие. Она надеялась успокоить ее, но то, что мать увидела в вечер премьеры, еще больше ее взволновало.

- В каком безумном мире ты вращаешься, моя девочка! – воскликнула она, ничуть не заблуждаясь.

Она чувствовала со своей материнской любовью то, что не видел никто другой, даже Люсьен: ее дочь измотана, она ведет беспорядочную жизнь. Вокруг нее слишком много людей, как она

может свободно дышать? Каждое утро, дома, она разбирала тонны писем. Она не могла спокойно пройти по улице, на каждом шагу у нее просили автограф. А когда она не ходила в рестораны, то питалась одним кофе.

- Нельзя хорошо есть в ресторанах! – протестовала Пеппина. – Это не так полезно, как дома. Неудивительно, что ты похудела!

Далида не решилась признаться, что всего лишь сбросила избытки. Пеппина посмотрела на Люсьена обвиняющим взглядом.

- Почему моя дочь не ест?

- Мы же во Франции, мама, а не в Каире или Калабрии! – рассмеялась Далида.

Но Люсьену, когда он ощущал на себе этот материнский взгляд, было не по себе. Ему казалось, что Джузеппина, эта простая женщина, еще не пришедшая в себя после высадки с самолета, видит и понимает всё. Настолько, что перед отъездом она воззвала к его добрым чувствам:

- Пожалуйста, следите, чтобы она не простужалась!

Он сказал себе, что должен развестись. Далида – вернее, Иоланда – из тех, на ком женятся. Разве ей недостаточно огорчений с итальянским журналом «*Belle*», который обвинил ее в шпионаже в пользу Франции? Фантастическое обвинение, но всё-таки ей пришлось нанять адвоката...

Безумное течение успеха продолжалось. 19 сентября 1957 года она получила «золотой диск» по случаю выхода трехсоттысячной пластинки «*Bambino*». В большом парижском ресторане Николь Барклай преподнесла ей громадный букет цветов. Далида смеялась, опустив голову, глядя искоса, застенчивая и счастливая. Ее называли «любимица фанатов», «чистокровная калабрийка». На обложке «*Cinemonde*», выглядывая из веток мимозы, укоротив и завив волосы, она походила на свою модель: Риту Хейуорт.

«Гондольер»

Вот эта песня: Люсьен нашел ее, «*Bambino*» номер два! Она будет его рождественским подарком и выйдет перед праздниками. «*Гондольер*» рассказывал историю простого босоного человека, народного божества моря и солнца. Венеция никогда не была такой модной. Влюбленные со всего мира мечтали приехать туда в свадебное путешествие. Не эта ли мысль повлияла на выбор Люсьена? В песне «*Гондольер*» снова была Италия и мандолины, но неореализм уступил место романтизму, и бархатный голос переливался еще ярче.

Головокружительный успех. Девочки выбросили свои носочки и спотыкались на каблуках. На углу каждой улицы они подражали Далиде: так же расчесывали волосы, накладывали тушь, принимая себя за воплощение Вечной женственности. Родители беспокоились, видя, как их дочери играют в роковых женщин.

50-е годы, забытые после 60-х и их взрыва желаний, были на самом деле очень богатым периодом, очень изобретательным. Воротнички были еще достаточно высокими, но женственность уже расцветала без стеснения. Что-то от этого десятилетия навсегда останется с Далидой. Это была эпоха первых свободных женщин: Далида в песне, Бардо в кино и Саган в литературе, не говоря уже о Греко в кабаре Сен-Жермена. Эти молодые женщины охотно ходили босиком, их пряди были непокорными, реплики – мгновенными, губы – соблазнительными, а чутье – безошибочным. Эти первооткрывательницы не боялись ничего. 60-е годы будут отмечены неким упадком: женщины, вступив в мир работы, откажутся от своей женственности. Знамениты будут Козетты в духе Твигги, девушки с мальчишескими манерами в духе Биркин...

В США Джеймс Дин, ушедший кумир, отметил начало молодежной революции. Молодые девушки не хотели больше ждать прекрасных принцев: они выходили им навстречу, покачивая бедрами в своих пышных платьях. А Далида продолжала идти навстречу успеху. «*Гондольер*» окончательно прославил ее.

«На этот раз», подумал Люсьен, «битва выиграна».

Уверенный в себе и гордый за нее, он решил написать Пеппине и признаться, что он влюблен в её дочь.

Но Франция не была уже такой веселой. Война в Алжире началась 1 ноября 1954 года, с вторжений в города и восстания в Оресе. Власть ООН установилась в 1956 году. В 1957

состоялась битва за Алжир. Военная победа, но психологическое поражение. Многие алжирцы росли в ненависти к Франции. В метрополии удрученные семьи видели, как их сыновья уходят на отвратительную войну. Итог казался неясным, и воспоминание о Диен Биен Пху (Долине Кувшинов) еще было живо у всех в памяти. Страна разделилась. Многие французы понимали и стремление алжирцев к независимости, и боль европейцев в Алжире. Девятьсот тысяч их были вскоре вынуждены уехать. Далида не могла остаться бесчувственной к драме, которую они переживали: она была слишком близка к драме египетских европейцев. Она не колебалась, когда ей предложили в 1958 году спеть в Алжире перед местным населением.

18-я рота десантников сделала ее своей «крестной». На стенах комнат висели три фотографии: Де Голля, Брижит Бардо и Далиды. Для этого визита Далида надела берет. Любовь к ним она сохранит. Она отправилась в госпиталь Эль-Биар, к изголовью раненых солдат. У нее была подруга, Жаннина. Она жила с шансонье Жаном-Луи Блезом (Jean-Louis Blaise) и сопровождала его в турне. Европейка из Алжира, она позже откроет ресторан рядом с Елисейскими Полями. Они с Далидой будут видеться в Париже и делить женские секреты, что вызовет у Люсьена некоторую ревность.

Если Далида узнавала себя в алжирских европейцах, то и они узнавали себя в ней. Она походила на местных девушек. Когда они вернутся во Францию, они увезут ее в своих чемоданах, вместе с Энрико Масиасом. На улицах метрополии юные алжирские девушки станут новыми двойниками Далиды...

Атмосфера печали, опустившаяся на Францию, нашла отражение в «Гондольере». На той же пластинке песня «День, когда пойдет дождь» («Le jour ou la pluie viendra») Ж. Беко и П. Деланоз тоже представляла Далиду в меланхолии, но более сдержанной, более изысканной. Эта туманная атмосфера контрастировала с солнечными ритмами «*Bambino*». Пресса говорила об этой «великой брюнетке с потерянными взглядом и таким печальным голосом». Теперь у Далиды будет два лица: смеющееся и плачущее.

«Смеющаяся Далида» в том же году сделала первые шаги во французском кино. В «Бригаде нравственности» (Brigade des mœurs) она сыграла роль певицы вместе с... Эдди Барклаем. Решительно, она не могла отделаться от воспоминания о библейской шпионке. Этот милый фильм, весь в духе эпохи, стал первым в серии. Она казалась там такой непосредственной, такой живой, что возникает вопрос, почему ей пришлось так долго ждать, пока серьезный режиссер заинтересуется ею.

Гастроли

В 1958 году она получила «Оскар» радио Монте-Карло, который сохранит семь последующих лет. Казалось, ничто уже не остановится. Пресса изображала ее с развевающимися волосами и торжествующей улыбкой, сидящей рядом с Люсьеном в его новой «Флориде» с открытым верхом. Этот автомобиль, напоминающий американские «купе», стал новым любимчиком французов. Между Люсьеном и Далидой – приемник. Сфотографированные со спины, они будто оставляли старый мир позади. Они воплощали в жизнь автомобильный миф: машина как инструмент новой свободы, незаменимый аксессуар «современной» жизни, состоящей из отпусков, беззаботности и преуспевания... Выбросы в атмосферу, пробки, смерти на дорогах: никто почти не думал о цене, которую платили за жизнь на колесах. Промелькнув, как метеор, Люсьен и Далида казались непобедимыми. Она говорила тому, кто хотел слушать:

- Я люблю открытый воздух, солнце и море. Я ненавижу слишком оживленные, богатые и элегантные пляжи. Я не сноб, я хочу истины.

Она отправилась на гастроли. Такой ритм выдерживали немногие женщины. К счастью, оказалось, что у нее было железное здоровье. Свежая как роза, она пела в белом платье с оборками и английской вышивкой, отделанном лентами из сиреневого бархата. Для многих девушек такое платье станет летним.

Усилия вознаграждались. «Гондольер» продавался нарасхват. В толпе люди теряли сознание. Она столько раз писала «ваш друг Далида», что у нее болело запястье. В Лионе она два часа не могла выйти из ложи из-за разбушевавшихся поклонников.

Потом она выступала в «Бобино» как звезда, в красном бархатном платье от Жана Дессе. Теперь ее репертуар не был коротким: она пела пятнадцать песен, десять из которых были в хит-

параде. И вместе с Ивом Монтаном она получила «Браво от Мюзик-Холла». Этот трофей в форме двух бронзовых аплодирующих рук был равен «Победе музыки». Взволнованная Пеппина рассматривала первое фото своей дочери в компании правительственной персоны. Роже Фрей, министр внутренних дел, поцеловал ей руку с видом гурмана.

Она считалась самой популярной звездой во Франции. Она была в восторге, когда де Голль вернулся к делам 13 мая 1958 года. Она любила великих людей, она служила им. Конец Четвертой Республики казался навязанным силой. Потерявшись в стерильном парламентаризме, Франция надеялась, что де Голль вернет ей добродетель и заключит мир в Алжире.

Она спела «Как прежде» («Come prima»). Но ничто уже не будет, как прежде. Послевоенное время кончилось, и Франция потеряет, после Индокитая, самое прекрасное сокровище своей империи. Страна уже попрощалась с Алжиром. Далида жаловалась: «Прощай, прощай, малышка» («Ciao, ciao bambina»).

Когда все спрашивали себя, не упадут ли десантники с неба, она исполняла бессмертный хит Модуньо, «В синеве синего неба» («Nel blu dipinto di blu», «Dans le bleu du ciel bleu»). И сопровождала алжирских европейцев в изгнании, напевая «Цыган» («Les Gitans»):

*Это пение бродяг,
Не знающих преград...*

Афиша Баркляя изображала ее мятежной цыганкой. Губы приподняты над зубами, в духе Пресли. Пресса поняла, что Далида – это сила природы. За один концерт она получала от трехсот пятидесяти до четырехсот пятидесяти тысяч франков. В ту эпоху это было много. Поль Джанноли писал в «Paris-Presse»:

«Все гадости, которые вы читали о себе, написал я».

Она ответила:

«Как, по вашему, я должна реагировать? Три мои пластинки в хит-параде, я собираю полные залы. Так пишите все, что вам нравится!»

Наконец-то она взяла реванш над теми, кто всегда надоедал ей! Наконец-то она могла позволить себе насмеяться! Очки и крутые яйца были теперь лишь темой анекдотов. Газеты в откровенных беседах выпытывали у нее маленькие воспоминания.

Играя одновременно все роли, она испытывала и все страдания.

«Жалобы заблудившихся и брошенных девушек пели раньше отчаявшиеся женщины с грустным лицом, одетые в безобразное черное платье, скрывающее тело. Но скрывать, увы, было нечего!», писал «Pin-up», который ликовал: наконец-то французский мюзик-холл обрел сексуальную привлекательность!

Чтобы никто не сомневался в ней, Далида снялась в позе красотки. «Плохая девочка» 40-х-50-х годов, о которой мечтали прыщеватые подростки. Ее груди-снаряды, ее обтекаемые бедра патриотично вдохновляли парней, которые отправлялись на штурм. У Далиды, местной Бетти Грейбл, «было что посмотреть». Ее воздушный пеньюар был распахнут, открывая кремовый бюстгальтер с черными кружевами. Вся Франция завидовала Люсьену.

В этом «утонченном, но простом» коктейле 50-х, который останется основой ее образа, она подчеркивала, следуя за временами и нравами, ту или другую сторону. Когда она сомневалась в себе, то вновь примеряла его, когда была уверена – отбрасывала. А в тот момент у нее были все причины быть уверенной. Она собиралась купить двухэтажные апартаменты с лестницей из черного мрамора, на улице Анкары, чтобы укрывать там свою любовь с Люсьеном. Она ходила там в коротких панталонах, облегающем свитере и балетных тапочках. Снова любая девушка могла бы приобрести этот наряд, при условии, что у нее была фигура, на которой он смотрелся бы.

Эта мода на облегающую одежду выставляла тело в выгодном свете: стали спорить о режимах и диетах. В Америке Гэйлорд Хаузер расхваливал преимущества фруктовых соков и овощных коктейлей. Бронзовый цвет и худоба стали символами общества изобилия, которое больше не боялось оказаться без крыши, одежды или питания. Победенная природа стала мифом. Далида пела «Свидание в Лаванду» («Rendez-vous au Lavandou»). Лишенная отпуска, она устраивала долгие прогулки по Парижу и перешла на «фруктовый» режим. Одетая в бикини, она грызла виноградную гроздь, которую протягивала ей мужская рука. Когда Далида худела, она выбирала хорошие места.

Когда муж возвращался с войны, красotka 50-х годов превращалась в домашнюю фею. Нужно было не только носить пеньюары, но и иметь кулинарные знания.

Это на кухню

Возвращаются сбежавшие муженьки,

пела Греко. Мужчина был центром мира, и если женщина развивала свои таланты, то для того, чтобы ему понравиться. Далида, королева яичниц, фотографировалась на кухне с сосредоточенным видом. Хорошим тоном было преуменьшать свои достижения, или говорить, что карьера не продлится долго. Далида делала это естественно. Она жила, чтобы побеждать, и мечтала о покое после битвы. На самом деле она хотела всего и сразу, но она извинялась:

«Маме не удалось сделать из меня хорошую хозяйку. Я едва умею пришивать пуговицы»

«Вот чего я хочу: десять лет успеха, а потом большая любовь и семейная жизнь»

Хозяйка, скучающая в своей кухне, думала, что Далида хотела бы оказаться на ее месте, и не упрекала ее за труд перед прожекторами. К тому же это была правда: мечта всегда именно то, что вам не дается.

Комок нервов

Выражалась и другая сторона образа. После смеющейся Далиды и плачущей Далиды появилась Далида в гневе. «Я – комок нервов». Нормально, когда вспышка звезды сопровождается взрывами.

В песне «*У тебя не слишком хороший характер*» речь идет и о ней самой. Она всегда умела высмеивать свои недостатки в песнях, как и позже:

Говорят, что с моим акцентом

Я пою воркующие песни,

Это правда,

Говорят, что я бью своих музыкантов,

Это правда,

Но, как говорила Мистингетт,

«Я такая, какой меня создал Бог»,

И я не была бы Далида,

Если бы не была такой.

Из-за сильного напряжения ее волнение превращалось в ярость. Это была другая сторона ее стремления к совершенству.

«Есть ли большая зануда, чем я? Да, Марлен Дитрих». Марлен, с которой ее сближала утонченная женственность, хриплый голос и уверенный стиль. Война рано приучила Люсьена подавлять опасные проявления чувств, казаться внешне ровным. Он предпринимал большие усилия, чтобы управлять своим гневом. Результат: пар долго накапливался, но когда кастрюля закипала, получалось еще больше шума.

Те, кто хорошо ее знал, не одобряли этого, но научились понимать. Когда Далида пела, она была в другом мире, выше земли, куда ее поднимали ангелы. Но ангелы не давали ей парашюта. Ее подруга Жизель Колин переживала, когда смотрела, как она уходит со сцены. Она была похожа на сомнамбулу, она ничего не видела, не слышала, что происходит вокруг нее за кулисами. Она все еще была в эфире. Постепенно она возвращалась на землю, утомленная, как космонавт. Сцена была ее планетой, ее наркотиком, ее вином. Она зависела от сцены. Спуск был очень жестоким.

Когда концерт кончился, никто не осмеливался войти в ее ложу первые двадцать минут. Ее оставляли одну, ожидая, пока она успокоится. Если хоть что-то не ладилось – не так упал занавес, плохо стоял микрофон – она яростно ругала реквизиторов и рабочих сцены. Она бросала свой микрофон, а при случае давала виновнику пощечину. Ее гнев сравнивали с гневом Каллас, тоже брюнетки, тоже красивой и тоже неуравновешенной – к тому же Далиду называли «Каллас варьете».

Она начала понимать характер Пьетро и его безумные вспышки, из-за которых она возненавидела его. Она унаследовала этот характер. На сцене она вспоминала его, она

одновременно была Пьетро и дивой. Она поняла, что припадки Пьетро выражали сильное страдание, чувство бессилия перед жизнью. Когда он умер, ее глаза были сухи: это сейчас она начинала его оплакивать. Она оплакивала его в своих песнях, и это горе придавало им глубокую искренность, которую публика так чувствует.

Через полчаса после вспышки она приносила извинения, раскаивалась так искренне, что ее прощали. Потом шла и выпивала стакан вина с рабочими, на которых она накричала, и которые, несмотря ни на что, ее очень любили.

Однажды вечером, во время гастролей по провинции рядом с Парижем, Люсьен сопровождал ее. Без предупреждения он сделал ей сюрприз: «ложный занавес». Занавес упал перед последней песней, это была манера подразнить публику, заставить ее звать тебя. Люди заплодировали: «Ещё, ещё!» Они знали, что артистка вернется.

Далида не любила такое кокетство. Когда она выходила на сцену, то хотела петь до конца, и возвращалась потом только для того, чтобы поблагодарить.

Едва закончив, она бросилась в атаку:

- Кто этот дурак?

Люсьен смело выступил вперед:

- Это я...

Далида толкнула его в оркестровую яму – место такого ненавистного и такого любимого отца. Она очень скоро извинилась, и Люсьен стерпел. У нее в голове зажигалась красная лампочка: «Внимание». Но она всегда была из тех, кто только разжигает огонь.

Обратной стороной ее ярости была целеустремленность. Она нуждалась в этом, поскольку давление не позволяло расслабляться. В октябре 1958 года у нее начался процесс с полковником Видалем. Он не только стал ей бесполезен, но и стеснял, и к тому же по-прежнему получал обычные проценты. Будучи наивной дебютанткой, она легкомысленно подписала контракт, и должна была платить ему 20 процентов своих прибылей.

Когда на нее нападали, она защищалась, но потом возвращались сомнения. К счастью, с ней были друзья, как великодушный Жильбер Беко, который оказался опорой. Он помогал ей советами.

В январе 1959 года она добилась большого успеха на итальянском телевидении. Это был ее первый концерт на полуострове. Она все еще считалась там «французской звездой», она станет там «Маньяни песни». Итальянцы, любители сексуальных девушек, не остались бесчувственными к ее безупречной физической красоте. Ее любили за непосредственность: она пела будто для удовольствия, как те, кто поет на улице.

Экзамен перед итальянской публикой был очень важен. С этой страной у нее началась сложная история любви с недоразумениями, разрывами и примирениями, которая отражала историю ее семьи.

«Дом, милый дом»

Наконец, у нее было то, чего она всегда хотела: она была кем-то. Она хотела полностью управлять своей жизнью, но жизнь уже играла с ней в прятки. Когда мы молоды, мы верим в триумф над судьбой. Мы так уверены, что всё просто. Что кусочки головоломки быстро встанут на место.

Она уже спрашивала себя, что с ней будет дальше. Другая на ее месте все испортила бы, была бы слишком самодовольна. Но она всегда задавала себе вечные вопросы беспокойных натур. Любовь к самоанализу усилилась. Монахини, воспитывавшие ее, называли это «припадок угрызений совести». Эта болезнь состояла в том, что она обвиняла себя в ошибках, которых не совершала, и всегда считала, что могла сделать лучше. Ее интервью отражали эту тревогу. Она снялась в другом фильме, «*Похищение во втором бюро*» («*Rapt au deuxième bureau*»), у нее было три новых предложения, а Анри Декуан только что занял ее в «*Курсе на Карфаген*» («*Car sur Carthage*»). Но она протестовала:

- Мне предлагают роли женщин-вамп, а я хочу играть героинь в духе Маньяни.

Она была права. Кино еще не видело, что в ней было скрыто. Когда же увидит, будет почти что слишком поздно. Ее легкий репертуар, ее статус популярной певицы, ее необычно прекрасное здоровье были виноваты в этом. «Смеющаяся Дали» чаще всего скрывала «плачущую Дали», а что

касается «размышляющей Дали», никто ее пока не замечал. Даже она сама. В то время мода была на очаровательных глупышек. Франция, несмотря на желание свободы, была еще пуританской, и отделяла размышления от сексуальности. Секс-бомба, которая думает – это было бы слишком тревожно. К тому же Люсьен думал за нее. Она ему подчинялась. Она была молода, она хотела петь и танцевать. Это отнимало у нее все время.

Она смеялась: «Я всегда мечтаю о брюнетах, и я всегда влюбляюсь в блондинов». Это «всегда» позволяло мечтать.

Она только что купила квартиру на улице Анкары (rue d'Ankara). Спокойная улица в районе Пасси. Бальзак когда-то жил там. Из окон она видела домик с двумя выходами, которые позволяли писателю убежать от своих кредиторов. А у Далиды было два лифта, чтобы ускользнуть от поклонников.

Улица все же носила восточное имя. На горизонте, как утесы, виднелись высоты Пасси (Passy). В конце улицы, пройдя то, что еще не называлось авеню президента Кеннеди или дорогой Жорж-Помпиду, можно было выйти к Сене, ее серой воде и баржам. Скоро в двух шагах отсюда вырастет цилиндр Дома Радио. Квартал был очень приятным: Пасси сохранял еще свой неизменный вид, наполовину чопорный, наполовину сонный.

Здание, построенное недавно, относилось к богатой, но немного суровой архитектуре. Удивляет, что Люсьен поселился у нее. В конце концов, это он был Господином, а она цыганкой. Но она хотела жить у себя, а не у мужчины. Семейная традиция, начиная с предусмотрительной Элены. Далида продолжала династию сильных женщин, способных обеспечить себе крышу над головой и суп в котелке.

Она строила свое гнездо. «Земля, дом, есть только это», говорила Пеппина.

Она была горда, как ребенок, и охотно фотографировалась в своих интерьерах. Хотя она умела играть только двумя пальцами, вот она перед фортепьяно. Или, с глубоким декольте, сидит перед телевизором, новым домашним алтарем. Вот возвращается домой с грудой покупок. Бывшая Золушка, она коллекционировала обувь, вспоминая прошлое, когда вместе с Мирандой разглядывала недоступные витрины.

В то время начался бум домашней техники. Женщины стали работать, домашние хозяйки сделались редкостью. Пылесосы, тостеры, холодильники: салоном технического искусства был Дворец Мадам Тартинки, и газеты призывали к потреблению. Перед глазами фотографа Далида послушно водила пылесосом по ковру. В ее руках пылесос превращался в очаровательный аксессуар. Вот она в позе одалиски, в цветном пеньюаре на смятой постели. Она растянулась на диване, под абажуром в оборках, рядом с телефоном, другим аксессуаром современной жизни. «Необходимое зло», оправдывалась она. Она еще не пела «Позвоните мне» («Téléphonez-moi»), потому что он звонил без остановки, это было ужасно!

Вот она снова на кухне с пластиковым покрытием. И в столовой, отделанной светлым дубом, с мебелью в стиле Людовика XVI. Под неизбежной хрустальной люстрой она перебирала цветы, соблазнительная со своим высоким шиньоном и в блузке с фестонами. Наконец, ветер развеивает ее юбку, как на широком полотне Жуи, на террасе, откуда открывается вид на Париж. Она торжествующе смеется на фоне Эйфелевой башни.

У нее по-прежнему был прямой взгляд и глаза лани, и ее таинственная улыбка. Но она не скрывала, что купила квартиру и мебель на свои деньги. Тем, что она зарабатывала, она хотела радовать людей, которых любила. Она гордилась этим, и гордилась, что может сказать, что не прекращает работать.

И все-таки с тем прекрасным принцем, для кого она устраивала этот дворец, положение не спешило проясняться.

Мир у ее ног

Вихрь продолжался. В 1959 году она стала «бестселлером французских пластинок», «самым молниеносным успехом в истории мюзик-холла», «первой французской певицей варьете», «звездой, которую чаще всего ловят на частных и общественных антеннах». Брель, Беко, Азнавур, Brassan, Пиаф, Колетт Ренар: она их всех оставила позади.

Обложка новой пластинки изображала ее очень шикарной, в императорском платье, с классическим шиньоном и загадочной улыбкой Джоконды: замаскированная императрица. Взгляд

был непроницаемым, молчаливый вопрос читался на губах. Мечта или сожаление? За этим фасадом истина не была такой уж блестящей. А зачем шиньон? В Валансьене, в толпе, люди, вооруженные ножницами, обрезали ей пряди...

Март 1959 года: более миллиона проданных пластинок. Начали находить, что это много. Критики упрекали ее, что она играет на своей красоте, чтобы отвлечь публику от примитивных текстов песен. Но песня для нее была сценарием. Ее обвиняли одновременно как актрису и режиссера. Ей ставили в вину еще и «кукольность», ее назвали «Vambina, созданная для успеха» в шоу Звезд, где она пела в бархатном платье смородинового цвета, в юбке-колокольчике, с обнаженными плечами и руками. Кожа цвета слоновой кости, волосы как смоль.

Италия присудила ей «Платинового Оскара» и «Золотую Волчицу». Она гремела по всей Европе. Организаторы международных турне шумно требовали ее. Она атаковала каждую страну, как в военной кампании, и победа возбуждала ее. Она всегда пела две или три песни на языке той страны, где выступала. У публики создавалось впечатление, что она одна из них.

Во время первых итальянских гастролей она пела в «Оливьеро», самом большом модном кабаре. Мюзик-холлов на полуострове еще не было. Такие артисты, как Модуньо или Мина, пели там, где люди танцевали. А Далида требовала по контракту, чтобы во время ее концерта танцев не было. Это получилось, публика научилась «видеть» представление. Другие подражали ей. Ее энергия на сцене поражала, ее окрестили «вулканической» («la volcanica»). Местные певцы не двигались: она перевернула все обычаи.

В Берлине начался кинофестиваль. Ее пригласили. Она прониклась симпатией к перекопанному, разоренному городу, и мечтала, как Кеннеди: «*Ich bin ein Berliner*» («Я берлинка»). Здесь к ней относились как к суперзвезде. При выходе из самолета ее встретил государственный духовой оркестр, играющий ее песню. Потом она выступала в «Дойчланд-Холле» перед пятнадцатью тысячами зрителей.

«*День, когда пойдет дождь*» на немецком сделал её величайшей звездой по ту сторону Рейна. Германия переживала период засухи. Далида спела судьбоносные слова, и вот, немного погодя... пошел дождь! Люсьен смеялся, а она приняла это как знак судьбы. Немцы обожали ее. Здесь был создан первый хит-парад, и она заняла первое место, как и в Австрии. То же самое в Италии, где торжествовали «*Цыгане*» под местным названием «*I zingari*». С этих пор она будет перепевать свои хиты на немецком, испанском, итальянском, фламандском, даже на иврите.

Несмотря на ее ярко выраженный акцент, Америка заинтересовалась ею. Норман Гранц, импресарио Эллы Фицджеральд, приехал в Париж. Он предложил Далиде выступать в США, убеждал Эдди Баркляя и Люсьена Морисса: по его словам, она была единственной европейкой, которая нашла бы свое место в Голливуде. Тогда был расцвет музыкальных фильмов.

- Она сделает карьеру в духе Авы Гарднер!

Америка ничего не делает наполовину: Гранц хотел, чтобы она подписала контракт на пятнадцать лет. Условия были драконскими. Она не имела права менять свой макияж, свою прическу, свои платья...

26 декабря 1958 года в 18 часов из Бурже вылетел «Джет», на борту которого была Далида. Он прибыл в Нью-Йорк в тот же день, в двадцать два часа по местному времени. На другой день у нее кружилась голова от сдвига во времени, от небоскребов и каньонов. Она сидела в номере отеля «Эссекс-Хауз» (Essex House) в Центральном Парке, без конца нажимая кнопку телевизора. Семь каналов очаровали ее: во Франции был только один.

28 декабря она посетила Рокфеллер-Центр, поднялась на скоростном лифте до семидесятого этажа. Снова головокружение, боль в ушах. Она восхищалась рождественскими украшениями, более роскошными, чем в Париже. О гамбургерах она не узнала ничего: она ела во французском ресторане. Следующие дни она посвятила работе и покупкам. Америка была страной будущего, изобретений, технических новинок. Большой магазин для детей-лакомок. Она купила миниатюрную ракету – это было начало покорения космоса – и «Поляроид», прибор, еще неизвестный во Франции. Она проводила вечера в Сен-Сильвестре в Гарлеме, в баре Рэя Шуга Робинсона.

Ее роскошно встретили: Норман Гранц организовал вечера, на которых собирались сливки американского общества. Мнение прессы было важно. Когда она отправилась в Лос-Анджелес, исполнилась детская мечта: она всегда мечтала о Голливуде. Но городок оказался ей лишенным теплоты, она чувствовала себя одинокой. Ей не хватало любви французской и европейской публики. Эта публика дала ей слишком много. Полюбить Америку было бы изменой.

Она перечитала контракт, который ей предлагали. Внезапно все эти притеснения испугали ее. Она любила делать всё «по-своему» («à sa manière»). Она испугалась, что станет жертвой. К тому же Люсьен и Эдди уже остыли после первого энтузиазма. Ни тот, ни другой не хотели упустить ее. Им нетрудно было убедить ее остаться во Франции.

В декабре 1978 года она отреагирует так же: в последний момент она не подпишет американский контракт. Но на остальном континенте, где английский язык не представлял собой барьера, ее популярность росла очень быстро, от Южной Америки до Канады.

Возвращение в Париж стало облегчением. Но почти тотчас же она уехала в Египет. Великий импресарио Шериф Камаль организовал ей звездное возвращение. Едва сойдя с самолета «TWA», лучась от радости в широком костюме с воротником, держа в руках приемник, саквояж и букет цветов, она улыбнулась толпе журналистов, родственников и друзей, которые пришли ее встретить. Она выступала в кинотеатре «Риволи». Это было привилегией, потому что Оум Кальсум пел там в первый четверг каждого месяца.

Это был настоящий реванш «четырёхглазой» девочки. Египетская пресса писала: «Голос века». Через двадцать четыре часа не осталось ни одного билета, поклонники вынуждены были доставать их на черном рынке. Студенты протестовали и писали в журналы: это они, молодые люди, создали Далиду, и они не могли придти посмотреть на нее. Тогда она решила дать для них утренний концерт по сниженной цене.

«Риволи» был украшен в чистейшем восточном стиле барокко. Там было два занавеса, один из красного сукна, другой из золотого. Когда свет погас, поднялись красные драпировки. Далида уже была на сцене перед золотым занавесом в своем красном платье из «Бобино». Ее лицо было очень бледным, окаймленным длинными волосами. Зал задержал дыхание и заплодировал. Семья и все друзья были здесь, каждая ее школьная приятельница. Четверть часа раздавался только гром радостных криков, выражений гордости, аплодисментов. У зрителей было чувство, что они способствовали ее успеху: Далида принадлежала им. Она пела с распахнутыми руками и раскрытыми пальцами, как будто приглашая публику броситься в ее объятия. После концерта мать прижала ее к себе, воскликнув:

- Если бы папа был здесь!

Когда она видела эту гордость матери и братьев, ее сердце наполнялось радостью.

Она была теперь звездой, она ночевала не в Шубре, а в «Хилтоне». Она вернулась посмотреть на свой дом. На пороге она ненадолго остановилась перед памятной табличкой, всегда гласившей: «Пьетро Джильотти, скрипач». Позже эту табличку заменят на другую: «Здесь родилась Далида, певица».

В «Хилтоне» балкон ее комнаты выходил на Нил. Она смотрела на реку, на город, и дрожала, несмотря на жару. Она любила жить на высоте, чтобы открывался пейзаж. И все-таки ее сжимала тоска. Тоска по прошлому, которое вдруг вернулось. Она сняла еще одну комнату, рядом со своей, для младшего брата Бруно. Поняла ли она в первый раз, что слава начинает отделять ее от других? Она попросила Бруно ночевать рядом. Она не могла уснуть одна, даже при свете ночника. А если, в темноте такого знакомого города, старые призраки вернутся преследовать ее?

Когда вернулся день, она смеялась в ярком свете Каира, наслаждаясь жизнью со своей обычной беззаботностью. Жизнь к тому же казалась ей рогом изобилия. Родственники и официальные лица боролись, чтобы пригласить ее на застолье.

Семейное фото: старший брат с обманчивым видом Витторио Гассмана, похожий на Пьетро. Пеппина улыбается со своими материнскими округлостями. Встав на одно колено перед сестрой, Бруно подносит ей балетную туфельку, как сказочный принц. На балконе обнимающиеся Далида и Бруно выглядят почти как влюбленные. В объятиях своего брата она казалась спокойнее, чем в руках Люсьена...

Бруно был удивлен талантом своей сестры, но и Далида удивилась таланту брата. Это было великое открытие ее возвращения. Бруно всегда мечтал не только стать режиссером, но и петь. Он выступал в кабаре, где после ужина посетители танцевали под музыку оркестра. У него появилась идея осовременить и адаптировать «*Мустафу*» («*Mustapha*»), мелодию студенческого фольклора, которую напевали в кабачках на берегу Нила, куда молодежь приходила попробовать на свежем воздухе жареную рыбу.

*Ты зажгла меня одной спичкой,
Ты вскружила мне голову...*

Бруно находил, что это веселее, чем учеба, и снискал неплохой успех. Через год Боб Азам и его оркестр будут исполнять эту песню во Франции. Самая маленькая девочка, покручивая хулахуп вокруг бедер, подхватит эту веселую и запоминающуюся песню.

Когда пришел успех, Далида твердо решила восстановить связь с теми, кого ей так не хватало в Париже. Она с радостью снова увидела Розы, маленькую кузину, которая когда-то плакала над супом, и которая ее беспредельно обожала. Розы стала прехорошенькой девушкой. Радостная, что видит ее такой милой, Далида подарила ей свои платья. Она приехала, нагруженная багажом, а уезжала с пустыми чемоданами. Все горячо ее благодарили. Были целые сцены с носовыми платками. Она сказала:

- Тебе, мама, я куплю квартиру. Ты тоже, Розы, ты однажды приедешь в Париж!

На этот раз, прежде чем уехать, она отправилась в одиночестве, на такси, на могилу своего отца в старом Каире. Она знала, что добилась успеха; Пьетро гордился бы ею. Она заплакала, положив свой букет. Она вдруг поняла, как ей не хватало его в юности. В ту эпоху на кладбище для иностранцев за могилами хорошо ухаживали. Позже они будут покинуты, плиты потрескаются, покроются обломками. Зрелище, от которого сжимается сердце...

Она покинула Каир, полная меланхолии по Бейруту, где у нее началась страстная история любви с Ливаном. Ее всегда будут встречать там как певицу и как друга. Бейрут, как и она, был скорее Востоком, чем Европой. В роскошном отеле «Сен-Жорж» она чувствовала себя дома.

Она снова вылетела в Афины, где Люсьен присоединился к ней. С греками тоже началась история любви. Уже в 1958 году часть греческой колонии в Каире вернулась на родину, и встретила ее с энтузиазмом. Успех подтвердится, когда она споет «*Детей Пирея*» («*Les enfants du Pirée*»). В средиземноморском бассейне у нее развязала страсти, принесенные еще древними колонизаторами. В ее триумфе над бедностью, изгнанием, лишением корней они узнавали себя: ее триумф был их триумфом...

Было бы жаль...

После возвращения в Париж вихрь продолжал кружиться. Кино требовало ее. Она должна была сыграть Антиною, королеву Атлантиды, утонувшего королевства, но проект постигла та же судьба. Более серьезным был франко-итальянский фильм о маленькой неаполитанской продавщице цветов, которая стала звездой песни. В Риме, прислонившись к съёмочному автомобилю, она ела трубочку мороженого. А Люсьен?

В 1959 году она спела «*Было бы жаль*» («*Ce serait dommage*»). Ее песни всегда рассказывали историю ее жизни... Между ними, в первое время, любовь последовала за восхищением. Она иногда спрашивала себя, не уступит ли любовь в свою очередь место узнаванию...

«Но нет, я ошибаюсь... Я его люблю, я его обожаю»

Очень быстро она брала себя в руки. Оборачивала вокруг шеи меховой воротник. Жест означал:

«Защити меня, приласкай меня...»

Люсьен был всем для нее. Но все – не слишком ли это много? Немного лихорадочно, в свои редкие свободные минуты, она продолжала обставлять жилье на улице Анкары, бегала по антикварным лавкам и блошиным рынкам. Успокаивалась при помощи старомодной мебели и драгоценных безделушек. Это было для нее новым, но и к этому, как ко всему другому, она быстро привыкла. Вазы, ковры, японские изделия из слоновой кости, редкие книги. Книги, она начинала их любить. В первое время она смотрела на них, не решаясь слишком много читать. Трогательным жестом она загораживала радиаторы декоративными панелями и размещала книги.

Вот уже пять лет она жила только своей работой. Она не чувствовала себя женщиной в глазах публики, и у нее не было времени стать ею для мужчины. Для Люсьена она тоже, прежде всего, была публичным лицом.

Но итальянка из Каира верила во французскую песню. Она предпочитала танцевальные мелодии. Ча-ча-ча и уже твист. Она пела «*Любить тебя безумно*» («*T'aimer follement*»), версию американской песни «*Makin' love*»:

О, любить тебя безумно, моя любовь,

Любить тебя безумно, день и ночь...

Под эту мелодию можно было танцевать так же хорошо, как и петь. Она радовалась. Она была очень убедительна. Она мечтала о безумной любви. Она поняла, что нужно заставлять танцевать молодежь на вечеринках. Она пела по-французски, но без колебаний брала за основу американские песни. В ту эпоху это уже было много. Результаты получались иногда немного смешными, но по крайней мере, была работа для авторов.

Королева музыкальных автоматов

В 1954 году вышел первый французский музыкальный автомат завода «Маршан» в Леваллуа. Его называли «автоматическим проигрывателем». Более подходящее слово, чем американское juke-box. Слово «juke» на неприличном жаргоне означало «поцелуй»... После окончания войны американцы наводнили рынок своими собственными изделиями. В 1959 году во Франции использовалось двадцать тысяч автоматов.

На каждой машине был «счетчик популярности». Очень быстро производители пластинок стали смотреть на музыкальные автоматы как на лучших рекламных агентов. После Пиаф Далида побила здесь все рекорды.

В первый раз молодежь получила право голоса и доступ к потреблению. Появились карманные деньги.

В 1959 году Кокатрикс стал директором «Театра Звезды» (Théâtre de l'Etoile). Он хотел обновить спектакли мюзик-холла. Он ввёл «музыкальный автомат» (juke-box): молодежь голосовала и решала, кого она хочет услышать... Голосование было в моде. Далида прибыла в самом начале и торжественно открыла вечер.

В белом пальто и серебряных туфлях, Брижит Бардо, беременная от Жака Шаррье, присутствовала на премьере. Она предпочла Далиду Фрэнку Синатре, который пел в Париже в тот же вечер. Встреча вулканической брюнетки и зажигательной блондинки стала лакомым кусочком для фотографов.

На сцене светился гигантский музыкальный автомат. Далида чувствовала себя очень непринужденно с публикой, которая заранее выбрала ее. В коротком голубом платье «абажур» она пела «*Мари, Мари*» («Marie-Marie»), любимую песню Жильбера Беко. Очень разговорная, написанная для мужчины, это история узника, который ждет своего освобождения к Пасхе. Далида читала текст на сцене, как будто письмо, которое она только что получила. Обращая внимание на нюансы, она меньше играла на мелодраме, больше на нежности, и доказала свой талант актрисы.

Кокатрикс сохранил большую часть мест для небогатых людей, в тот час, когда они уходят из контор. Вход был бесплатным. Две тысячи мест имелись в наличии, пять тысяч поклонников ринулись в бой. Барьеры. Разочарованная рабочая жаловалась, что купила три программки. Зрители хотели, чтобы и они были бесплатными!

«Не нужно ли было еще подать вам закуску?»

У критика Марселя Митюа не было слов:

«Каждый зритель испытывал непреодолимое желание уехать вместе с ней в Венецию, каждая зрительница думала: «Она же совсем как я, когда я в первый раз сказала ему, что люблю его»

«Голос десяти тысяч музыкальных автоматов» произвел впечатление на народную публику, и в тоже время сумел завоевать снобов...

Волна тинейджеров смывает столько певцов! Чтобы выжить, понадобится много таланта, много стойкости, или много везения. На следующий день большая часть целого поколения артистов исчезла. Кокатрикс предвидел это. Далида вовремя сделала поворот. Молодая красивая, сексуальная, веселая, она обладала всеми необходимыми преимуществами. В 1959 году она сменила стиль на тинейджерский: облегающие панталоны, предшественники джинсов, балетные тапочки, чтобы танцевать, матроска, и, предвосхищая хвостики Шейлы, две смешные косички с лентами на концах. Только макияж, всегда одинаково подчеркнутый, не гармонировал с этим нарядом девчонки. И еще серьезность лица, которую не могла скрыть мода на деланную слащавость.

Фан-клуб Далиды – первый женский фан-клуб – был очень активным, а ее двойников становилось все больше и больше. Саша Дистель, человек со «скубиду», пел:

Я всю ночь танцевал с девушкой, которая напоминала Далиду...

Косички, твист: она играла роль. Раздвоение «Иоланда-Далида» усилилось. В городе Иоланда одевалась очень просто. Когда дешевая одежда ей нравилась, она покупала ее и носила, когда хотела. В одном ночном клубе в Сан-Тропе ее сфотографировали в брючном костюме из розового шелка, и с цветной лентой для волос: настоящая «дольче вита». В тот день ей захотелось выйти в таком виде. Но на сцене каждая деталь была продумана.

Она пыталась и шутить. Роман Франсуазы Саган «*Любите ли вы Брамса?*» («*Aimez-vous Brahms*») лежал на каждом столике. А Далида спела: «*Лично я предпочитаю Моцарта*» («*Moi, je prefere Mozart*»). В этой сатире на интеллектуальных снобов она убивала на сцене из револьвера своего противника, который оставался верным «*Bambino*». Она мило посмеивалась над собой, привлекала насмешников на свою сторону и выбивала почву из-под ног ворчунов.

За ней все больше и больше ухаживали. Люсьен настораживался, когда видел рядом с ней мужчину. Один певец влюбился в Далиду и прислал ей в конце гастролей красные розы. Люсьен видел его визитную карточку. На следующий день наглеца убрали с радио.

У Далиды было сильное чувство долга перед тем, кого она называла «Люсьен, чудо». Она не упускала случая воздать ему должное:

- Он научил меня почти всему, я обязана ему тем, что стала женщиной еще до того, как полюбила его.

Те, кого называли «вечные жених и невеста», объявили, наконец, что сделают решительный шаг. И все-таки отношения были не такими уж розовыми. Они иногда ссорились из-за интервью. Он упрекал ее в раздражительности, она его – в злопамятстве. Она говорила, что через три года у нее будет ребенок, а через десять лет она уйдет со сцены. Он, как обычно, несмотря на свои обещания, хотел только заставлять ее работать, снова работать... Но разве эти мелкие ссоры не естественны между влюбленными? И вот Далида ворковала:

«Это благодаря песням я узнала любовь...»

Итак, мы поженимся?

Других мужчин, которые могли бы любить ее, Далида не хотела видеть. К тому же тесное покровительство Люсьена отпугивало их. Как многие пары, они расставляли друг другу ловушки. Она заставляла себя думать только о нем, и упрекала его за это. Его властность, его страх ее потерять душили ее. Успех, которого Люсьен для нее хотел, стал препятствием. Желание в глазах стольких мужчин сводило с ума этого робкого человека.

Квартира на улице Анкары стала напоминать золотую клетку. Она была молода, слишком молода, чувственна, слишком чувственна, она слишком любила жизнь, и жизнь теперь открывалась ей со всех сторон. И эти плоды останутся для нее запретными, у нее никогда не будет права попробовать их? Как защититься от опьянения, когда за тобой так ухаживают? Как можно требовать от нее, чтобы она очаровывала тысячи зрителей, и оставалась перед ними мраморной? Играть с огнем было ее профессией. Трудно было самой не загореться...

Люсьен развелся. Это было тяжело. Его отношения с Далидой окрасились некоторой горечью. Со своей стороны, она боялась, что заставляет его страдать, и упрекала себя в том, что спровоцировала его. Люсьен стал мрачнее, молчаливее. С самого начала он боролся за нее, но иногда уставал, хотел покоя. А ей трудно было быть спокойной дома, когда на сцене от нее требовали эмоций...

Каждый сомневался, и их сомнения усиливались. Для нее каждый встречный мужчина был вопросительным знаком в вечных поисках отца. Люсьен – тот, кто ее «сделал» - был заменой этого неуловимого, ушедшего отца. И вот она разыгрывала с ним, по его воле или против, старый сценарий. Испытывала по отношению к нему детское возмущение. Как ее отец, он слишком часто уходил, как ее отец, он никогда не был доволен. Он критиковал все: ее платье, ее манеру выражать себя, то, что ей не хватало культуры. Она слушалась, просила только научить ее, говорила, что

любит Мальро, Бетховена, Ван Гога, Феллини. Ей понадобится время, чтобы обрести свои истинные вкусы. Это нормально. Но он раздражался, вечно указывая пальцем на ее недостатки.

После трех лет изматывающей работы она не видела конца. Разве не он возложил на нее этот труд? Она хотела бы выйти из дома просто так, чтобы посмеяться, развлечься, а не для того, чтобы «встретиться с важными людьми». Обрести беззаботность своего возраста. Но Люсьен был не молодым человеком, а господином.

Если сравнивать квартиру на улице Анкара с последующими домами Далиды, в ее убранстве была какая-то чопорность. Ей не хватало непосредственности и жизни. На лице Далиды в то время что-то застыло. Как будто она слишком быстро повзрослела...

Она пыталась, с трогательной охотой, стать «мадам Люсьен Морисс». Брак был бы завершающим событием их связи. Она не могла представить будущее без него.

А потом она внезапно заупрямилась. Зачем лист бумаги, чтобы скрепить их любовь? Бесповоротность брака испугала ее. Тихий голос шептал ей, что еще слишком рано. Но все спрашивали, почему она медлит...

Сначала откладывала именно она. Люсьен сопротивлялся. Он чувствовал себя отвергнутым. Он все сделал, все оставил ради нее, а она теперь... У него началось нечто вроде головокружения. Он смотрел на эту женщину, которая как будто ему больше не принадлежала. Это уже не была юная дикарка, смущенная, импульсивная, дрожащая от страха не понравиться, которой он однажды протянул визитную карточку в плохо освещенном коридоре «Олимпии». Он видел ее на сцене, уносящуюся в другой мир, который он подарил ей, но куда не мог за ней последовать. Каждый вечер она теряла пятьсот граммов, оставляла на подмостках частичку самой себя. Он видел, как она пыталась вернуться на землю, к нему. Она признавалась, что иногда спрашивала себя, сможет ли она вернуться, не рискует ли остаться «там»... Она продлевала божественные минуты, подписывая все автографы, о которых ее просили, снова сияя рядом с этими счастливыми лицами, окружавшими ее. Она любила все признаки своей популярности. Похвалы поднимались к ней, как фимиам. Так она чувствовала себя женщиной.

Сделать ее женщиной по-другому он уже не мог. Это было слишком сильно. У него было такое впечатление, будто то, что давал ей он, было слишком мало в сравнении со сценой. Порой, когда они вместе ужинали, в один из тех спокойных моментов, которые она искала, он замечал на ее лице отсутствие, усталость, вздох. Она не слушала его. Она еще была «там». Он думал, что ей с ним скучно. А она:

- Но нет, это же ты: когда мне хочется говорить с тобой, ты читаешь газету...

От месяца к месяцу свадьба все откладывалась. Документы шли из Каира безумно долго. Далида скрывала сомнения, но у Люсьена была своя гордость, и он опережал события. Привыкнув командовать, он не позволял ей много решать. Он говорил за нее. Что касалось ее, ей иногда казалось, что ее считают идиоткой.

Время от времени они с Люсьеном спорили из-за выбора песен. Это было менее серьезно. Она понимала все, что происходило с ней в профессиональном плане, но не понимала остального. Она боялась будущего, боялась самой себя.

Теперь уже он отдалял момент, когда нужно сделать шаг. И бумаги все время задерживались. Не хватало только свидетельства о смерти ее отца... Когда оно, наконец, пришло, французские власти снова были недовольны. Нужно было еще свидетельство о рождении. А его невозможно было отыскать.

- Раз он умер, должен же он был родиться, - иронизировала Далида.

Головокружение от жизни

Головокружение, которое испытывал Люсьен, чувствовали все, кто был рядом с Далидой в то время. Она репетировала, записывала, играла, ездила на гастроли. Постоянно была окружена поклонниками, журналистами, авторами, композиторами, продюсерами, импресарио.

В начале 1960 года она стала первой звездой песни, которая снялась в рекламе. Миланский промышленник, производитель матрасов, хотел продвинуть новую марку. Он был поклонником Далиды и заплатил ей очень много за телесъемки. Телевидение становилось очень популярным СМИ.

Можно было видеть, как она томно растягивалась на «Пермафлексе», «знаменитом пружинном матрасе». Матрас был синим, на ней был пеньюар из розовых кружев. Она принимала позу Спящей Красавицы, разбуженной Прекрасным Принцем. Звуковым фоном был припев одной из ее песен, «*Песен мечты*».

Сегодня достаточно одного рекламного ролика, чтобы сделать кампанию. А тогда ее снимали много раз, с вариациями на ту же тему, каждый раз с разной песней в качестве фона. Она оставалась в Милане целый месяц.

Предприниматель был богатым, молодым и красивым. Он каждый день видел, как она изящно кувыркается на одном из его матрасов. Не считая того, что когда работа кончалась, она расслаблялась, загорая на пляже в Римини в сногсшибательном бикини. Он ухаживал за ней и предложил ей брак, роскошную жизнь.

Это была великая эпоха папарацци. Один из них поймал Далиду и предпринимателя, когда они ужинали вместе в ресторане. Напрасно она станет повторять, что они говорили о делах, итальянская пресса уже загорелась:

«В сердце Далиды Люсьен Морисс уступил место итальянцу»

В Париже Люсьен, открыв газету, прочитал «новость» во всей красе. Далида послала телеграмму: «Я еду», и села на первый самолет до Парижа. В Орли Люсьен ждал ее, в сопровождении своры журналистов. Она протестовала:

- У меня два деловых ужина в неделю, и каждый раз меня с кем-то обручают!

Она всегда демонстративно носила кольцо с жемчужиной, которое Люсьен привез ей из Японии.

Люсьен был бледным, напряженным:

- Я хотел жениться на Иоланде Джильотти, но я никогда не женюсь на Далиде!

Далида не простила этот удар, но промолчала. На другой день пресса писала: «Выбор: замужество или карьера». Тогда еще считали, что женщина должна выбирать.

Люсьен всё не успокаивался: он один против толпы ее поклонников, он совершил бы ошибку, женившись на ней, он заранее знает, что потеряет ее...

Далида возражала: если они не поженятся, она не сможет иметь детей. Без них она не могла бы быть по-настоящему счастливой. Это станет лейтмотивом ее жизни.

Уже в 1958 году, в интервью для «*Cinemonde*», она сказала:

- Мне никогда не везло в любви.

Семейный статус Люсьена очень давил. И теперь, когда он был свободен, стало слишком поздно, что-то износилось. Нужно сказать, что она предъявляла серьезные требования:

- Со мной очень нелегко. Я тщетно ищу идеального мужчину. Физическая красота неважна. Но я хочу, чтобы он был умным, искренним, и чтобы он давал мне советы в моей карьере.

Короче говоря, портрет Люсьена. Итак?

Игра

В 1960 году меланхолия взгляда усилилась, туши стало еще больше. Перед большим мировым турне, которое увлечет ее в Японию, в Иран, в Голландию, она уехала с Люсьеном в Альп-д'Юез. В первый раз она взяла отпуск. Она смеялась перед фотографом, но у Люсьена был мрачный вид. Вот уже год, как было объявлено о браке. Когда документы прибыли, она сказала, что ее импресарио, Феликс Маруани, не может найти свободную дату...

Она продала миллион пластинок «*Дождя*» в Германии, сто тысяч во Франции. Она всегда была на первом месте среди женщин-звезд в голосовании на «Европе 1», и еще удерживала в РМС рекорд по количеству писем, в которых просили передать по радио такого-то или такого-то певца. Ее пластинки составляли самые большие продажи Баркляя. Прошлым летом она побила рекорд: самый большой гонорар за гастроль по пляжам.

Кокатрикс объявил в «*Paris-Jour*», что мюзик-холл в агонии по вине новой волны песни:

«Здесь нет никакого духа открытия, духа творчества»

Он видел только восемь звезд, способных продержаться пятнадцать дней в Олимпии. Среди них Далиду.

Несмотря на сплошные успехи, ее тревоги все росли. Ей было трудно засыпать, она читала фантастические романы, чтобы развеять самые глубокие страхи. Свет всегда оставался

включенным. Ночью она просыпалась в слезах, как будто ей только что снился кошмар. Она отказывалась говорить. Люсьен отправил ее к психиатру. Диагноз: она боялась оказаться не на высоте.

Успех был как волна, на которой она балансировала. Огромный вал. Сколько времени она продержится, пока не разобьется?

Сегодняшние тревоги влекли за собой возвращение детских страхов. Снова она боялась за свои глаза. Это был у нее верный признак волнения. Когда она снималась в фильме, то переживала, что слишком яркие огни могут снова причинить ей вред, как когда-то солнце в Египте. Ей часто снился один и тот же сон: она в Каире. Вокруг нее двери. Все закрыты. Она хочет улететь.

Предчувствия, которые всегда вели ее, стали еще более четкими. В ночь убийства короля Файсала ей снилось, что она в восточном дворце, приглашенная принцем. В комнате сбоку принца убивают...

Она потеряла медальон Святой девы, который мать надела ей на шею, когда она впервые уезжала из Каира. Во сне она увидела место, где была потерянная вещь. Она проснулась, пошла туда и нашла ее.

Она испытывала разрозненные чувства, как датчик опасности. Как радиоантенна, она принимала волны и передавала их дальше. Этот дар медиума позволял ей чувствовать свою публику, давать людям как раз то, что они хотели, и когда хотели. Но эта повышенная чувствительность осложняла повседневную жизнь. Разные пустяки ранили ее, и, кроме того, на нее было устремлено столько глаз, отслеживающих промахи.

Она была так известна, что когда по телеграфу произносили имя по буквам, то говорили: «Д, как Далида»... Она стала международной звездой.

Она могла бы иметь гораздо больше врагов. Но, как утверждал Люсьен, она взлетела слишком быстро и слишком высоко. Когда на нее начали нападать, она уже стояла на ногах.

Быть звездой было непросто. Любое движение человеческой слабости возвращало ее на землю – но звезды не должны провалиться.

В марсельском «Алькасаре» один ненормальный, сидевший в ложе, близкой к сцене, бросил в нее бумажный самолетик. Он метил в декольте и попал в цель. Придя в ярость, она остановилась прямо посреди «Истории любви» («L'histoire de l'amour») и бросилась за кулисы, опрокинув по дороге микрофон, который с грохотом упал. Зрители насильно выпроводили слабоумного. Микрофон поставили на место. Она вернулась: семь минут овации. На другой день пресса написала: «Каприз звезды».

Гастроли изматывали. Со своим оборудованием она проезжала на автомобиле сотни километров. Каждый раз это была борьба с хронометром и неожиданностями. В Орезоне, рядом с Маноском, перед дверью театра внезапно остановился грузовик с фруктами. Роскошный «Плимут» Далиды попал в аварию. Тем хуже: репетиция не ждала.

Если вечером ей надо было петь, она репетировала с полудня. Она причесывалась сама – это имело терапевтический эффект, это успокаивало, помогало сосредоточиться. Она отправлялась из отеля на репетицию с большими металлическими бигудями под платком. Фотограф на подмостках, в восторге от такой удачи, поймал ее. Соловей песни наградил его ругательствами.

- Но чего они хотят? – спрашивала она. Материала для статьи, только материала для статьи... Опубликовали ее гороскоп. Она была дочерью солнца и зимним ребенком. Козерог был «умным, серьезным, но в то же время эгоистичным, иногда враждебным. Спокойный и меланхоличный, суровый и неутомимый, амбициозный».

Все время нужно было придумывать новое. Время не стояло на месте. Не было еще «одноразовых» звезд, которых выбрасывали после одного сезона. Но мюзик-холл был тем же, что когда-то гладиаторские игры. Он требовал крови на арене после битвы. Долгий успех Далиды начинал раздражать.

«Как случилось, что она до сих пор здесь, эта?»

Ей когда-то предсказывали быстрое забвение... Критиковали не только ее вспыльчивость, но и слишком яркую одежду, сентиментальную манеру пения, любовь к игре. Но, в конце концов, ее деньги принадлежали ей, она тяжелым трудом заработала их. А если ей нравилось оставлять их в казино? У тех, кто нуждался в деньгах, они часто текут между пальцев. К тому же Люсьен был еще более заядлым игроком, чем она. Они разделяли вкус к азарту, любили выброс адреналина, когда рулетка крутилась.

Еще в Каире, с тетушкой и кузенами, она проигрывала мелкие суммы в покер. Теперь, на гастролях, она часто пела в казино. Там бывала утонченная публика. Концерт кончался, и несмотря на усталость, она не могла за пять минут восполнить количество энергии, с помощью которой двигала целый зал, говорила с тысячами людей, как с одним. Она поднималась очень высоко, как потом легко спуститься? Как удержаться? Когда она, почти в трансе, покидала яркие огни, темнота пугала ее. Зрители, довольные и сытые, возвращались домой. А она? В один миг вся эта любовь оставляла ее, она чувствовала себя одинокой. Она все отдала, у нее всё забрали.

Оставались деньги, только деньги. Бумажки. Роскошные отели, большие рестораны, великолепные платья: к этому быстро привыкаешь. К тому же это часть профессии. Не желая бороться с ночными призраками, она предпочитала задержаться в игровом зале. Коридор отеля так печален около полуночи... Открытый чемодан на безликой кровати так угнетает... А вокруг столиков для баккара еще горели живые огни, были люди, незнакомцы, которые общались, ищущая судьбу.

Директора зала, очень довольные, сохраняли за ней место. Они знали, что она теряет безумные суммы. Она говорила:

- Они приглашают меня петь, потому что знают, что в тот же вечер я проиграю весь свой гонорар в рулетку...

У нее никогда не будет мышления деловой женщины. Люсьен все еще был генеральным директором радиостанции. Барклай был первым во Франции производителем пластинок. Их конторы находились в ультрасовременном здании в Нейи. У Эдди был «Кадиллак», модная квартира с круглой кроватью и стерео. «Три мушкетера» песни – Морисс, Барклай, Кокатрикс, к которым нужно добавить их д'Артаньяна, Далиду – неплохо преуспели. Все это началось с партии в «421», чего же удивляться, что Далида влюбилась в столики с зеленым сукном?

Вся жизнь, разве это не игра? Но ей казалось, что когда люди женятся, они больше не играют. Она была воспитана в представлении, что брак – настоящий успех женщины. Это было так важно, что она боялась.

Однако воздух Парижа был полон фантазии. Когда пришла тинейджерская мода, она, такая молодая, почувствовала себя еще моложе. В витринах Сен-Жермена, новомодного квартала, было столько красивых вещей! Это было начало эпохи прет-а-порте. Женщины покидали своих маленьких портних, чтобы покупать недорогие вещицы из розового или голубого «виши». Этих вещей хватало на один сезон, но менять их было еще веселее... С этим простым и новым гардеробом Далида отдыхала от муслина и бархата, от бюстье и мехов, которые она носила на сцене. Она обновляла свои находки в маленьких бистро; они с Люсьеном обожали открывать их для себя.

В 1959-60 годах парижанки стали выше благодаря знаменитому шиньону «кислая капуста», и поэтому парикмахерам оказывалось больше доверия. Далида сначала будет причесываться у Дессанжа – потом у Кариты, Александра, и позже у Сен-Жилля.

Во время гастролей, чтобы расслабиться, она урывала здесь и там несколько часов, чтобы позагорать на пляже или у бассейна. Она любила обнажаться, она говорила:

- Солнце – это кутюрье, который одевает меня лучше всего.

Она, такая терпеливая после концертов, отвечала, если к ней приближались прямо в бассейне, чтобы попросить автограф:

- Вы ошибаетесь, я не Далида...

Иоланде нужно было вздохнуть спокойно хоть минуту...

Иностранские поездки, реклама, фото, выбор песен, репетиции, записи, примерки...

- Чтобы заниматься этим, нужно иметь железное здоровье. Это мужская профессия.

У нее появлялось мимолетное желание остановиться.

Она стискивала зубы, не жаловалась. Потом проходили годы. Успех всегда был с ней. «Я была права... Как воспитывать ребенка в этом безумии?»

Она повторяла про себя: «У меня есть время... Позже...»

Как многие другие женщины в те годы, она думала, что такова цена за то, чтобы вступить в мир работы...

И все же она хотела его, ребенка от Люсьена. Она слишком хорошо знала, что такое расти без отца, чтобы обречь на это другое существо.

Путь к мэрии

Для Далиды и Люсьена настало время ужасных отношений. Когда один делал шаг вперед, другой отступал. Вечный танец беспокойных влюбленных. Далида жила с ним уже пять лет. Слишком большой успех, как с одной стороны, так и с другой, влияет на повседневную жизнь. Они виделись еще реже, чем прежде. В прошлом остались трюки, когда они находили час или два среди своих занятий, когда были загружены. Признаки непонимания все накапливались. Два таких сильных характера уживаются с трудом. Упрямые, своевольные, они ненавидели идти на уступки. Но каждый понимал страх другого...

Неизвестно, когда начался разлад. Это происходило тайно, не было времени анализировать. Но все их уловки порождали много отрицательной рекламы. Журналисты требовали брака Пигмалиона и его Галатеи. Люсьен и Далида были публичными людьми. Чтобы верить в себя, они нуждались в том, чтобы отражаться в зеркале публики. В какой момент Далида не смогла больше не понимать, что ее любовь к Люсьену изменилась?

Она пыталась объяснить это Люсьену. Он не хотел ничего слышать. Однажды вечером она нежно сказала ему:

- Я люблю тебя даже больше, чем раньше, но это уже другая любовь. Так зачем нам жениться? Оба понимали, что они уже пережили самые сильные чувства. Люсьен уступил:

- Выходи за меня замуж, и я позволю тебе жить, как ты хочешь.

Он думал, что будет ее поддерживать. Сохранит ее такой ценой. Она была такой взволнованной, такой нетерпеливой! Это делало ее еще желаннее. Она сказала:

- Согласна.

Но пробормотала про себя: «Он на самом деле так не думает».

Когда вопрос с браком все же решился, это было как будто Далида отметила свое признание. Как можно не доставить удовольствие тому, кто хочет ее видеть мадам Люсьен Морисс? Трогательный жест: он отпечатал визитные карточки «Иоланда Морисс» еще до брака.

Люсьен, очень умный, чувствовал, что даже если она его покинет, она не выйдет замуж снова. У нее были проблемы с самой собой и с любовью. Ни один мужчина никогда не достигнет нужной высоты...

Она выходила замуж так, как будто покорялась. Она говорила себе, на восточный манер: «Так суждено». Проявление фатализма.

Это было начало драмы. До сих пор «смеющаяся Дали» всегда брала верх над «плачущей Дали». Скоро будет наоборот.

- Нельзя жениться на звезде песни, - повторял Люсьен все время, пока увлекал ее на путь к мэрии. Парадокс вошел в её жизнь, она больше не избавится от этого. Борьба между Далидой и Иоландой усиливалась, и будет продолжаться до изнурения. Далида, на букву «Д» как «дива», жила оперной жизнью, полной неожиданностей, шума и ярости. На сцене она проявляла большую выразительность. Иоланда, простая девушка, протестовала, пыталась спрятаться, чтобы избежать рокового влияния, но другая упорствовала, и в конце концов всегда побеждала.

В июне 1960 года она оказалась во главе «гигантов песни», перед Жильбером Беко, Эдит Пиаф, Жаком Брелем, Саша Дистелем, Колеетт Ренар, Анни Корди, Катериной Валенте. Пиаф заболела, Далида замещала ее в казино.

Пиаф пришла на ее концерт, она сказала:

«У малютки это в крови! Она меня заменит.»

Война с Глорией Лассо все разгоралась. Глория благородно высказывалась:

«Я происхожу от Августины Арагонской, женщины, которая во время осады Сарагосса заставила французов отступить с помощью только одной пушки!»

Далида: «Публика сделала свой выбор».

Глория: «Я пою лучше, чем Далида».

Далида: «Глория Лассо, кто это такая?»

«*Le Canard enchaîné*»: «Глория скучна».

Глория поднимала ставки:

«Что ж, Далида, храните как следует Люсьена Морисса. В моей жизни тоже был мужчина, который помог мне проложить путь. Морис Тезе, директор фирмы пластинок «Пате». Мы расстались, и я осталась звездой. Но вы, если когда-нибудь вам выпадет несчастье потерять Люсьена Морисса, на другой день вы перестанете существовать».

Далида решила прекратить игру.

«Все это капризы Глории. Она может говорить все, что хочет! У меня есть все ее пластинки, и мой брат Бруно очень восхищается ею».

В дополнение было напечатано фото, где Далида и Бруно слушали пластинку королевы пампасов... В 1962 году Глория покинет Францию.

Бегство

На улице Анкары, перед камином в гостиной, Далида расстелила тигровую шкуру. Что бы ни предсказывала Глория, она не собиралась упускать Люсьена. «Зимний ребенок» станет летней новобрачной. В Серрастретте надеялись, что Люсьен и Далида поженятся в деревне, или приедут туда в свадебное путешествие. Но свадебного путешествия не будет. Импресарио не дремал. Контракты были подписаны. Работа прежде всего.

24 июня 1960 года ураган пронесся над Парижем. Бретонские крестьяне, разозлившись на оптовиков, приехали, чтобы продать свои артишоки. А в «*Paris-Presse*» снова объявили, что Люсьен и Далида не поженятся. Люсьен, мрачный, высказался на знакомую тему:

- Я отказываюсь играть в Менегини¹.

Он собрал чемодан, сел на поезд и исчез на несколько дней. Папарацци следили за кремовой «Флоридой» Люсьена и большой «американкой» Далиды.

Наверху, на террасе, Далида принимала солнечную ванну. Нет ничего лучше, когда мораль уже не так сильна. Розовые брюки, позолоченные сандалии, бело-зеленая туника. Она смаковала грейпфрутовый сок, витамины по случаю дней без любви. Поворачивала ручку приемника. Звучали элегические бузуки «*Детей Пирея*» («*Les enfants du Pirée*»), ее нового грандиозного шлягера. А потом запоминающийся речитатив «*Мустафы*», другого безумного хита с оркестром Боба Аззама.

Она поднялась, склонилась над перилами. Внизу царил суматоха битвы: «охотники за головами» все время здесь. Она отступила, слегка покачивая бедрами.

Мысли о Бруно всегда доставляли ей удовольствие. А если бы он приехал испытать судьбу во Франции?

Она поклялась собрать в Париже тех, кого любила. Мать, братьев, кузенов. Мужа. Он вернется, Люсьен...

Рай на Капри

Летняя новобрачная подождет еще год. Как будто для того, чтобы разогнать тучи, собравшиеся над ее личной жизнью, она вступила в третью фазу своей карьеры. После итальянских песен, а потом томных, настала эпоха немного джазовых, забавных песен. Это началось с «*Лично я предпочитаю Моцарта*» и продолжилось бессмертным «*Итси-битси маленькое бикини*» («*Itsi bitsi petit bikini*»). Это меняло представление о ней. Когда она танцевала по телевизору под песню, одетая в красное в белый горошек, она развлекалась. Она старалась не думать о попытке самоубийства Бардо, о которой говорила пресса. Тем более, что их продолжали сравнивать.

Процесс против полковника Видаля закончился мирным соглашением. Далида заплатила ему пять миллионов франков, и полковник без сожалений ушел из ее жизни.

- Думайте обо мне, когда будете есть крутые яйца!

Она праздновала конец 1960 года, украшенная султанами, в шоу «Ревю конца года» на телевидении. В роли ведущей ревю, окруженная группой молодых людей, одетая в сетчатые колготки и трико с бахромой, она могла не завидовать «*Девушкам-колокольчикам*»² («*Blue Bell Girls*»). Она пела песню Мистингетт:

Я родилась в предместье Сен-Дени...

¹ Джованни Батиста Менегини – муж и импресарио Марии Каллас.

² Blue Bell Girls – знаменитая танцевальная группа из парижского кабаре «Лидо», основана в 1946 году.

Пресса уверяла, что ее хотели пригласить петь полуночную мессу в квартале La Defense, но церковные власти отказали по причине ее личной жизни – неприкрытое сожителство, «вечные жених и невеста»... Танцы в перьях были неплохим реваншем.

Люсьен вернулся очень быстро. 1 апреля 1961 года газета «*Jours de France*» объявила: «Далида выходит замуж». Апрельская шутка?

Она серьезно говорила:

- Я родилась, чтобы быть супругой, все остальное второстепенно.

Они с Люсьеном поспорили в кабаре на Елисейских Полях. Она:

- Слишком поздно, ты всё испортил.

Он, обезумев:

- Я женюсь на тебе завтра.

Побежденный, он вздыхал:

- Далида – амазонка. Она выиграла свою войну. Но нельзя безнаказанно из секретарши превратиться в богатую женщину.

Она все еще колебалась. Сцена вызывала у нее энтузиазм, огни ее гипнотизировали. Она повторяла, что пение – не профессия. Это больше: это страсть. Они с Люсьеном виделись только три или четыре месяца в году. Они долго беседовали по телефону в номере отеля. Люсьену оставалось только воображать. Она встречала столько обольстительных мужчин! Эта профессия и ее соблазны, он знал их.

Она пыталась убедить его, что он ошибается:

- Концерт кончается, публика уходит. У них своя жизнь, у меня своя. Я одна сижу перед холодной курицей в пустом ресторане. А потом, в номере отеля, еще хуже. Ты не представляешь себе, как это печально. И я думаю только о тебе.

Она снималась в новом фильме, «*Говорите мне о любви*» («*Parlez-moi d'amour*»). В Риме, в народном квартале Трастевере, она бегала, смеясь, в окружении толпы уличных детей. Съемки продолжались на Капри. Красота места, любезность жителей очаровали ее. Там тоже ее окружали дети, выходившие из школы в своих черных форменных блузках. Пленница, она со смехом подписывала учебники, которые они ей протягивали. Ее очень часто фотографировали в окружении малышей – как будто она возмещала их отсутствие в своей жизни.

Вновь одинокая, она смотрела сверху на море. Чувствовала себя крошечной перед величием пейзажа. Она думала: «Я нашла рай».

Напевала свой шлягер:

*Боже мой, как я люблю
Этот порт на краю света,
Который солнце наполняет
Своими золотыми отблесками...*

Капри, с ним покончено: в марте 1961 года она пела в Тегеране на официальном концерте, а на другой день – в Летнем дворце для монархов. Так началась дружба с шахом и его юной супругой. Фара Дибя, с ее нежной улыбкой, все еще выглядела, как пансионерка. Эта молодая девушка из скромной семьи казалась Золушкой. Она скоро обнаружила темперамент, особенно заинтересовалась эмансипацией иранских женщин... Сорайя, грустная принцесса, была в ссылке, и поэтому появлялась на «печальных» страницах журналов.

Концерт Далиды стал первым официальным выходом Фары после рождения маленького принца. У императрицы были все пластинки певицы. Далиду засыпали подарками. Шах подарил ей роскошный ковер из Исфахана. Она привезет во Францию множество баночек черной икры. Она восхищалась дворцом из бежевого мрамора, его огромными залами с разноцветными коврами, с роскошными люстрами.

Она научилась делать реверанс, но шах и императрица протянули ей руку. Они хотели быть воплощением современности. Иран освобождал от вуали своих женщин и продавал свою нефть. Шах верил, что сможет привести свою страну из Средних Веков в XX век. Далида и монархи ужинали на европейский лад и играли в карты.

Рассказывали, что императрица несчастлива, затворившись в своем дворце, но супруги танцевали ча-ча-ча до двух часов утра. Вернувшись в Париж, Далида подтвердила, как только вышла из самолета:

- Он любит ее, я видела это по его глазам.

Она подумала о Люсьене. Императрица пригласила их провести медовый месяц во дворце.

Открыв дверь своей квартиры, Далида вдруг нашла ее маленькой. Но она любила ее. Это был ее дом. Она сказала себе:

«У меня лучше, чем у них!»

Наконец-то!

8 апреля 1961 года Люсьен и Далида, наконец, отправились в мэрию. За несколько недель до этого он снова повторил, что не женится на ней.

Погода была хорошая, но прохладная. На Далиде было сиреневое платье из органзы от Бальмена, с таким же манто. Годом раньше ее сфотографировали примеряющей свадебный туалет из белых кружев. Но в итоге она не решилась. Она не сдержала обещания, данного матери, она выходила замуж без флёрдоранжа, и упрекала себя за это.

Думала ли она, что сиреневый – это наполовину цвет траура? Траура по Иоланде, какой она могла бы быть, и какой никогда не будет? Образ жизни, которую она вела, порой давил на нее. Ничто не дается так трудно, так свобода. Она жалела о другой жизни, о жизни разумной, смиренной, защищенной... которая, несомненно, наскутила бы ей до смерти.

Она была сентиментальной, юной. Из нее сделают героиню романтических фото, и это будет почти правдой. Вот и слеза в уголке глаза. Она пыталась взять себя в руки. Думать о чем-нибудь веселом, о солнце... Она не могла позволить, чтобы тушь потекла... Но она так хотела доставить удовольствие Джузеппине... Джузеппине, которая не смогла приехать... Плохое предзнаменование?

Почему она так много думала о своей матери в такой момент? Потому что мать оставалась для нее моделью, которой она, однако, изо всех сил старалась не подражать? Она вспоминала. Кроткая Джузеппина бывала на самом деле и строгой, и своевольной, и энергичной. Для Далиды, как и для братьев, ее слово было законом. Но все-таки каждый раз, когда Далида выступала против нее, мать подчинялась. Она очень тонко чувствовала характер дочери. Она всегда доверяла ей, несмотря на свой страх.

«Я часто заставляла ее плакать», думала Далида.

Свидетелем Люсьена был Жан Фридман, администратор «Европы 1», чья жена была близкой подружкой Далиды. Эдди Барклай был свидетелем невесты. В мэрии 16-го округа собрались их друзья. Для Люсьена это был день триумфа: он получал все, и власть и любовь.

Она была серьезной, дарила ему немного принужденную улыбку. Кого-то не хватало: Бруно, младшего брата. Он недавно приехал в Париж. Свидетели сдержанно поглядывали на часы. Далида рассердилась:

- Начнем без него, это будет ему уроком на следующий раз!

Гости рассмеялись - кроме Люсьена. Далида прыснула, чтобы скрыть смущение.

- Думаю, я сказала глупость...

Люсьен часто упрекал ее, что она говорит невпопад, не подумав. Но теперь она попала в точку. И все-таки, почему Бруно еще нет?

- Я не виноват! – повторял он, очень раздраженный. – Я не знаю Париж, а моя сестра забыла сказать мне, где у нее свадьба!

Без двадцати двенадцать: Бруно вошел в зал, опустив голову под мрачным взглядом сестры. Заместитель мэра открыл большую книгу, в которой Далида поставит подпись. Она была очень взволнована. Несмотря на микрофон, ее «да» было еле слышно. Люсьен с трудом надел ей на палец узкое кольцо. М. Десфэйерэ, мэру 16-го округа, пришлось помочь ему. Паника в последнюю минуту или новый знак судьбы? Опять Далида едва удержалась от слез. И с облегчением вздохнула.

Ведь если Бруно опоздал, то она пришла раньше. Чтобы доказать: она хотела этого брака! Встав в половине девятого, она провела четверть часа под феном-колпаком в своих бигуди и час

красилась. Потом она сто раз прошла взад-вперед по гостиной, спрашивая себя, что будет хуже: придти в мэрию первой или заставить ждать Люсьена?

Был полдень. Кортёж был готов ехать. Но секрет плохо сохранили. За решетками царила неопишуемая суматоха. Фасад здания украсили лентами и гирляндами из пластинок, стараниями свидетеля со стороны мэрии. Под каштанами авеню Сен-Мартен Эдди спрятал музыкантов Рэймона Лефевра. Лучший джазовый оркестр в Париже начал играть попури из всех хитов Далиды. Трубы, саксофоны, большие барабаны, корнет-а-пистоны, тамбурины наслаждались вволю.

Молодожены держались за руки под облаком конфетти. Разразился сюрприз фанфар оркестра, с которым соперничал концерт из автомобильных сигналов, не предусмотренный программой. Крики, смех, давка.

Оглушенная Далида держалась за руку своего мужа. Паре едва удалось добраться до черной «американки». Далида одновременно плакала и смеялась.

Автомобиль отвез их на скорый завтрак. Ведь успех обязывает: «*Paris-Match*» ждал фотографий с медового месяца, который, чтобы сохранить популярный образ «мадемуазель Бамбино», должен был начаться на народном гулянье в Париже (Foire du Trône).

Лотереи, русские горки, сталкивающиеся машинки, помидоры... Сидя на деревянной лошадке рядом с Люсьеном, Далида ела сладкую вату под обстрелом неугомонного фотографа. Разве можно упустить снимки с бракосочетания года!

Новобрачная казалась похожей на одну из тех кукол в широких юбках, которых выигрывают в тире. Она пожалела о медовом месяце в Серрастретте. Слишком поздно. Она сказала себе:

«Думай о счастье!»

Она улыбнулась. Фотограф был доволен.

Ужин прошел вечером в очень узком кругу, за городом. Двадцать друзей были приглашены в гостиницу Монфор-л'Амори. Еда и обстановка были простыми, окружение - приятным, но атмосфера не была по-настоящему радостной. Далида в основном радовалась за Люсьена. Она думала, что сделала то, что нужно.

Принесли десерт: «суфле Далида» из лесной земляники с трехэтажным тортом, украшенным традиционными сахарными новобрачными. Когда невеста неуверенной рукой отрезала кусок, она снова вспомнила о матери. Пеппина задержалась в Каире, чтобы продать семейный дом, и Далида не слишком настаивала на ее приезде. Это была не та свадьба, о которой она когда-то так мечтала. Увидев себя такой красивой в вуали для причастия, она подумала:

«Когда я выйду замуж, это будет еще лучше»

Подвенечная фата, она так часто видела ее во сне! Теперь всю жизнь ей будет не хватать этой фаты...

Вечеринка кончилась, молодожены проводили Бруно до Версальских ворот, в квартиру, которую Далида только что купила для своей семьи. Потом они вернулись, чтобы ночевать на улице Анкары. В тот вечер, как и во все другие, Далида мечтательно, целый час, расчесывала волосы перед зеркалом, слушая последние хиты. Она призналась себе, что возможно, ее история любви в прошлом. К тому же, разве ее самые прекрасные свадьбы разыгрывались не на сцене, вместе с публикой, когда она и зал становились одним целым?

В семье

На следующее утро в дверь позвонили: Далиде принесли контракт на «*Манон Леско*» («*Manon Lescaut*»), ее новый фильм. В шелковом пеньюаре она заблудилась среди цветов. Вокруг нее пятьдесят корзин роз, орхидей, лилий и цинний соперничали в аромате, форме и красках. Гостиная превратилась в оранжерею. На низком столике, перед канапе из бежевого бархата, теснились письма и телеграммы. Мальчик двенадцати лет писал ей: теперь у нее должны быть дети, много детей...

В районе Версальских ворот она купила двухэтажную квартиру для матери и братьев. Пеппине она написала:

«Продавай всё, мама, твой дом ждет тебя, я как раз его украшаю»

На последнем этаже богатого здания 40-х годов были апартаменты, состоящие из весьма буржуазной столовой, и еще четырех комнат, к каждой из которых прилегал ванная. Между

своими концертами она выкраивала время, чтобы все проверять и смеялась, как маленькая девочка, которая хочет сделать подарок своей матери.

Когда родные приехали, обустройство еще не закончилось. Далида сняла им номера в отеле рядом с ее домом на месяц, но переночевав там, они предпочли переезжать – неважно, если отделка не готова. Теперь Пеппина прохаживалась из одной комнаты в другую, немного растерявшись. Движение Версальских ворот вниз, бесконечные вереницы автомобилей произвели на нее впечатление.

- Не волнуйся, мама, ты очень скоро привыкнешь. В Париже так хорошо!

Далида была права: Пеппина очень скоро привыкла. Она познакомилась с бакалейщиком, с колбасником, с продавцом газет. Через консержку жители квартала узнали, кто она. Но они тоже быстро освоились с ней. Они полюбили эту женщину, такую простую и милую.

Париж опустел во время отпусков. Далида уехала на летние гастроли. Пеппина довольствовалась тем, что открывала для себя квартал. Бруно же уходил дальше. Он исследовал Сен-Жермен, его улицы, кафе, кабачки. Париж для нас двоих! 14 июля он смешался с толпой, танцевавшей на улицах. Юный итальянец из Каира сохранит об этом незабываемое воспоминание. Очень быстро, как и его сестра, он почувствовал себя во Франции как дома.

В августе Далида подарила своему брату и матери поездку в Италию. Неделя в Милане, потом в Риме, где они снова увиделись с итальянцами, вернувшимися на родину, с друзьями Пеппины и школьными товарищами Орландо. Они открыли родину своих предков и огромную популярность Далиды, чья реклама с матрасами шла по телевизору каждую неделю...

Страсть

После расставания с полковником Видалем импресарио Далиды стал Феликс Маруани, который раньше работал с Жильбером Беко и Тино Росси. Бесспорно, это был шаг вперед, но сначала Люсьен Морисс, а потом Далида и Бруно упрекали его в недостаточно широком видении, в том, что он не чувствовал ее заграничных возможностей.

Сразу после свадьбы Далида уехала на гастроли. Эдди Барклай, чувствуя, что в ее личной жизни не все безоблачно, решил взять ее на фестиваль в Канны, чтобы развлечь. Для такого случая Далида заказала два красивых платья от Бальмена: одно белое с накидкой, другое светло-розовое с вышивкой и рукавами, отороченными мехом. Она радовалась: лето было ее сезоном, летом она всегда была красивее всего. Она еще не оставила свои мечты о кино, хотя фильмы, которые ей предлагали, не достигали высоты ее амбиций.

В Каннах Далида часто виделась с подругой Иветт Лебон, бывшей актрисой, которая вышла замуж за кинопродюсера. Иветт была очаровательна, немного взбалмошна. Она развлекала Далиду. Они выходили вместе, наслаждались вечеринками фестиваля с их фейерверками.

Однажды вечером в Каннах Далида пошла с друзьями выпить стакан вина в ночном кабаре, «Виски в изобилии». Молодой человек пригласил ее на танец. Он скажет потом, что не знал, кто она.

Незнакомец был высоким, худым, с бронзовой кожей, ему было двадцать четыре года. Красив, как Бог. Глаза очень светлые, но страстные, славянские скулы, длинные волосы, которые еще не были в моде. В своих облегающих брюках и рубашкой со смелым рисунком он, всего на два года младше Далиды, воплощал новое поколение 60-х годов, которое на все осмелится, все взорвет во имя свободы, молодости и наслаждения.

- Кто это? – спросила Далида.

В тот вечер, в шуме ночного кабаре, они почти не смогли поговорить. Их волнение не нуждалось в словах.

Жан Собески происходил, как ей сказали, из польской аристократической семьи. Его предок, король Польши, женился на французской принцессе. Вот уже два года, на Лазурном Берегу и на левом берегу Сены, ему сопутствовала лестная репутация. Женщины, казалось, не могли устоять перед ним. Его талант художника был неизвестен. У него, конечно, был еще и другой: талант пользоваться моментом, жить полной жизнью.

С Далидой он составлял ощутимый контраст. Темноволосая принцесса песни и белокурый принц золотой молодежи привлекали друг друга, как две противоположности. После первой встречи Далида, почувствовав опасность, решила больше не видеться с ним. Но Жан позвонил ей,

они долго говорили по телефону. На расстоянии волшебство продолжало совершаться. Они тайно нашли друг друга в Париже.

Далида так много думала о нем, что не могла не рассказать о нем своим друзьям. Она сказала им:

- Я встретила принца!

Того самого, кого она высматривала долгими часами на террасе дома в Шубре? Люсьен внезапно показался ей слишком серьезным, слишком суровым. Она упрекала его, что он не давал ей выражать свою чувственность. Страсть, которую она ждала, родилась под южным солнцем. Запретить ей жить значило наполовину умереть.

Когда она вернулась на гастроли, Собески последовал за ней. Их связь была бурной и яростной. Она говорила себе, что раньше никогда не любила. Хотела отместить все свое прошлое. То, что она принимала за любовь, думала она теперь, было смесью чувств: привязанности, почтения, уважения, благодарности, спокойствия. Но нужно было, чтобы однажды заговорило тело...

В Париже она не вернулась домой, не решаясь поговорить с Люсьеном. Она поселилась в квартире в районе Версальских ворот. Как объяснить ему, что она не понимает саму себя? Она вступила на опасный путь. Она думала:

«Я сошла с ума, сошла с ума от любви»

Любовь была добровольным рабством. Она переживала сон наяву и уже боялась, что он закончится кошмаром.

Страсть стала наркотиком, без которого она больше не могла обходиться. Как без музыки... Но музыка была страстью ее жизни. А эта любовь, она чувствовала, мимолетна. Это сводило с ума. Она не хотела терять ни дня, ни даже часа. Она, которая говорила, что физическая красота не важна для мужчины, тонула в объятиях Адониса. Рядом с сияющей красотой Собески обаяние Люсьена казалось почти безобразным. Вот так одна любовь прогоняет другую: то, что раньше соблазняло, раздражает, чтобы не быть препятствием для нового желания.

У нее бывали моменты прояснения, ужасной тревоги. По ночам она просыпалась в поту. Голос звучал в ней:

«Я ошибаюсь! Я ошибаюсь!»

Но эта бархатная кожа рядом с ней, так близко... Но этот неповторимый аромат любимого, который можно искать и на краю света...

А потом перед ней снова вставало лицо Люсьена, страдающее лицо, такое трогательное, такое доброе. Она причиняла низкое зло тому, кто всегда делал ей добро. Но она была неспособна сопротивляться.

Она повторяла про себя, как молитву:

«Я всем обязана Люсьену!»

От этого было только хуже. Цепи долга были тяжелее, чем узы желаний. Как сказать «нет» призыву Жана? Она бы всем пожертвовала ради Люсьена, она сама это понимала. Но она не могла принести в жертву Жана. Она охотно страдала бы, чтобы не страдал Люсьен. Но она не могла заставить страдать Жана. Это было выше ее сил.

Жан принадлежал другой эпохе жизни Далиды. Люсьен останется образом отца. Может быть, поэтому она не выносила его с тех пор, как вышла за него замуж: как будто совершалось кровосмешение. Она не выносила звания мадам Люсьен Морисс. Она больше не была юной девушкой, заблудившейся в прошлом. Она хотела теперь быть только самой собой. В ее новом кавалере не было ничего от сильного мужчины. Его детская ранимость трогала ее. Теперь это она его защищала. Она слишком поздно поймет, что Люсьен тоже нуждался в защите.

Страсть заключила Далиду в заколдованный круг. Новости из мира едва достигали ее. Она скрывалась. Часть ее оставалась во сне. Принц Жан проложил путь через дремучий лес морали, старой боли, отказов. Как все это оказалось просто для него... Неужели бедный Люсьен только подготовил почву?

Выйдя из спящего леса, красавица ожила. Когда она исполняла «Романтику» («Romantica») или «24 тысячи поцелуев» («Vingt quatre mille baisers»), те самые бурные чувства, о которых она так убедительно пела, она теперь переживала. Как будто это всегда было в ней, и только ждало...

Она нуждалась в том, чтобы Жан был рядом, пока она поет. В отличие от Люсьена, он был свободен. Он тоже переживал почти что первую любовь, и разлучаться для них было пыткой. Лихорадка сжигала эту лучезарную пару. Какими тусклыми казались теперь вечера с Люсьеном...

*Я родилась на восходе солнца,
Солнце немного мой брат,*

споеет она. И с тех пор она будет любить мужчин-братьев. Почти близнецов. Только они казались ей по-настоящему живыми...

Эдем

Иоланда, цыганка с босыми ногами, взяла свой реванш. Рассчитывала ли она надолго забыть, что она замужем, и что она Далида?

Вскоре реальность разорвала магический круг. Жан Собески делил свое время между Парижем и Камаргом, где у его семьи было имение. У него самого был дом с самыми простыми удобствами. Он любил дрессировать диких лошадей. Плохая наездница, Далида восхищалась Жаном, который ездил без седла с обнаженным торсом, как молодой кентавр. Край цыган, край воды и романтики... Лошади, быки, розовые фламинго, закаты над высокими травами. Дом Жана возвышался в этом пейзаже края света, среди прудов, заросших розами, позади дюн. Утесник подступал к самой двери. Дикая лошадь паслась в нескольких метрах.

В этом Эдеме, когда наступала ночь, они зажигали керосиновую лампу. Они разводили костер на пляже, устраивали пикники под звездами, жарили пойманную рыбу. Потом, когда они просыпались, это было первое утро мира. Он был первым мужчиной, она – первой женщиной. Заря была розовой. Она всегда мечтала о такой жизни.

Она знала Жана уже три месяца. Как будто вечность была позади них и перед ними. Время остановилось. Они устраивали прогулки на лодке, целовались между морем и небом. Совсем рядом, невидимый, притаился фотограф...

Далида продолжала свое турне. Жан следовал за ней. Если они расставались, каждый был как половинка яблока. Отрезанная плоть болела. В дни отдыха она присоединялась к Жану в Камарге. Папарацци выслеживали их в телеобъектив. Проснувшись, пара обнаружила себя во всех газетах.

Первая статья появилась в «*Paris-Presse-l'Intransigeant*». Это из нее Люсьен, который был в отпуске в Сан-Тропе, узнал о своем несчастье. Он давно чувствовал, что что-то не так, но Далида отказывалась разговаривать. Он относил это на счет избытка работы.

Для него шок был ужасен. Он приехал к ней в Монпелье, где она пела.

- Это правда?

Ей не хватило смелости ответить «да». Это молчание было лучшим доказательством. В тот момент Люсьен любил ее как никогда. Он побудил ее говорить. Она рассказала все, чувствуя облегчение.

Люсьен настаивал, чтобы она вернулась. Она совершила ошибку, он все забудет. Но она не могла ему лгать.

- Прости меня, но я его люблю...

Ничто не могло причинить большей боли, и она жалела, что не сказала ему правду сразу же. Чтобы быть свободной. Защищая свой рай, она ввергала его в ад.

Она знала, что не сможет разрываться между двумя мужчинами, и все же хотела, чтобы Люсьен понял и протянул ей руку. В объятиях Жана она постоянно спрашивала себя:

«Хорошо ли я сделала, оставив Люсьена?»

Сомнения терзали ее. И вот она смотрела на Жана, его ангельское лицо успокаивало ее. Она не хотела терять ни одного, ни другого: они по-особенному дополняли друг друга. Жизнь с Жаном походила на вечные каникулы. Он говорил, что не интересуется песней. Ему хватало Иоланды. Узнав, что, по словам Жана, он не знал ее, когда встретил, Люсьен рассмеялся. Кто мог не знать Далиду?

Когда разразилась гроза, Бруно был в Каире. Он тоже узнал о страсти Далиды из прессы. Он подумал, что это выдумка журналистов. Он знал, как сильна связь, соединяющая Далиду и Люсьена. Но, подумав снова, он вспомнил, что в последнее время поведение его сестры было странным. Она исчезала без предупреждения. Так, однажды Люсьен вернулся домой неожиданно. Он хотел пойти в кино. Когда сеанс начался, Далида внезапно покинула зал и не вернулась.

Люсьен досмотрел фильм до конца. Вернувшись домой, он увидел свет в ее комнате. Он воскликнул:

- Она сумасшедшая, она вернулась!

Бруно молчал о своем беспокойстве, но уехал. Он вернулся в Париж в конце сентября. У Далиды был дубликат ключа от квартиры у Версальских ворот. Приехав, Бруно нашел в комнате вещи сестры. Служанка рассказала ему, что она живет здесь уже неделю со своим новым любовником. У Жана было жилье в Париже, но это была квартира молодого человека, слишком маленькая и простая для Далиды, которая уже привыкла к роскошному образу жизни. Далида никогда не следовала за мужчиной в его дом. До конца ее жизни мужчины сами переезжали к ней.

Эта потребность быть на своей территории была одновременно ее успехом и поражением. Ведь ее спутники, когда она давала им приют и защищала, переставали чувствовать себя мужчинами. Они становились «месье Далида». Но она не могла жить по-другому. Она была слишком привязана к дому:

- Это моя земля.

Дома она становилась сильнее. Она черпала там энергию, необходимую для своих битв.

Деньги тоже будут причиной для разрывов. Даже если Далида не была жадной до денег, деньги у нее были и давали ей свободу, материальную и символическую власть. Мужчины с трудом переносили это. Перед их браком Люсьен сказал ей:

- Я зарабатываю сто тысяч франков в месяц. Ты – в десять раз больше. Если мы поженимся, для всех я буду «месье Далида».

А она:

- Даже если бы я ничего не зарабатывала, я все-таки была бы счастлива выйти за тебя замуж.

- Это было бы не одно и то же, - ответил Люсьен.

Нет, в глазах людей это не одно и то же. Особенно в ту эпоху. По мере того, как женщины боролись за профессиональную автономию, представления менялись. Медленно. Власть и деньги были частью социального образа мужчины. Если они перейдут в другие руки, мужская сущность окажется затронутой.

Новая волна

Первое время Люсьен пытался быть философом:

- Это должно было случиться.

Но страдание было слишком сильным, измена – невыносимой. В его жизни начался крах. Он очень быстро приступил к процедуре развода.

В ноябре 1961 года слушание дела состоялось в кабинете месье Буасселя, вице-президента гражданского суда Сены.

Далида, в коричневом замшевом пальто и зеленой шляпе, пришла вместе со своим адвокатом, месье Роже Ильдом. Ее лицо было серьезным, отмеченным тревогой, и все-таки она казалась помолодевшей.

Люсьен, в сером двубортном костюме, в сопровождении адвоката месье Бретаня, улыбаясь, протянул ей руку. Она вернула ему и жест, и улыбку. Хотя они отказались от предложенного примирения, они все время улыбались. Они же цивилизованные люди, разве нет? Они заявили, что не согласны ломать комедию. Их брак больше ничего из себя не представляет. Они взяли на себя смелость взглянуть правде в лицо.

Люсьену многого стоило сохранить это спокойствие. Он чувствовал себя преданным, оскорбленным. Его гнев нуждался в разрядке: он начал войну на своей территории.

Случай уже представился. В начале 60-х годов молодежь менялась очень быстро. Ришар Антони, певец рока с внешностью скромного студента, с большим успехом спел «Новую волну» («Nouvelle Vague»), ироническую балладу для скептиков. Прилив этой новой волны Кокатрикс предвидел заранее, и еще до лета Люсьен Морисс и Эдди Барклай тоже почувствовали, как меняется ветер. К тому же один юный и худощавый блондин неистовствовал в клубе «Залив Друо». Обладая впечатляющей энергией, он отличался опасной кошачьей грацией и ангельским видом. Он говорил, что приехал из Америки. На самом деле он был бельгийцем, и его звали Джонни Халлидей.

Чтобы подготовить почву, Люсьен заблокировал выпуск двух песен в стиле медленного рока, «*Можешь забирать ее*» («*Tu reux la prendre*») и «*Из пригоршни земли*» («*Avec une poignée de terre*»), которые Далида предполагала записать, вернувшись. После возвращения она узнала, что Люсьен уже отдал эти песни Джонни Халлидею и Ришару Антони, ее главным противникам в намечавшейся битве. Она все же записала их, но Люсьен уже передавал по радио версии ее конкурентов. Невозможно было наверстать упущенное время.

Люсьен хотел выбить почву у Далиды из-под ног. Обиженный тем, что его бросили, он пытался взять реванш. Он надеялся, что таким образом вернет ее. С одной стороны, такое рассуждение было неуклюжим, но с другой – эффективным. Люсьен не запрещал передавать Далиду по радио, это было бы слишком явным признанием своей досады. Но он транслировал ее самые томные песни, как «*История любви*». Они делали ее устаревшей, вышедшей из моды.

Пресса обрушилась на эту красотку, которая думала, что ей все позволено. До сих пор ее поведение не давало повода для пересудов. Теперь она стала добычей.

Она снова отправилась на гастроли в провинции. Случилось так, что ее плохо приняли. В Тулоне, спев четырнадцать песен, усталая, она отказалась продолжать. Ее освистали. Пресса рассказывала, что Жану Собески давали пощечины, что шины его автомобиля прокалывали. Это была ложь, но какая разница, раз она казалась правдой?

Итак, в начале гастролей она добилась лишь переменного успеха. Она пела только нежные песни. Случай в Тулоне заставил ее реагировать: она включила в свой репертуар рок и твист. Это был триумф. Интриги на этом не прекратились:

«Ришар Антони имеет больший успех, чем она»

«Она не продержится зиму»

Она переживала очень тяжелые минуты и должна была биться на всех фронтах. Но, даже против своей воли, Люсьен оказал ей большую услугу. Эта вражда уменьшала у Далиды чувство вины, она чувствовала себя теперь свободной жить так, как хочет. Она, которая всегда считалась с Люсьеном, научилась сражаться в одиночестве, доказывать миру, что она может выжить без его помощи. Если бы Люсьен повел себя по-другому, она, без сомнения, вернулась бы.

Среда шоу-бизнеса разделилась на два лагеря. Далида, зная раньше только друзей, обнаружила, что друзья бывают разные: ложные и настоящие. Первых оказалось больше, чем вторых. Все, кто нуждался в радио, встали на сторону Люсьена. Жестоким образом Далида поняла законы того мира, который она, по ее мнению, знала, и который игнорировала. Ее слишком защищал Люсьен и ее собственное нежелание видеть зло. Ей пришлось взглянуть в лицо злобе, зависти, лжи.

Люсьен не был простофилей. Ему нравились те, кто ему льстил, потому что он нуждался в разговорах, но позже подхалимы кусали себе пальцы. Они не добились от него ни уважения, ни благодарности.

Со своей стороны, Далида защищала Люсьена в любых обстоятельствах. Она брала его ошибки на себя. Она продолжала говорить:

- Я люблю Люсьена, я обязана ему всем.

Она не хотела писать огонь ненависти, который пожирает лучшее в человеке, отравляет вместо того, чтобы очищать. У нее не было, как у Люсьена, «мужской чести», чтобы отстаивать ее в глазах общества. Ее женская честь состояла в том, чтобы всегда любить. Она не одобряла, когда при ней критиковали Люсьена. Она слишком хорошо его знала. Она не отказывалась от того, что было: это значило бы отказаться от самой себя.

Люсьен сначала позволил себе начать игру, где ставкой было поражение любимой певицы. В конце концов, он был оскорбленной стороной. Но в глубине души он знал, что она не была непорядочной. Свадьбу сыграли в неудачный момент. Когда прошло пять лет ожидания, лучше было повременить еще два или три года. Далида дала бы Иоланде вздохнуть свободно, позволив ей пережить несколько приключений. Когда опыт образумил бы ее, она, конечно, по-другому посмотрела бы на чувства. Они с Люсьеном могли бы соединиться в другой атмосфере, в равном союзе, где любовь растворилась бы в дружбе.

Постепенно, «со временем», Люсьен поймет. Он тоже научится любить Далиду по-другому.

«Йе-йе»

Далида выпустила новую пластинку. Момент был неблагоприятный, но она должна была, несмотря ни на что, оставаться на виду.

Одна из песен называлась «*Защити меня, Господи...*» («*Protégez-moi Seigneur*»). Действительно, она нуждалась в этой защите. Ее поклонники были разочарованы разрывом: в их глазах она разрушила свой любовный роман из каприза. Ее образу хорошей девушки был нанесен удар. Газеты заставляли ее платить за слишком оглушительный, слишком быстрый успех. Ее упрекали, что она оттесняет в тень великие таланты, как Пиаф.

Далида пыталась атаковать в ответ, но ей трудно было находить песни. Издатели боялись бойкота на радио. Она растерялась, поспешно записала «*Ты не знаешь*» («*Tu ne sais pas*») и «*Вдали от меня*» («*Loin de moi*»). Неудачный выбор. В моду вошел твист. «Европа 1», самая популярная радиостанция среди молодежи, каждый вечер передавала культовую передачу, «Привет, приятели», с Даниэлем Филипакки. Это был символ эпохи, когда товарищество пришло на смену страсти, непринужденность – утонченности, легкомыслие – сильным чувствам, скорость – томности.

Ярлык «певица с акцентом» устарел. У новых звезд, которых начали называть «кумиры», тоже был акцент, но другой: он пришел с той стороны Атлантики, а не со Средиземноморья. Северная цивилизация готовилась вытеснить южную.

Далиду очень редко передавали в программе Даниэля Филипакки. Филипакки обожал «йе-йе», и у него была своя протеежка: Сильви Варган, которая, при ее болгарском происхождении, не перекатывала звук «р».

И все-таки, когда программа «Привет, приятели» организовала голосование, Джонни Халлидей оказался первым среди мужчин, а Далида – на почетном месте среди женщин. На самом деле против нее выступала не молодежь. Эта публика обладала широкими взглядами, и только смеялась над историями из личной жизни.

Когда «Европа 1» бойкотировала Далиду, радиостанции «РТЛ» и «Франс-Интер» пользовались этим, чтобы передавать ее. Другие станции, всегда считавшие ее звездой «Европы 1», были слегка шокированы тем, что с ней произошло, и приняли ее сторону. И Люсьен за пять лет так часто передавал ее, что европейские слушатели жаловались: больше они ее не слышат!

Далида не могла оставаться жить у матери в районе Версальских ворот: она сняла меблированную квартиру в Нейи и переехала туда с Жаном Собески. На улице Сен-Джеймс (rue Saint-James) ее соседями были Жан Ануиль и Пьер Фресней. Место было очень спокойным, окна выходили на деревья, которые осень одевала в золото. Большая студия была белой, как и мебель: более десяти лет белый цвет будет царить в ее обстановке, как символ обновления, простоты. Стиль был строгий, открытый, пустой, он заменил вкус предыдущего поколения к бархату, дама³ и резьбе. Картина Собески оживляла стену, а о цветах и зеленых растениях заботилась Далида. Проигрыватель и пластинки кучей лежали на камине. Это всё, что она увезла с улицы Анкары, кроме телевизора. Квартиру вместе с мебелью она оставила Люсьену.

В этом светлом месте Далида вела уединенную жизнь. Жан был человеком спокойным, скромным, он посвящал ей все свои вечера. Она одевалась и причесывалась очень просто. Каштановые отблески в волосах, бледно-розовая помада на губах делали ее более нежной. Ее помолодевшее лицо было, однако, трагичным. Она похудела, и Жан тоже: высокие скулы молодого человека выдавались вперед, его светлый взгляд горел на ангельском лице.

Эта новая жизнь беглянки была далека от той «дольче вита», в которой ее обвиняли. Она ощущала большую потребность в чистоте. Она долго гуляла на природе, питалась жареными бифштексами и зелеными овощами, съедала яблоко перед каждым приемом пищи, чтобы обмануть голод, спала по ночам восемь часов.

Она встречалась с друзьями Жана, божественными художниками Монмартра. Они были немного удивлены его выбором, но он уверял:

- Это чудесная девушка.

Они все собирались в бистро приятелей. В ветхих студиях они толкались, чтобы уступить Далиде уголок продавленного дивана. Как обычно, ей было чуждо жеманство, и ее приняли. Она интересовалась живописью, она никогда не перестанет любить ее. Она удивлялась и восхищалась

³ Дама – шелковая узорчатая ткань.

этой беззаботной молодежью, вечно одержимой ремеслом или карьерой, живущей любовью и свежей водой. Они говорили на языке, которого она не знала, и который захочет, в свою очередь, освоить: язык интеллектуалов.

Однако ничто не давалось легко. Без Люсьена она чувствовала себя так, как будто ей ампутировали руку или ногу. Много раз у нее появлялось робкое желание вернуться. Но она не могла оставить и Жана. Двое молодых людей, казалось, были связаны неутолимой жадной любви. Они проводили долгие часы, обнимаясь, с невинностью молодых животных.

Не было и речи о браке между ними. К тому же брак тоже начал выходить из моды. Все же она устала от шума и суматохи, она мечтала о порядке и семейной жизни. Она видела себя матерью мальчика и девочки и думала, что только дети защищают от жизненных печалей, создают прочные связи, которые могут выдержать все сложности жизни артиста.

Орландо

Несмотря на страсть, она ни на миг не забывала о карьере. Чужой в мире песни, Жан с трудом понимал поведение других, с трудом распознавал подлость под улыбкой. Она одна боролась с теми, кто продолжал говорить, что она не продержится зиму. Продажи ее пластинок упали, но публику непросто было одурачить. Во время один шофер такси высказался:

- Она может позволить себе всё, даже большую любовь.

Это было верно. Ромео и Джульетта хороши только в театре. Бурная любовь была пощечиной тем, кто не любит, не любим, и смиряются с этим, как могут. Когда переворачивают законы, привычки и условия общества, они волнуются, задают вопросы, оскорбляются. Люди предпочитают уничивать, превращать виновников в жертв, приписывая им низкие мотивы, игру, расчет, развращенность. В случае Далиды расчет, совершенно очевидно, отсутствовал, и это еще больше смущало.

«Операция «анти-Бамбино» началась», писала клика.

В «*Paris-Jour*» Жак Шансель нанес сильный удар:

«Далида вступила на свой крестный путь. Она «провалилась» в первый раз, и этот провал - как предупреждение для нее, как самое худшее предзнаменование»

Он получил в ответ яростные письма, опубликованные в «Почте читателей»:

«Вы хотите убить ее! Но поверьте мне, у нее есть своя публика!»

«Критика должна остановиться, или начнутся злобные нападения!»

Филипп Александр же поддержал ее в «*Jours de France*»:

«Нужно, чтобы она выиграла эту битву, хотя бы только из гордости»

Подбадриваемая Жаном, в минуты спокойствия Далида читала Жида и Пруста, разочарованных обольстителей. Как она?

Она решила атаковать сама, вернувшись в конце года на сцену «Олимпии». Кокатрикс, так как газеты без конца говорили о «треугольнике» Далида-Морисс-Собески, считал, что момент подходящий.

Она добавила в свой репертуар бравурные номера, призванные покорить эту молодежь, жадную до новизны. Ей было страшно как никогда. Тревога росла день ото дня. Это была война на нервах.

У нее «украли» ударника, Артура Мотту. Ей задавали коварные вопросы:

«У Вас чиста совесть?»

Она репетировала по десять или четырнадцать часов в день, отрабатывала свой концерт в провинции. Она путешествовала в «Шевроле Импала», возила в своем черном кожаном чемодане два платья от Бальмена – одно из пармского полушелкового фая, другое с черной накидкой. Приехав, она вешала их в своей ложе.

Часто зал для репетиций не обогрелся. Она оставалась в своем белом пальто из индийской овчины. В ожидании, пока придут и устроятся музыканты, она проверяла освещение, повторяла свои танцевальные па, накручивала бигуди. Она сосредотачивалась одна в своей ложе. Потом она репетировала много часов подряд. Возвращалась в отель немного отдохнуть. Черты лица заострились, она казалась вымотанной.

Через час или два она приходила, чтобы начать концерт. Люди узнавали ее на улице, но не решались подойти. Что-то в ней изменилось, появилась дистанция. Кожа была свежей, глаза сверкали.

Занавес поднимался: *Девушка плачет...* После меланхолии она очень быстро начинала покачивать бедрами: *Папа, купи мне музыкальный автомат...* Разве не именно это сделал Люсьен? Зал неистовствовал...

Вернувшись в Париж, когда гастроли кончились, она снова была занята целыми днями. Она прыгала из одного такси в другое, перекусывала листком артишока, жевала сандвич. Она потеряла еще четыре килограмма. Чтобы расслабиться, принимала горячие ванны, делала массаж. Она не хотела, чтобы ее страх заметили, оглушала себя работой и музыкой.

Квартира в Нейи начала походить на нее. Соседи жаловались, что не могут спать из-за музыки, которую она включала поздно ночью, чтобы ни о чём не думать. В коридоре влюбленные танцевали фарандолу на раскрашенной бумаге. В ее комнате, пианино, два туалетных столика были завалены флаконами духов, тюбиками крема, чудодейственными мазями. На кровати в беспорядке валялись платья, брюки. На ковре лежала обувь. Звездный бардак...

К счастью, Бруно был здесь и поддерживал ее. Он начал во Франции карьеру, хотя Люсьен отговаривал его.

- Далида очень красивая девушка, ей был обеспечен успех, а ты станешь еще одним певцом с акцентом. Вас вечно будут сравнивать, и ты навсегда останешься только ее братом.

Люсьен предложил Бруно обратиться на «Европу 1», чтобы сделать там программу, но он отказался.

- В тот момент я хотел петь. Но я был единственным, кто видел, как ранима моя сестра и как нуждается в защите. Я думаю, я делал это бессознательно, в ожидании, пока стану настолько сильным, чтобы заниматься ею. Постепенно я узнал все профессиональные приемы.

Когда он впервые был во Франции, Далида проводила большую часть своего времени на гастролях. Бруно не хотел ее беспокоить, и к тому же не желал записывать песни в той же фирме, где она, чтобы не остаться «младшим братом».

Бруно позвонил в «Филипс». Художественным директором там был Жак Пле, а его заместителем – Жак Канетти, открывший Греко.

- Я приехал из Каира, я записал там несколько пластинок.

- У вас такой же акцент, как у Далиды!

- Да, я ее брат.

Это был выигрышный ход. Бруно назначили встречу. Видя успех Далиды, фирмы звукозаписи искали певцов, чтобы самим «взять их в руки». Бруно не отдавал себе в этом отчет. Он сделал пробную запись: в то время это делалось в студии с двумя или тремя музыкантами.

Бруно пригласил Ги Мотту, пианиста сестры. Далида, все время на гастролях, еще ничего не знала. Ги Мота репетировал с Бруно.

- Нам было нужно только пианино, ударные и басы. Я спел много песен, в то числе из репертуара Далиды.

В студии царил энтузиазм. Через сорок восемь часов Жак Пле позвонил Бруно:

- Месье Канетти послушал ваша запись, он очень заинтересовался. Мы подпишем с вами контракт.

Бруно прыгал от радости. Через два дня у них была встреча в конторе Канетти. В тот же вечер он сказал сестре:

- Я справился совсем один, я подписываю контракт.

Она была в восторге:

- Bravo! Ты ведь в Париже всего несколько недель!

Далида сказала Люсьену:

- Мой брат будет записываться в «Филипсе»!

Люсьен подскочил:

- Твой брат работает с конкурирующей фирмой! Вы не понимаете, в какую игру они хотят играть! Они заставят его петь твой репертуар! Из-за этого ваши отношения испортятся, и меня это тоже поставит в деликатное положение.

Далида посмеялась.

- Она была выше этого, - говорит Бруно. – Она радовалась за меня.

Люсьен позвонил Эдди, чтобы ввести его в курс. Эдди захотел послушать Бруно в своей студии, пока он не подписал контракт с другой.

- Я никогда не узнаю, о чем они говорили, - добавляет Бруно. - Я ответил, что польщен, но не хочу записывать пластинки в той же фирме, где моя сестра, так как уверен, что останусь в ее тени. В конце концов Далида, после настоятельных просьб Эдди, позвонила мне, очень смущенная, чтобы попросить дать им шанс и выбирать уже потом.

Бруно спел две песни перед Эдди. У него было впечатление, что тот принял решение заранее.

- Мы подпишем с тобой контракт на четыре года. Ты станешь звездой.

Бруно все время отказывался. Он дал слово Жаку Пле. В конце концов он согласился, объединенными усилиями Эдди, Люсьена и его сестры.

- Вместо того, чтобы быть гордым и счастливым, я считал, что подписал свой смертный приговор.

Чтобы успокоить его, Эдди предложил ему записывать песни под маркой его жены Николь, «Бель-Эр». Бруно продолжал думать, что для него это неправильно, но не капризничал. Он знал, что у него красивый голос, но, несмотря на некоторый успех в Египте, он вскоре окажется скорее за кулисами, чем на сцене.

- Когда я видел себя по телевизору, это был ужас. Я говорил себе, что не создан для этого.

Тем не менее, он записал несколько «сорокапятков» и добился некоторого успеха, особенно с песней «У нее глаза ангела» («Elle a des yeux d'ange»). По совету Люсьена он оставил свой первый сценический псевдоним, Бруно Мори, и взял настоящее имя своего старшего брата, Орландо. Но то, что было предсказано, случилось: в глазах людей он останется «братом Далиды».

Новый Орландо ездил по Франции на гастролях вместе с группой «Шосетт нуар», и добивался полного успеха. Потом он вернулся в Египет навестить мать.

- Там все думали, что я звезда. Я снялся в одном фильме, «Сожженная юность», где играл роль певца. Моя мать ухаживала за бабушкой Эленой, очень больной. К тому же она поселила у себя мою бабушку с отцовской стороны, Розу, у которой были проблемы с невесткой. Мне почти захотелось остаться в Каире. Потом, через три месяца, я получил телеграмму от Николь Барклай. Она хотела выйти на рынок стран Восточной Европы и вступила в контакт с Супрафоном, представлявшим Чехословакию. Она отправила туда пластинки своих артистов, я стал там очень популярным, и должен был выступать на сцене. К тому же моя первая пластинка начала продаваться в Париже.

В тот момент бабушка Елена умирала. Орландо подумал, что этот приезд - прощальный.

Он вернулся во Францию и вскоре уехал в Прагу, привезя в багаже рок и твист. Чехи, не привыкшие видеть, как певец двигается на сцене, встретили его с энтузиазмом. Орландо оценил их щедрость, их обаяние, их деликатность, и влюбился в их великолепный город. Он был одним из редких европейских певцом, которые стали известны там. Банка томатных консервов носила в честь него название «Орландо»...

Взяв в качестве сценического псевдонима имя старшего брата, который не занимался карьерой сестры, второй Орландо совершил переворот: для Далиды он станет защитником, старшим братом в мире шоу-бизнеса.

Далида тем более нуждалась в его помощи, что ей пришлось сражаться еще и на итальянском фронте. В 1960 году певица Мильва добилась на полуострове такого же успеха, как Далида. Люсьен Морисс попытался привести ее во Францию. У этой рыжей девушки не было недостатка в амбициях. Люсьен устроил ей выступление в «Олимпии», где ее представили как соперницу Далиды. Такое случилось не в первый раз, но Мильва была более серьезной конкуренткой. Однако, это не удалось, Люсьен не попал в цель: Далида сама знала, что должна сменить кожу.

Жильбер Беко как раз выпустил «А теперь» («Et maintenant»). Когда Далиде нравилась песня другого артиста, она записывала ее на иностранном языке. Так, она с большим успехом исполняла «Милорда» («Milord») в Германии и Италии. Она рассчитывала записать и «А теперь»⁴, но Люсьен договорился, чтобы предпочтение отдавалось Мильве.

Далида всеми способами пыталась раздобыть текст. По телефону она представилась секретаршей французского издателя:

- Издателю нужно узнать, хороший ли перевод...

⁴ У Далиды эта песня называется «Без тебя» («Senza di te»)

Она попросила продиктовать ей итальянский текст песни, записала ее в Париже и продала итальянскому издателю.

- Устройте мне телепередачу на неделе и позаботьтесь, чтобы обложку пластинки напечатали сразу же и тайно.

В Италии властвовала скандальная пресса. Так как ее личная жизнь была бурной, для Далиды было авантюрой проникнуть на телевидение. Она спела «*A теперь*» в очень важной передаче о варьете в субботу вечером. Ее популярность по ту сторону Альп была очень велика, и когда она чего-то хотела, никто не мог ей отказать.

В результате этого заговора Мильва, которая думала, что на этот раз окажется первой, осталась второй. Долгие годы она будет подражать Далиде, в ее прическе, ее одежде, ее жестах, ее песнях...

Битва за «Олимпию»

«Олимпия» была назначена на 6 декабря 1960 года. Далида сохранила неприятное воспоминание о своем выступлении вместе с Жильбером Беко в 1957 году. Ее репертуар было тогда недостаточно. Когда решаешься на «Олимпию», нельзя позволить себе ошибиться.

Это был вызов, она поставила на карту всё. Она была в невменяемом состоянии. Две трети прессы были настроены к ней враждебно, Люсьен лишил ее своей поддержки, а публика колебалась. Пройдет или провалится?

Она решила поставить в первое отделение Ришара Антони. В то время гремел твист. Газеты для молодежи публиковали статьи: «Как танцевать твист?» Новички должны были изображать, будто вытирают себе спину салфеткой, держа ее сзади двумя руками... Врачи с серьезностью папы римского спорили, есть ли риск получить люмбаго после таких варварских упражнений...

Джонни Халлидей не боялся люмбаго. «Кумир молодежи» только что произвел фурор в «Олимпии». Он был в голубом смокинге и рубашке с жабо, имел за плечами восемнадцать лет и два миллиона проданных пластинок.

Единственный раз Люсьен ошибся. Он раскритиковал первую пластинку Джонни в прямом эфире «Европы 1»:

- Вот парень, которого вы больше никогда не услышите!

Джонни был не только кумиром молодежи, он был еще и идиолом «черных курток»⁵, которые повергали в дрожь буржуа. Барьеры, сломанные кресла. Родители спрашивали себя, откуда такая ярость у этой молодежи, которой они отдали все, чтобы забыть о военных годах.

С годами Джонни смягчится и уступит Винсу Тейлору вид «адского ангела». Ришар Антони же был хорошим малым. Это был анти-Джонни, он нравился так же, но по-другому. Легкая склонность к полноте придавала ему успокаивающий вид. Его называли «спокойным отцом рока». Он окажется даже слишком спокойным... Ришар Антони пел «йе-йе», но у него был и голос, бархатный голос, от которого млели девушки.

Что такое «йе-йе»? Как показывает само название, это был песенный жанр, бравший оригинальный англо-американский репертуар, и усеивавший его междометиями из языка, который долгое время был языком Шекспира. «Йе-йе» происходил от рока, но остепенившегося и коммерциализованного, чтобы стать французской версией, смягченной и окисленной поп-музыкой. Под песни «йе-йе» не засыпали, а всего лишь целовались, отсюда важность слова «приятель», символа объединения. Приятели и приятельницы выходили компаниями в ожидании 70-х годов, когда они все будут жить вместе.

Тексты песен «йе-йе» упрекали в примитивности, а певцов – в недостатке голоса. Поп-технология развивалась, и благодаря ритму примитивность прощалась, придавая к тому же песням наивное очарование. За неимением голоса и текстов певцам приходилось обращать внимание на прическу, манеры и гардероб, следуя за модой; уметь двигаться на сцене или скорее, все чаще и чаще, на телевидении.

Что касалось Ришара Антони, это было его больное место. На сцене он казался скорее певцом 50-х годов, в то время как Далида самозабвенно безумствовала. Разве ей не доверяли роли танцовщиц в первых фильмах?

⁵ «Черные куртки» - хулиганская молодежь 60-х.

Когда она начала свое зимнее турне по провинции с Ришаром «Twist again» Антони, говорили, что она сошла с ума, пойдя на такой риск. Ведь Ришар без колебаний пел по-английски... Но это не была глупость, и Далида знала свою профессию.

Она встретила с Джонни Халлидеем. Пресса воображала соперничество между ними: это была дружба. Джонни научил ее танцевать твист.

Шарль Азнавур и его авторы написали ей песню «Купи мне музыкальный автомат» («Achète-moi un juke-box»). Снова она пародировала сама себя.

*Папа, купи мне музыкальный автомат,
Чтобы слушать Джонни Халлидея,
Элвиса Пресли и «Шосетт нуар»!*

Публика спрашивала:

«А Далида, она еще здесь?»

И она отвечала:

«Почему бы нет?»

Даниэль Жерар, пионер волны «йе-йе», написал ей другой шлягер: «Урок твиста» («La leçon de twist»). Вот когда пригодились частные уроки с Джонни... Эти песни были не в ее стиле. Но если она хотела выиграть битву, ей приходилось идти на уступки и приспособливаться. Ей нужно было сражаться оружием своих конкурентов. Лозунг был: выжить, продолжать.

Позже она скажет, что никогда не любила твист, но ни о чем не жалеет, потому что если бы она не прошла через это, не существовала бы Далида следующих лет и эпохи великих текстов.

Конкуренция будет тяжелой. В 1962 году на рынок поп-музыки пришли женщины: сначала Франсуаза Арди, потом Сильви Варган, и наконец, Шейла. Но все-таки в конце 1961 года против Далиды еще были только мужчины и группы («Ле Шосетт нуар» и «Ле Ша саваж»). К счастью, слово «приятель» говорилось не впустую. Между собой артисты очень дружили. В этой атмосфере не было враждебности.

Турне, в конце концов, прошло хорошо, но психологически далось высокой ценой. Тревоги, сомнения, изменения в репертуаре от вечера к вечеру. Люсьена уже не было, чтобы успокаивать ее волнение по телефону. Больше никто не поддерживал ее профессионально.

Ради Жана она пыталась преуменьшить свою тревогу, потому что не хотела возлагать на него эту тяжесть. Он тоже не сыграл партию легко. По вечерам, после концерта, во время бесконечной раздачи автографов, он был рядом. Женщины разглядывали его и принимали сторону Далиды:

- Ты видела? Она права, он так красив!

Они понимали, но мужчины завидовали и ненавидели его. В результате Далида, которая была так счастлива повсюду быть с Жаном, иногда просила его оставаться в Париже. Его красота делала его присутствие вызывающим. И страсть к нему отвлекала Далиду, когда ей нужно было полностью отдаться профессии.

Милый молодой человек, пусть страстный и мятежный, жил пылом своей юности. Жану не удавалось, несмотря на все усилия, заинтересоваться всем этим. Как экзистенциалисты из Сен-Жермена и богема Монпарнаса, он жил в другом мире. Слава ничего не значила для него, звездная жизнь сбивала с толку. Проснувшись знаменитым и совсем не желая этого, он удивлялся зависти, которую вызывал, и враждебности людей по отношению к нему. Он не снискал расположения прессы. Его терпели, но не принимали.

Семья Далиды, особенно Орландо, видела в нем того, кто сеет раздоры и подрывает ее карьеру. Позже Орландо сумеет узнать его и признает, что он очарователен, но будет слишком поздно: в яблоке завелся червь.

Для Орландо положение тоже было непростым. Будучи всегда на стороне сестры, он в то же время понимал Люсьена, которого очень любил, но тем не менее не одобрял его поведение. Все тогда чувствовали себя неудобно, но эта неловкость по отношению к мужчинам сестры будет преследовать Орландо всю жизнь. С каждой новой встречей он хотел видеть сестру счастливой, но не мог отвлечься от мысли, что она снова ошибается.

Для мужчин Далиды ее связь с Орландо тоже представляла собой проблему. Брат и сестра были так близки, что по-своему составляли нерушимую пару. Для тех, кто любил Далиду, Орландо был непобедимым соперником. С ним нельзя было сражаться обычным оружием. Другими словами, от него никогда нельзя было избавиться...

- Они чувствовали, что я смотрю на них с безошибочной ясностью, - рассказывает Орландо. - Кроме случая Люсьена, я заранее знал, что это плохо кончится, и они это ощущали, несмотря на дружбу и даже привязанность, которую я к ним испытывал. Во всех спорах Далида в конце концов принимала мою сторону. Это ничему не помогало, у них было впечатление, что каким-то особым образом я всегда опережаю их. И все-таки я хотел ее счастья...

На самом деле недовольство Орландо мужчинами было только отражением недовольства его сестры. Романы никогда не удавались полностью, Далида всегда хотела чего-то другого. В Жане Собески она любила чистоту, невинность, внешность прекрасного принца.

То, что он никак не был связан с ее профессией, одновременно было преимуществом и неудобством. В первый раз она ложилась спать с мужчиной, а не с радиостанцией. Когда они были вместе, то говорили не о работе, а друг о друге. Как все молодые люди, они жили сегодняшним днем. Далиде казалось, что она наверстывает потерянную юность своих лет с Люсьеном. Найдя Жана, она с облегчением сбросила наряд звезды, чтобы стать самой собой. Она наслаждалась радостью жизни, но в то же время она отвечала за всё. Упущение было только временным. Иоланда охотно жила любовью и свежей водой, но Далида питалась огнями сцены и шумом аплодисментов. Ей нужен был этот гром в синем небе. Она привыкала: всю свою жизнь она будет думать за мужчин, держать бразды правления в семье.

Жан Собески делил с Далидой - как раньше Люсьен - воспоминание о печальном детстве. У него не было отца, так как родители развелись; в виде возмещения он обожал свою мать. Как Далида и Орландо, в глазах других он и его мать, казалось, были парой близнецов. Не эту ли мать, очень молодую и очень близкую, он искал в Далиде? Он был слишком молодым, чтобы выдержать такую тяжелую ситуацию. Его живопись не могла прокормить их двоих...

В Париже говорили, что Далида хочет убрать Ришара Антони из программы, потому что она «боится твиста». Снова начались анонимные телефонные звонки. Ее будили на рассвете:

- Далида, все кончено!

- Мы не дадим тебе петь!

Она никого не слушала и репетировала со своими музыкантами. Ее ударник ушел от нее на пятнадцать дней в «Олимпии», чтобы присоединиться к Жану-Клоду Паскалю, который вернулся в «Бобино». Другие музыканты боялись катастрофы и тоже начали думать об уходе. Только пианист Ги Мотта, следовавший за ней на концерты в провинции, остался ей верен.

Ги Мотта был ее спутником с первых дней. Они встретились в Жювизи, где она «обкатывала» программу. Она должна была петь две песни Азнавура в первом отделении концерта. Они понравились друг другу, виделись снова. Она попросила его помочь ей с песнями. Он заставил ее работать.

- Это была воительница, она хотела этого!

Когда она пела «*Bambino*», они встретились в «Музикораме», где Ги Мотта играл с Раймоном Лефевром. Она предложила ему стать ее пианистом на сорок пять дней, которые вылились в тридцать лет...

Итальянское происхождение сближало их. Ги сумел узнать ее характер, понимал, что ее вспышки гнева происходят от той огромной энергии, которая была нужна ей, чтобы петь.

- Чем больше она преуспевала, тем больше загружала себя. Я не подходил к ней в первые минуты после окончания концерта. Нужно было дать ей время для разрядки. Чтобы успокоиться, она расчесывала волосы. Они были наэлектризованы. Потом можно было обсуждать.

Он восхищался твердостью ее характера:

- Она защищалась от людей, которые предлагали ей подписать отвратительные фото, неизвестно как сделанные. Однажды десантник подошел к ней с фотографией. Он протянул ее обратной стороной. Она перевернула: он был сфотографирован голым. Она выгнала его вон. Через пять минут он вернулся. Она дала ему пощечину...

Ему нравилась ее верность по отношению к тем, кто работал для нее. Она приходила в страшный гнев из-за какой-нибудь несовершенной детали. Но она показывала себя верным другом. Однажды она поверила технику на слово. Он перевозил всю звукоаппаратуру. Авария. Автомобиль разрезало надвое, аппаратура потеряна. Далида осталась спокойной:

«Никто не умер и не ранен, все в порядке».

- Этот человек был с ней десять лет, - вспоминает Ги Мотта. - Люди, работавшие с ней, всегда ее уважали.

Без сомнения, Далида никогда так не нуждалась в своей силе. По мере того, как усиливались атаки, она погружалась в себя. Она черпала невероятные резервы в глубине самой себя. Ее лихорадочность исчезла, ее страх был не виден. Ее семья, казалось, переживала больше, чем она.

Азнавур, который очень любил ее и был поражен тем, что случилось, находил ей сторонников. За неделю до премьеры Эдди Барклай сделал свой выбор и встал на ее сторону: она была его главной артисткой. Он знал, как она рискует. Она в первый раз пела в «Олимпии» в качестве звезды.

«Двадцать четыре тысячи поцелуев»

В вечер премьеры зал брали штурмом. Профессионалы оккупировали партер, публика сидела на балконе. Снаружи толпа растянулась до самого Кафе Мира.

«Европа 1» передавала концерт в прямом эфире: «Не забудьте послушать «Европу 1» сегодня вечером, чтобы узнать, победит ли Далида». «За или против Далиды...»

Орландо в тот же период выступал в АВС. Зависело это или нет от огорчений его сестры, но у него украли сценический костюм... Но в тот вечер он был среди публики и с облегчением убедился, что многие люди пришли поддержать Далиду.

- Если нужно, я одолжу ей мои туфли на шпильках, - предложила Аннабель Буффе.

Брассан, нелюдим в мире песни, тоже испытывал отвращение к тому Парижу, который выступал как защитник добрых нравов. В своей жизни, как и в песнях, он утверждал, что каждый волен править своей лодкой, как хочет. Он никогда не приходил на премьеры, но вечером накануне он один пошел за кулисы, чтобы ободрить Далиду:

- Они не имеют права судить малютку.

Феликс Маруани, очень эмоциональный, был ужасно взволнован. Атмосфера в зале была так накалена, что в ту минуту, когда занавес поднялся, Орландо ушел спрятаться у туалетов. Напряжение было так сильно, что он не мог оставаться на месте. Весь в своей тревоге, он с удивлением отметил, что Далида приобрела неожиданную сторонницу... Глория Лассо тоже пришла.

За час до выхода на сцену ложа Далиды наполнилась цветами. Один букет сопровождался запиской:

«Пой со страстью, как всегда. Твой бывший, Люсьен»

Даже ложные друзья слегка раскошелились на цветы – ведь никогда не знаешь...

Вдруг принесли огромный сверток. Феликс Маруани разорвал бумагу и потрясенно обнаружил, что это погребальный венок: «Покойной певице. Да здравствует Эдит Пиаф!»

Суеверный Маруани не мог удержаться от крика. Далида выглядела так, как будто ее ударили в живот. Она очень быстро взяла себя в руки и сказала Феликсу Маруани:

- Это не должно оставаться здесь!

Он выкинул венок на улицу...

Смятение царило теперь в ложе. У всех был похоронный вид. Далида была очень напряжена, очень бледна, но очень спокойна:

- Уйдите все, оставьте меня. Мне нужно побыть одной. Я больше не хочу ничего знать.

Она оставалась взаперти целый час – все первое отделение. Зал лихорадочно ждал выступления Ришара Антони. Обещали ураган: это оказался лишь слабый бриз. Он не был похож на танцора твиста, он разочаровывал. На другой день критика будет упрекать его в недостатке профессионализма и энергии.

Первое отделение закончилось без шума, поле битвы Далиды оставалось свободным. В конце концов, люди пришли ради нее. Когда антракт закончился, прозвучали три удара и свет погас, некоторые побежали на свои места. На балконе атмосфера была бурной.

За кулисами Далида стояла очень прямо в своем сиреневом платье от Бальмена. В последний момент Кокатрикс обнял ее, но ее уже не было здесь, она потерялась в своей Вселенной. Когда занавес открывался, она быстро перекрестилась. Она, которая всегда была охотницей, совсем не боялась в тот вечер. Она вышла на сцену, как на поле битвы.

Она выбрала оружие своих соперников: она начала вовсе не с томных песен о любви. Сразу же ее бедра закружились в ритме «Двадцати четырех тысяч поцелуев». Твиста, который не позволял показать голос, который требовал эффекта крика и был создан для пронзительного незрелого

голоса Лолиты от «йе-йе». Ее обычная страстность потерялась в количестве поцелуев из заглавия...

Аплодисменты прозвучали как должное, но в зале все время чувствовалась враждебность и ожидание. После второй песни аплодисменты были вежливыми. После третьей партия все еще не была выиграна.

Четвертой песней была «*Я чувствую, что живу*» («*Je me sens vivre*»). Год назад Люсьен привез ее из Италии, эта песня была уже не в моде. Она была в чистейшем стиле любовных песен Далиды. Но она боролась за то, чтобы сохранить ее. Она пела ее сегодня вечером, потому что песня ей нравилась. И вот публика почувствовала, как в ее голосе что-то изменилось.

*Мои плечи созданы для твоих ладоней,
И все мое тело – чтобы спать с тобой.*

В этот момент она дарила публике то, что переживала внутри себя. Она разыграла всю свою жизнь. А когда публика чувствует такое в артисте, она редко может устоять. Это была страсть Далиды, новая страсть, которую у нее еще не знали.

Люсьен в зале побледнел как смерть. Его руки вцепились в подлокотники кресла, пока Далида перебирала последние ноты, последние слова:

*Я чувствую, что живу,
Потому что люблю тебя и любима тобой.*

Несколько мгновений тишина казалась бесконечной, потом началось землетрясение. Аплодисменты послышались с партера, балкон присоединился. Это была овация: хороший игрок, Люсьен встал с места, и вместе с ним весь зал в общем раскаянии. Множество рук, аплодируя, признавали свою вину. Многие плакали. Слезы катились по улыбающемуся лицу Николь Барклай, которая никогда не отворачивалась от Далиды: сама вечно влюбленная, она понимала ее.

Андре Сальве, стоя рядом с Орландо, сказал: «Посмотри на Люсьена!» Лицо Люсьена было трагическим, раздираемым противоположными чувствами. Он знал, что она только что выиграла свою самую важную битву. Маленькая девочка, которая играла в женщину, только что стала ею. Это публике, а не мужчине, удалось завершить это превращение...

С этих пор, невзирая на предсказание Глории Лассо, с Далидой придется считаться, с Люсьеном Морриссом она или нет. К тому же через несколько дней, когда Далида добьется полного триумфа, великая Пиаф придет посмотреть на нее. Очень больная, на руках Тео Сарапо:

- Эта малютка как я, она из тех, кто побеждает!

В вечер премьеры отсутствовал Жан Собески. Далида просила его не приходить. Это было бы ненужной провокацией, и, как никогда, она думала, что присутствие Жана не позволит ей сосредоточиться. Она просила Жана остаться дома и слушать радио. У него не хватило на это мужества. В тишине, в студии Нейи он ждал.

После четвертой песни Далида могла бы остановиться: она выиграла, это был нокаут. Две слезы скатились по ее щекам. Она вытерла их, потом спрятала руки за спиной. Опустив голову, она ждала, пока утихнут аплодисменты.

Потом она продолжала, танцевала под «*Урок твиста*». Конец концерта, казалось, прошел во сне. Ее вызывали бесчисленное множество раз. Когда она вернулась за кулисы, Кокатрикс схватил ее в объятия:

- Сегодня Далида просто Далида! - воскликнул этот человек.

Он не мог бы сказать лучше. Пришлось охранять ее, чтобы она могла пройти к себе в ложу.

Все хотели обнять ее, поздравить. Клод Саррот напишет 9 декабря 1961 года в «*Le Monde*»: «Далида, эта хитрая бестия, вернула две тысячи своих зрителей, так как именно столько их было, в такое же количество кресел»

Едва она вошла в свою ложу, как Люсьен первым бросился ее обнимать. Обхватив друг друга, они плакали как дети.

Снова обрести Люсьена было лучшей наградой. Не переставая плакать, она просила у него прощения. Великодушная, она давно чувствовала, что в глубине души он хотел ее победы. Видя, как растет толпа ее врагов, Люсьен, который все время бойкотировал ее на радио, больше ничего не сказал против нее. Благородный сеньор, он предпочел молчать. Он страдал из-за нее, но не мог

не думать, вопреки всему, что если она проиграет битву, он вернет ее. Он хотел бы, чтобы она снова нуждалась в нем, как в первое время, когда он был еще всемогущим.

Теперь он был необходим ей по-другому: она пыталась заставить его понять, но это было трудно. Она так изменилась! Этого он и хотел, но как она чувствовала себя на высоте? Если бы Далида проиграла, ему бы досталась Иоланда. Она выиграла, но Люсьен проиграл на всех фронтах. Она знала, что его раздражает ужасная борьба. Она подумала, что тоже, может быть, потеряла его. Сейчас ей как никогда было бы трудно это вынести.

Она вышла, чтобы позвонить Жану. Она сказала ему просто:

- Все прошло хорошо.

Его друзья были в зале, они ему это подтвердили.

После концерта состоялся приём в Клубе Звезды (Club de l'Etoile). Люсьен пришел в сопровождении рыжей красавицы, Агаты Аэмс, манекенщицы и начинающей актрисы. Был час ночи. Люсьен и Агата танцевали твист. Люсьен, все время энергично дурачась, казалось, был на грани слез. Вдруг он поменял партнершу, подошел к Далиде, стал на коленях танцевать твист вокруг нее, поцеловал ей руку. Объявили медленный танец. Погрузившись в тет-а-тет влюбленных, Далида и Люсьен танцевали, обнявшись, забыв о фотографах. Было три часа утра. Она плакала в его объятиях.

На заре Люсьен проводил ее в Нейи. Но она вернулась одна. Она пришла к Жану Собески, который понял теперь, что такое жить со звездой.

В тот вечер Далида была на первом месте, а Жан на втором. Это была великая жертва, которую она принесла ради своей карьеры. С тех пор, чего бы это ни стоило влюбленной женщине, любовь будет на втором месте.

Волнения

Далида пела в «Олимпии» целый месяц. Она выиграла битву, но еще не войну. Постепенно пресса смягчалась. В январе 1962 года рекламный плакат Баркляя изображал ее сидящей на розовом ковре, прислонившись к позолоченному столу в стиле Наполеона III, в платье из муслина, с элегантно недовольным видом. Шикарный образ.

«Благодаря своему труду, своему упорству, своей смелости, она стала великой дамой песни», гласит легенда.

Покончено с диковатой девчонкой. Но великой даме не прощают ни одной ошибки. Она продолжала свой путь Козерога, усеянный препятствиями. Она улетела в Квебек. Измотанная, она не могла перестроиться из-за сдвига во времени. Она забыла о снеге, пока преодолевала пятьсот метров, отделяющие ее отель «Королева Елизавета II» от театра, отправляясь на премьеру. Когда она пересекала площадь Искусств, ее туфли на шпильках тонули в толстом снежном ковре.

В тот момент, когда она пела «Цыган», она поняла, что потеряла голос. Она остановилась.

- Черт, как же холодно в этой стране! – вырвалось у нее. Она рассердилась, что оказалась не на высоте.

Жители Квебека были чувствительны к таким комментариям из Франции. Публика, и так немногочисленная из-за метели, уходила недовольная. Подавленная, Далида вернулась в Париж. Она снова спряталась в своей квартире в Нейи вместе с Жаном Собески. В Квебеке ей это будут помнить еще десять лет.

Едва успев отдохнуть, она уехала в Гонконг и Вьетнам, где была настоящим кумиром. В Сайгоне полицейским пришлось очищать улицы. Агенты с большим трудом проходили сквозь толпу молодежи, которая ждала Далиду перед «Рексом», где она пела.

«В Сайгоне Далида представляет собой важнейшее социальное явление», можно было прочитать в газете «*Le Journal d'Extreme-Orient*».

Аббат Резон же не был так доволен:

«Что осталось от Франции? Храмы, где поклоняются Далиде и Иву Монтану»

Во Франции Люсьен уже ничего не решал. Волна «йе-йе» достигла пика. Между пятью и семью часами молодежь слушала только «Привет, приятели». К счастью, песня «*Papa, купи мне музыкальный автомат*» была в числе 50 хитов, и «*Урок твиста*» тоже имел успех. Несмотря ни на что, враждебность еще не угасла...

Как раз вышел фильм «Самый долгий день» («Le jour le plus long»). Эдди Барклай получил эксклюзивное право на слова песни из фильма (на музыку Пола Анки). Далида снова уехала на французские гастроли. Эдди позвонил ей и заставил вернуться. Она приехала, как только кончился концерт, записала ночью песню и снова уехала.

Начинающий режиссер Клод Лелуш⁶, чей талант очень хвалили, снял для Далиды первый клип. Такие клипы стали называть «скопитоны» («scopitone»). Это было французское изобретение, созданное, чтобы смотреть клипы в кафе. За столиками, слушая песню, люди могли видеть на маленьком экране Далиду в виде очаровательного солдата.

Песня «Самый долгий день» заняла первое место в хит-параде. Можно только удивляться, ведь на рынке царил волна «йе-йе»... В тот же год другими великими шлягерами стали «Я слышу свист поезда» («J'entends siffler le train») Ришара Антони, «Все парни и девушки» («Tous les garçons et les filles») Франсуази Арди, «Повозка» («Chariot») Петулы Кларк и «Задержи ночь» («Retiens la nuit») Джонни Халлидея.

Франсуаза Арди, Сильви Вартан, Шейла стали знаменитыми. Это девушки-подростки, Далида была старше их на десять лет. Сначала соперницы, они станут потом друзьями. Но Далиде придется сражаться без передышки. Кончилось время, когда все казалось таким простым, когда ничто ей не мешало. Ей придется считаться с ритмами, с модой, с эпохой.

Летом 1962 года новый шлягер позволил ей держаться и дальше на волне «йе-йе». Благодаря песне «Маленький Гонсалес» («Petit Gonzalès»), быстрой, забавной и веселой, она осталась впереди и тронула сердца самых юных зрителей.

Люсьен продолжал процедуру развода. Не было ли примирение в «Олимпии» лишь временной передышкой? Поэт-песенник Андре Сальве, близкий друг, Жан Фридман с «Европы 1» и Морис Сигель отвели себе роль посредников, потому что Люсьен все еще бойкотировал Далиду на радио...

Было заключено «поллюбовное» соглашение. Далида оставила Люсьену квартиру на улице Анкары, где он будет жить до конца своих дней. Ей трудно было покинуть это жилище, которое она покупала и обставляла с любовью и надеждой...

«Так надо. Я плачу свой долг!», сказала она себе. «Но теперь я должна начинать с нуля»

Без денег у нее оставалось теперь только ее имя и ее смелость. В конце 1962 года ей пришлось оставить квартиру в Нейи, потому что соседи не могли выносить шум репетиций. У нее было мучительное ощущение, что она возвращается назад, снова становится скиталицей. Ведь она не прекращала путешествовать, как за границу, так и по Франции. Несмотря на присутствие Жана Собески, который всегда сопровождал ее, она чувствовала себя очень усталой и очень одинокой.

Любезность Жана не всегда понимали правильно.

- Никто никогда не видел его картин, - шептались вокруг.

Он обнаружил, что превратился в «месье Далида», таская за ней чемоданы, потому что она всегда была на пути из самолета в самолет, из отеля в отель, из театра в ресторан...

Эти вечные гастроли были как бегство. Они позволяли ей не думать слишком много. Ведь в среде шоу-бизнеса даже самые близкие ей люди ручались только за «йе-йе». Неважно, кто и что записывает. Достаточно было иметь приятную головку, имя с английским звучанием и умение взять несколько аккордов на гитаре. Пришла мода на дружеские перемигивания с публикой. Нужно было «положить в карман» исполнителя, чтобы чувствовать себя близким к нему. Даже на сцене люди хотели теперь видеть не звезд, а «приятелей»...

У Далиды появилось ощущение, что ее профессионализм, ее голос, ее страсть к совершенству даже играют против нее. Добавьте к этому усталость от работы, тревогу, терзающую ее: она была напряженной, нервной. Ее союз с Жаном Собески страдал. Ангельское лицо Жана превратилось в затравленную маску. Мечта мидинетки, дорогая сердцу Далиды – хижина и двое влюбленных – оказалась неосуществимой надолго. Пришло время непонимания, споров и сожалений...

Люсьен, все кончено

Система «назойливой рекламы», изобретенная Люсьеном, распространялась. Так продвигали песни, о которых заранее решили, что они будут хитами. Когда их передавали по радио и через

⁶ В 1966 году он снимет фильм, прославивший его на весь мир: «Мужчина и женщина».

музыкальные автоматы, они обеспечивали быстрый возврат денег, но продажи были парализованы.

Прошло время, и система стала давать сбои. Поклонники Джонни и Далиды стали покупать меньше пластинок, потому что песни можно было очень просто послушать по радио и в музыкальных автоматах. Чтобы выжить в этом застое, издатели стали заранее допускать «утечки», без конца выпуская новинки. Ложные ценности не задерживались: один артист сменял другого, одна пластинка – другую. Звезд уже не покупали по большой цене. Новая система пришла на смену, опустошающая и очень дорогая, если использовать ее долго.

Далида всегда была с Жаном, но в трудные моменты она звонила никому иному, как Люсьену. Жан не понимал, что происходит. Время от времени Далиде казалось, что она очнулась от сна. С Жаном она еще проживала прекрасные дни. Но потом ей снова не хватало Люсьена. Они не могли не видеться с ним. Но, проведя вместе час, они начинали терзать друг друга.

Далида пела новый твист, когда-то выбранный Люсьеном, «*Можешь забирать ее*»:

*Можешь забирать ее,
Не жди больше,
Она твоя.*

Очень благородно, но заканчивалась песня так:

*Чтобы она вернулась,
Чтобы она поняла,
Чтобы она заключила меня
В свои объятия.*

Люсьен думал обо всем, что Далида ему сделала, и ненавидел ее. Потом он снова видел ее, таял от ее печального взгляда, хотел ее утешить. Он не мог избавиться от ее влияния. Все кончено, убеждал он себя, по крайней мере...

Со своей стороны, Далида в минуты сильной усталости думала о том, чтобы вернуться к Люсьену, которого, однако, все чаще и чаще видели в объятиях Агаты Аэмс.

В конце концов, они с Люсьеном пришли к согласию и готовы были снова начать общую жизнь. Далида только ждала подходящего момента, чтобы сказать Жану, что все кончено.

Но судьба решила иначе. Турне по Европе принесло свои плоды: Далиде присудили мировой «Оскар» за успешные пластинки. Чтобы получить его, она отправилась в Кортину д'Ампеццо. Жан сопровождал ее. Впервые она взяла его в Италию: папарацци набросились на сенсацию. На другой день первые полосы французских газет гласили:

«Далида и Жан Собески проводят любовные каникулы на снегу»

Люсьен уже даже не пытался понять ее. Он решил жениться на Агате Аэмс. Далида тогда была в Гонконге на съемках. Настала ее очередь узнать из газет о новом браке Люсьена...

Гонконг был одним из прекраснейших городов мира. Далида была там одна. Из окна в отеле с видом на великолепный залив она восхищалась пейзажем. И вдруг она почувствовала, что ее словно раздавила неумолимая печаль:

- Я впервые увидела свой развод с неприглядной стороны, во всем его безумии. Меня как будто душило чувство тоски: было жарко, погода угрожала грозой, что-то неуловимое давило на меня. Почему я попала в ловушку, почему меня привлекла такая глупая страсть? В тот момент мое сердце и душа называли единственное имя: Люсьена, моего мужа! – расскажет она журналу «*Stop*».

Потеряв Люсьена, она поняла, как любила его. То, что она чувствовала к Жану Собески, казалось ей теперь безумием, душевным порывом. Несмотря на развод, в глубине души она по-прежнему считала Люсьена своим мужем. Она не могла удержаться, чтобы не звать его, надеясь что каким-то чудом он услышит.

Однако он был в объятиях другой, и волны любви не достигали его. В ней поднималась ревность, бессмысленность которой она сама понимала. Она была слишком горда, чтобы признать это. Почти всю ночь она плакала, глядя на огни залива, на этот феерический пейзаж для одиноких влюбленных.

Утром она поняла, что изменилась. Она решила воспользоваться последствиями этого кризиса. Она начала сознавать, что реклама – обоюдоострое оружие.

Всю жизнь СМИ будут позволять ей привлекать очень широкую публику, оставаться на виду. Она не забывала, что именно новое радио прославило ее, и ей по-прежнему нравились признаки ее популярности.

До конца она будет удивительно искренней и простодушной в своих интервью. Часто казалось, что она принимает журналиста за своего наперсника. Через него целая страна узнает об этом. Через интервьюера она привлечет читателя, слушателя, зрителя – в сердечном разговоре, где каждому казалось, что она говорит лично с ним. Эта манера общаться была действенной, обезоруживающей и смелой. Это вызывало симпатию, любовь, обожание, но в то же время могло привести к нежелательным поворотам, излишествам и недоразумениям. У нее не было больше личной жизни, но в отличие от других звезд, как Бардо, она мирилась с этим, потому что через тысячи людей она всегда обращалась к единственному. Ее встречи с публикой были любовными свиданиями.

Сначала она верила, что несмотря на ее профессию, несмотря на ее имя, она сможет сохранить тайну личной жизни. Теперь она понимала, до какой степени принадлежит своей публике, которая ее создала. Мужчина не выдерживал такого долго. Его желание не было таким сильным, как желание толпы. А она, в его объятиях, всегда немного отсутствовала. Когда она дрожала, он думал, что такое же головокружение, такой же экстаз она испытывала на сцене, перед микрофоном.

И вот она возмущалась и решала оставить его.

Тон ее заявлений изменился. Чувствовалось, что она разочарована, обескуражена. Она говорила:

- Я восхищаюсь безмянными матерями семейств.

Как будто безмянность требовала такой храбрости, какой у нее не было. Она повторяла:

- У меня есть недостатки, я не идеал.

Как никогда она ненавидела притворство:

- Можно ли отвечать за ошибки, которые совершаешь, реагируя сразу же?

Она сожалела об энтузиазме, о простодушии своих двадцати лет, которые казались ей такими счастливыми. Но радостью жизни была любовь, «источник любого творчества или действия». Вот где проблема: любовь была для нее источником чего-то другого, а не самоцелью. Можно ли удивляться, что мужчина чувствовал себя более ненужным?

Потеря Люсьена оставила ее сиротой. Однако, у нее оставались другие корни: дом, городская жизнь. Она думала, что если бы у них с Жаном был свой дом, все было бы лучше... Иоланда снова дышала. В конце 1961 года она обрела свою мечту: «Дом с садом в центре Парижа, спрятанный среди деревьев, в глубине старинного двора на старой улице»

Монмартр

В двух шагах от площади Тертр, на высотах Монмартра открывается решетка, ведущая к незаметному проходу: это улица Оршан. Очаровательное название, как будто придуманное для Далиды. За высокими стенами – частный отель в стиле 1900 года: замок Спящей красавицы. Входная дверь украшена кованым железом, как дверь дома в Шубре, и здесь тоже есть терраса, как та, куда она поднималась и где пряталась в детстве. Не говоря уже о башенке – настоящей, зубчатой, как в замках из книжек с картинками.

Узкая и извилистая, как на картине Утрилло, улица Оршан выходит к холму улицы Лепик, напротив Мулен де ла Галетт. Туристы не добираются сюда. По обе стороны тротуаров поднимаются загадочные стены и кукольные домики. Свернувшись калачиком, улочка спит очарованным сном, купаясь в тишину, как улицы Шубры купались в солнце. Оазис покоя посреди города. Вдали от мира, и все же из дома виден весь Париж. Внизу, в ковре зеленых деревьев исчезают утесы зданий. На небе вырисовываются корпуса Мулен-Ружа.

Далида сразу же влюбилась в Монмартр. Она любила жить только на высоте. Между нею и небом должна быть только крыша. Когда ты звезда, для тебя естественно жить, витая среди звезд. Или в облаках...

Монмартр – это старый Париж, который чем-то напоминал ей Восток. Например, улица Лепик, которая кружила голову со своими лавками под открытым небом, где фрукты и овощи продавались на улице, где у людей за стойками кафе, казалось, была впереди вечность.

Внизу – площадь Пигаль с ее маленькими женщинами, девушками, которые задирали ноги и раздевались перед клиентами в атмосфере добросердечия, еще до прилива порнографии. Атмосфера мюзик-холла, где еще звучало старинное эхо кабаре, которые она любила.

И вдруг за стеной, немного выше – аромат сирени, роз, упрямых листьев плюща, ветки каштана, покачивающие своими розовыми свечками. И кладбище, как островок вечности, с меланхолическими статуями и памятными камнями, которые терялись в успокаивающей зелени.

Париж уличных детей и простых людей, веселых и безмянных работяг, нищих, у которых была своя культура и свои традиции, но и Париж обездоленных, людей с чемоданами, с беспокойными глазами, которые бесшумно искали себе место.

Далида была дома. Наконец-то. Она могла положить свои чемоданы. Она нашла свое место.

Дом был дорогим, а денег у нее не было. Тем хуже: она взяла кредит. Она хотела купить дом. Как когда-то Пеппина, Елена:

- Моя дочь, ты должна быть хозяйкой у себя дома.

Она думала:

«Я обставлю его постепенно»

Он был очень большой. Четыре этажа, в том числе мансарда, где она устроит студию живописи для Жана. Ей нравился немного кичевый стиль в архитектуре, колеблющийся между замком безумных лет и поднимающимся павильоном: балкон полукругом, штукатурка с кладками камней, обведенных белым цветом, как в пригороде. В маленьком саду – два платана, каштан, розы.

Это был замок Спящей красавицы, дом Белоснежки с его наивным налетом, вы вот-вот ждали, что появятся семь гномов... В огороженном саду, где только гул напоминал о городе, она чувствовала себя в безопасности, скрытая за занавесом зелени.

Она поселила своего принца наверху, украшала и обставляла дом по его советам. Жан любил простоту, благородство и истину: Людовик XIII, испанское Возрождение, черно-белый плиточный пол, стены, отделанные известью. Немного строго, но она любила эту свежую, богатую, и в то же время суровую обстановку, темную патину из старого дерева.

Она отпраздновала свои двадцать девять лет, получила триста роз и сто пятьдесят почтовых открыток. Сказочный день рождения. Она провела его в компании Джонни, Шарля Азнавура и Жана Собески.

Этот последний преподнес ей любопытный подарок: стеклянную лампу в форме шара, где лежали сухие луковицы...

Любовная страсть прошла, страсть к дому заполнит пустоту. Романтическое приключение казалось ей безумием, работа вступила в свои права. Моменты безумия нужны были, чтобы дышать, чтобы дать волю своей запретной части, которая без этих лазеек отравила бы всю ее жизнь. Любовь превратилась в творчество, Далида возродилась, работала для самой себя, а не по воле случая или мужчины.

Ее дела были в большом беспорядке. Развод и переезд все перевернули. Ее мать, старший брат, кухня Розы поселились в квартире Версальских ворот. Потеряв Люсьена, она собирала вокруг себя тех, кого больше всего любила.

Приезд Розы был очень важен. Это была младшая кузина, почти сестра, наперсница. Когда она прибыла в Париж 12 февраля 1962 года, Бруно, ставший Орландо, был на гастролях с «Черными носками». Розы приехала одна. Ее отец, мать и брат остались в Каире, чтобы этот последний закончил учебу. Потом они уедут в Италию, в Болонью.

Рози была опьянена своей новой свободой. Вместе с Далидой они смеялись как сумасшедшие:

- Помнишь, как папа, твой дядя Эудженио, который считал себя и твоим отцом тоже, отбирал у тебя помаду?

Рози была темноволосой, красивой, живой, решительной. Она заставляла считаться с собой. Она восхищалась Далидой, но удивлялась ее наивности, ее порой необдуманному энтузиазму. Так как Далида была очень занята работой и для нее тут не было ничего нового, Розы начала, в сопровождении Орландо, путешествовать по молодежным кабаре: «Сен-Илэр», «Нью-Джиммис»... после заточения в Каире это опьяняло. А лавки Сен-Жермена, этот воздух свободы, которым везде дышишь, этот оптимизм, эта беззаботная вера во власть юности!

Очень быстро Рози стала искать работу. По просьбе Орландо ее устроили секретарем к Барклаю. Через полтора года, когда секретарша Далиды выйдет замуж и уедет в провинцию, Рози заменит ее. Она поселится на первом этаже дома на улице Оршан, в конторе, и займется встречами Далиды и ее личными делами.

- Далида знала абсолютно всех, но у нее было мало друзей. Она хотела бы завести их, но не было времени. Она считала всех очень милыми, и она разочаровывалась в тех, кем интересовалась. Я же чувствовала людей сразу. Из-за моей интуиции она называла меня «колдуньей», «чародейкой»...

Далида была той, кого Рози любила больше всех на свете после матери:

- Она была искренней, без всяких задних мыслей. Она не могла поверить, что возможно лицемерие. Когда она понимала, что ошиблась, это причиняло ей ужасную боль. Ей было очень тяжело, если ее доверие обманывали.

Таким образом, роли поменялись. Рози, маленькая девочка, которая не хотела есть, стала, в свою очередь, защитницей своей кухни. Как Пеппина и Орландо, она знала, что помимо силы Далида обладает глубокой ранимостью. Далида воплощала успех семьи, реванш над судьбой. Клан Джильотти тоже сплотится вокруг нее, будет беречь ее, облегчая ей жизнь и позволяя полностью отдаваться делу.

Рози была надежной и преданной. Как Далида, она получала в ответ верность и искренность. Но в отличие от кухни, она не находилась на сцене: она была за кулисами и видела всё то, что Далида, ослепленная ярким светом, в котором жила, никогда не замечала:

- Она очень хотела, чтобы ее любили. Искусство было для нее поисками любви. Она нуждалась в любви, она была очень романтичной. У нее была душа доброй самаритянки, она объясняла недостатки людей трудным детством. Им всегда нужно было помогать. Я называла ее «святая Иоланда»... Нас с Орландо это сердило. Она никогда ни о ком не говорила плохо, даже в шутку.

Далида называла Орландо и Рози «двумя сообщниками»:

- Что это вы там готовите? Вы все время говорите о ком-нибудь плохо!

Рози, как и Орландо, обожала Далиду, и та иногда чувствовала себя между двух огней. Далида доверяла Рози женские секреты, которые предпочитала скрыть от брата:

- Поклянись, что ничего ему не скажешь!

Очень стыдливая, Далида боялась осуждения Орландо:

- О некоторых своих поступках она знала, что они нехороши. Она знала также, что Бруно всегда верно судил о ней. Но она хотела жить по-своему...

Рози знала, что Далида боялась потревожить брата или огорчить его, поэтому хранила все ее секреты. Она повторяла Орландо признания Далиды только тогда, когда они были серьезны. Она никогда не переставала удивляться двойственности ее натуры:

- Такая ранимая, и такой сильный характер! Иногда о ней говорили как о мужчине. На репетициях она умела заставить работать музыкантов и техников. Это профессия только для мужчин...

Рози часто будет беспокоиться о Далиде, когда та останется одна в своем доме на Монмартре:

- Дом был большой, персонал жил наверху, там было много выходов. Я боялась, а она никогда. Чего она не выносила, так это душевного одиночества. Она всегда искала отца, которого у нее никогда не было.

Конец страсти

Она обставляла дом на Монмартре для Жана и вместе с ним, как дом на улице Анкары – для Люсьена. И так же, как она покинула Люсьена, она покинула Жана, как будто ей невыносимо было жить с мужчиной постоянно. Она искала душевную безопасность и в то же время бежала от нее. То, что притягивало ее к Жану – его «богемность», его чувство мгновения – теперь исчезло. Он начал карьеру актера и снялся в фильме «Стриптиз» («Strip-Tease»).

- Нужно заработать денег, чтобы посвятить себя живописи, - говорил он. Его обвиняли в том, что он использует Далиду: он должен был защищаться. Но Далида раньше думала, что он равнодушен к блескам, и его обаяние потускнело. Он больше не мог позволить ей сбежать от оков славы, потому что он, в свою очередь, стал частью этого мира. Она больше не могла

положить голову на плечо Жана, чтобы забыться. Она поняла это, когда провела вечер на празднике по случаю премьеры фильма. Она пригласила стриптизерш из «Crazy Horse». Это было для Жана, но она видела, как они очарованы. И она осознала, как эта обстановка далека от невинности их первых встреч. Частично по ее вине Жан Собески стал публичным человеком. Он не был уже свободен.

Она сказала себе:

«Я больше не нужна Жану»

Она упрекала себя, что попала в ловушку его красоты. Она достаточно жила сегодняшним днем, не думая о будущем:

«Мне нужен зрелый мужчина, который даст мне детей...»

Но когда Жан ушел, дом показался ей слишком большим. Ее кровать, окруженная шестьюдесятью метрами кружевной вуали, стала белой пустыней. Ей снова приходилось ходить, одинокой, по бесконечным коридорам отеля после концертов.

Орlando стал теперь ее верным рыцарем. Их пара, почти кровосмесительная, будет нерушимой. Они делили почти всё, обожали друг друга и ссорились. Она давала ему советы в его карьере. Он считал, что она с ним сурова, но ценил эти советы.

Все-таки брат есть брат, и Пеппина, со своей стороны, подталкивала дочь к тому, чтобы найти мужчину старше ее, зрелого и имеющего буржуазную профессию. Далида жаловалась:

- Моя мать, хотя и радовалась моим успехам, всегда критиковала мою личную жизнь... В двадцать девять лет я была кем-то вроде богатой старой девы... Любовь меня пугала...

Она знала, как опасна ее импульсивность, и боялась дать себе свободу:

- Среди певцов и актеров, которые меня окружают, я не вижу никого, кто бы устроил меня. Многие ухаживают за мной, но я уверена, что если выберу мужа среди них, то снова стану жертвой показных чувств, томных поз для фотографов. Я больше не хочу любить ради журналистов.

Солнце

Она отдыхала, жила ради работы. С этих пор, когда уйдет любовь, она всегда будет нуждаться в этом восстановлении, этом поиске себя.

И снова встреча с мужчиной: Кристианом де ла Мазьер (Christian de La Mazière). От принца она перешла к виконту: Кристиан был красивым брюнетом, элегантным, культурным, утонченным. У него было трудное прошлое – в «Печали и жалости» он рассказывал, как в ранней юности поступил на военную службу и попал в плен к немцам. Он встречал легендарных плейбоев: Рубирозу, Гунтера Сакса. Долгие годы он был спутником Жюльетт Греко, но его видели и с Мартин Кароль, Жанной Моро, Брижит Бардо.

Далида встретила его в начале лета 1963 года. Одетый в замшевую куртку, в открытой машине, он имел гордый вид. В августе она отдыхала в Сан-Тропе. С утра до вечера она занималась солнечным лечением – лучшее лекарство от ее меланхолии. Она рано ложилась и избегала вечеринок в кабаре.

«Отсутствовать – еще один способ, чтобы тебя заметили», думала она.

Она сломала себе лодыжку, когда упала в бассейн, но тем не менее отправилась, с ногой в гипсе, в турне по адриатической Ривьере. Ла Мазьер сопровождал ее. Он нелегко переживал свой разрыв с Греко. Он и Далида, они оба пострадали от любви. Их связь была основана на взаимопонимании, желании щадить и беречь друг друга.

Далида нашла в Кристиане профессиональную поддержку, в которой нуждалась. Он взял на себя ее отношения с прессой. Он приведет в порядок ее дела, будет все организовывать, чтобы она не занималась финансовыми деталями, контрактами, путешествиями, гастролями. Он проведет с ней два года и станет для нее драгоценным союзником.

Кристиан был эстетом, благодаря ему она развивала свой интерес к оформлению дома и к книгам. Ведь желание узнавать новое снова возникло у Далиды, как только она приобрела все нужное для этого. Она жаждала учиться самой и искала мужчин, которые могли ей помочь: Люсьен открыл ей музыку, Жан – живопись, а Кристиан позволит ей открыть для себя утонченную жизнь и манеры.

С его помощью Далида изменится. Черная орхидея, дикая, импульсивная, вспылчивая, скоро станет белокурой орхидеей, женщиной изысканной, нежной, спокойной, хозяйкой своей жизни. Эта перемена будет долго совершаться. В трудные минуты черная орхидея всегда будет возникать снова, со своими первозданными порывами, своей хаотической яростью...

Конец «йе-йе»

Пиаф умерла в 1963 году. Далида возьмет с собой в турне Тео Сарапо, молодого вдовца Эдит, которой он освещал последние годы. Исполнительница «Милорда» умерла, оставив семьдесят миллионов долга. Сарапо оказался в трудном положении. Далида рисковала, оказав ему доверие, но она говорила:

- Я оплачу долг.

Уход Пиаф стал погребальным звоном по эпохе французской реалистической песни, очень пострадавшей от волны «йе-йе». Но для поколения, которое унесло ее, тоже наступило начало конца. Сыновьям и дочерям эры скорости пришлось заплатить за все. Их успех был слишком быстрым. У них не было времени вооружиться, пройти трудную школу кабаре и пригородных праздников. Они думали, что эффекты текста и голоса уже вышли из моды. Но все же пластинок, радио, телевидения было недостаточно, чтобы установить с публикой глубокую, длительную связь.

Когда пластинка прославляла какого-нибудь артиста, публика хотела увидеть его во плоти. Часто очень юные, певцы «йе-йе» показывали себя слабыми в трудных турне по провинции. Отсутствие голоса, производившее при записи эффект естественности и непосредственности, оказывалось теперь непростительным. Самая сильная звукоаппаратура могла только выставить напоказ их недостатки. Разочарованная публика сначала освистывала, потом отворачивалась.

Немногие удержатся в седле. Джонни Халлидей, разумеется, Франсуаза Арди и Сильви Вартан. В начале 1963 года появились Шейла и Клод Франсуа; они точно так же останутся. Но помимо них, очень много милых мордашек потонуло в неизвестности «приятелей-приятельниц» эпохи «нежного возраста и деревянных голов»⁷...

Когда волна схлынула, Далида все так же невозмутимо оставалась на месте. Она вздохнула с огромным облегчением.

Графолог анализировал ее подпись в «Cine-Revue». Он обнаружил, что Далида не являлась такой независимой, какой хотела быть: ей нужно было быть в окружении, и не просто среди кого-нибудь.

В минуты покоя, в глубине своего пряничного замка, она залечивала раны. Отдыхала, восстанавливалась. Однажды вечером в ноябре 1963 года она ужинала со своими друзьями. При выходе они столкнулись на улице Коленкур с двумя дерущимися бандами хулиганов. На Монмартре апаши как раз уступили территорию «черным курткам». Далида и один друг оказались в центре стычки, но Далида не дала себя в обиду и била их каблуками... Невероятный рисунок в итальянской прессе обессмертил эту сцену, изобразив, как Далида превращается в тигрицу. Как будто туфли-лодочки были не только женским аксессуаром, но и холодным оружием. Ошеломленные хулиганы разбежались. Далида отделалась только каблуком. На другой день, свежая как цветок, она выступала в передаче «Tele-Dimanche»...

Эта передача подтвердила то, что случилось месяцем раньше во время программы Андре Сальве, «Douce France». Согласно «L'Aurore», «та Далида, о которой мы даже не подозревали, современная певица с волнующим голосом, нежным и хрипловатым на американский манер, решила исполнить две самые сложные песни, какие были: «Говорите мне о любви» («Parlez-moi d'amour») и «Жизнь в розовом свете» («La vie en rose»). Признаем, что ей не занимать храбрости»

На самом деле эта храбрость была ей нужна:

- Мне было безумно страшно. Я очень боялась тени великой Пиаф.

Еще раз риск оправдался: пресса говорила о «темноволосой Монике Витти» и удивлялась:

«Она начала петь интеллектуальные песни!»

Она хотела этого с самого начала, и могла, наконец, позволить себе это. Далида никогда не была фривольной. После нежных растений 50-х годов, женщины 60-х боролись за свою

⁷ Из песни Жильбера Беко: «C'est le temps des n'importe quoi, age tendre et tête de bois»

эмансипацию, которая завоевывала территорию, прославляя образ ветреной девчонки. Шейла потом заплатит за это; она повторяла сейчас, покачивая головкой с растрепанными хвостиками: «Но это моя первая вечеринка», как заезженная пластинка. Ей никогда не позволят петь другой репертуар. Что касается Шанталь Гойя, которая с обезоруживающей наивностью воплощала перед камерой Годара *«teen-age victim»* («подростка-жертву»), то она выберется лишь украдкой, чтобы затвориться в волшебном царстве фей материнства.

Далида ничему не училась, поэтому важно было благоприятное влияние такого мужчины, как ла Мазьер, который был культурным, принимал ее всерьез и обращался с ней как с равной.

Она не теряла свою веселость, непосредственность, которая была частью ее характера, и публика ей этого не простила бы. Она ни от чего не отказывалась, но двигалась вперед, меняла пропорции. Как заметил Ив Сальг в январе 1964 года:

«Это не вираж на девяносто градусов, но поворот постепенный, управляемый, необходимый. Далида 1964 года родилась»

Она тоже находила, что изменилась:

- Когда я смотрю на мои фото десятилетней давности, мне кажется, что я помолодела. Я приехала из Египта, где слишком много красятся, где любят фальшивые украшения...

Для нее прошло достаточно времени, чтобы она объяснила свою неудачу с Люсьеном, сколько боли и вины она чувствовала в их отношениях:

- Когда я вышла за него замуж, мне говорили, что я сделала нужный ход, что я попала в точку, объединила любовь и карьеру. Эти слова, возможно, отравили мое счастье. Я слишком импульсивна, чтобы повиноваться по расчету. Такие подозрения меня ранили. Люсьен был потрясающим, блестящим, деятельным. Я была неправа, считая его некрасивым. Он любил меня, и я его обожала. Но те голоса, все более настойчивые, постепенно уничтожили эту уверенность. Я сама тоже начала думать, что стала женой Люсьена по расчету. И эта мысль была мне противна.

Женщинам она давала совет:

- Не доверяйте любви с первого взгляда. Хороший и любящий муж – самое драгоценное, что может быть у женщины. Успех и удача ничего не значат. Лучше обнаружить это не слишком поздно.

В Милане, на премьере фильма *«Незнакомка из Гонконга»* (*«L'inconnue de Hong Kong»*) она появилась в объятиях ла Мазьера, в длинном парчовом платье и в накидке из белой норке, с романтичным шиньоном, без украшений, потому что теперь она их ненавидела. Лицо было серьезным. Изысканная, великолепная, как героиня Висконти. И в то же время она танцевала «серф», новый модный танец...

Она с удовольствием следила за карьерой Орландо и продолжала ободрять его, но и ему ничто не давалось легко. В феврале 1964 года газета *«L'Alsace»* констатировала:

«Орландо скоро выпустит новую «сорокапятку». Кто об этом знает, кроме его поклонников? Каждая его пластинка продается в размере более 60 000 экземпляров. Греко никогда так не продавалась. И все-таки об Орландо мало говорят»

Манера пения брата и сестры была настолько похожа, что *«Le Canard enchaîné»* обвинил Далиду: когда она уезжает отдохнуть, то надевает на брата парик и посылает его петь на сцене вместо нее...

Далида тоже очень нравилась в странах Восточной Европы. В Варшаве, где она была второй французской артисткой после Монтана, пять тысяч зрителей неистовствовали. И она заметила, что там продают туфли «Далида»... Она оставалась популярнейшей звездой в Германии, где продала почти столько же пластинок, сколько во Франции: десять миллионов за шесть лет. В Северной Африке ее успех был таким, что Бен Белла хотел, чтобы она выступила в качестве звезды на праздниках алжирского референдума: она стала первой французской артисткой, спевшей в независимом Алжире. После того, как была талисманом десантников...